

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

802-11  
ЖУРНАЛЪ 214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгаринымъ.

---

ЧАСТЬ СТО ДВѢНАДЦАТАЯ.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № V.

I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ГУСТАВЪ ВАЗА.

( Окончаніе. )

Однажды, когда я вышелъ изъ рудника, предсталъ передо мною благовидный мужчина — подавъ мнѣ дружески руку и повелъ меня въ свой домъ. Это былъ Аксель Биорнзень; жена одного работника видѣла вышитый воротничекъ сорочки моей и сказала Акселю, который заключилъ изъ этого, что я бѣглецъ, преслѣдуемый бѣшенствомъ Христиерна, и какъ онъ былъ добрый человекъ, то и принялъ меня къ себѣ.

Онъ обходился со мною дружески и со-спрадапельно. Я хвалилъ Дазарійцевъ и легонько изъявилъ боязнь свою на счетъ того, когда и до нихъ дойдетъ очередь испытать ширанспво Христиернаво. Тутъ спалъ Аксель ~~высказалъ~~ обширность спра-ны, многочисленность и храбрость мужей

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктшербургъ, Февраля 15 дня 1827 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ  
Константинъ Сербиновичъ.*



ея и независимость ихъ къ гнѣющему Шведовъ игу; онъ клялся, что Христіерну никогда не удастся покорить ихъ своей власни. Я радостно обнаружилъ передъ нимъ свои мысли. Тогда Аксель вдругъ поблѣднѣлъ и сжалъ пощчасъ оговаривашь, что прежде превозносилъ хвалами. Трусъ не можешь быть вѣрнымъ другомъ. Я взялъ съ него обѣщаніе быть скромнымъ, и ночью ушелъ отъ него. Безъ вожакаго, блуждалъ я по горамъ и долинамъ, и наконецъ нашель жилище стариннаго своего товарища въ бишвахъ, Пешерсона.

Онъ принялъ меня по-брашски, съ громкими восклицаніями радости. „Какъ ты!“ говорилъ онъ: „увернулся отъ Данскаго палача? Ну, слава Богу, что живешь хотя одинъ Шведъ, на кошораго опечесство можешь полагашь надежду. Спунай ко мнѣ; ѣшь, пей, подкрѣпи себя; въ домъ швоего друга все швое.“

Тутъ ударили мы дружески по рукамъ, и я не скрылъ отъ него спремленія моего сердца. Онъ общалъ мнѣ пособіе и назвалъ человѣкъ пятьдесятъ, все знашихъ особъ, говоря, что на нихъ могу положиться. Два дня пробыли мы вмѣстѣ и условились, какъ быть дѣлу; тогда пошелъ онъ, какъ сказалъ, переговорить съ прочими.

Тоскливо и горестно посмапривала на меня хозяйка Имгарда, когда онъ вышелъ. Я спросилъ, почему; она отвѣчала, что нездорова. Однако при наступленіи вечера, когда спало темно и я, взявши фонарь, опшправился спать, она догнала меня, схватила за руку и спала плакашь. „Густавъ,“ сказала она: — „сердце мое разрывается, но я должна осперечь себя: мой мужъ пошелъ предать тебя Данчанамъ за золошо. Бѣги; мой старый слуга Іенсъ проводитъ тебя въ вѣрное мѣсто.“

„Куда ты ведешь меня?“ спросилъ я стараго слугу, идучи съ нимъ шбною, почти непроходимую пропою. „Къ Пастору“ отвѣчалъ онъ. Эшо не понравилось мнѣ; не скрою передъ вами, друзья: тогда никто не казался мнѣ опаснѣе Пастора. Что сдѣлалъ Густавъ Тролле (\*) на пагубу своему опечесству, шо было у меня въ свѣдѣй па-

---

(\*) Смерть Спуре и Эрикъ Тролле, искали оба достоинства Намѣшника; Спуре побѣдилъ. Чтобы успокоить Папу, который вмѣшался въ распрію, и паршю Эрика, Спуре согласился признать Эрика сына, Густава, Архіепископомъ Упсальскимъ. Сей послѣдній оказалъ себя дѣвельнымъ и непримиримымъ врагомъ Спура, и безъ него никогда Христіернъ, возбуждавшій еще болѣе деньгами его мпшительность, не пришелъ бы въ Швецію. *Сог.*

мяши; и хоша однажды приходила мнѣ бѣглая мысль привлечь на свою сторону Епископовъ, однако я бросилъ ее; мнѣ мнилось, что всякій Епископъ подобенъ Тролле — не захочешь быть болѣе гражданиномъ и человекомъ, чѣмъ Епископомъ.

Однако, благодареніе Богу, Пасторъ, называвшійся Іоанномъ, былъ хоша и не Епископъ, но гражданинъ и человекъ добрый. И онъ сидѣлъ бы здѣсь, за этимъ столомъ, если бъ не былъ шамъ, гдѣ носишь корону превосходяще моею! — Онъ спросилъ меня объ имени и обѣщаль мнѣ покровительство. Когда старый слуга ушелъ, онъ повелъ меня въ церковь и заперъ въ ризницѣ. „Здѣсь“ — сказала онъ: — „тебя никто искашь не будетъ. Гдѣ господинъ бездѣльникъ, шамъ нельзя вѣршишь и слугѣ. Въ домъ моему тебѣ не было бы хорошаго убѣжища.“ — По ночамъ приходилъ онъ, приносилъ мнѣ пищу и бесѣдовалъ со мною. Тушь узналъ я вскорѣ здравый умъ этого человека и честныя свойства. Слезы пробивались изъ глазъ его при мысли, что есть еще Шведъ не робкаго духа, для блага своего опечесива. „О, счастливы ты“ — восклицалъ онъ: — „что Богъ къ отважной душѣ даровалъ тебѣ твердую руку на спасеніе народа съ геройскою силою. Благо-

словляю тебя къ тому во имя Господа! Но если не могу носишь меча на опору тебѣ, то буду служишь совѣтомъ и дѣломъ. Не ищи въ здѣшнемъ дворянствѣ! Его низкое корыстолюбіе не доставишь тебѣ славы, къ которой стремишься; охотишь изгибается оно передъ чуждымъ шираномъ, нежели передъ душевнымъ величіемъ себя подобнаго. Къ тому же дворяне боялись войны, могущей уменьшишь ихъ запасы и испортишь пашни. Но поселяне Даларнскіе смѣлы, раздражены прошиву чужевластія, бѣдны и потому не скупы, гораздо ниже тебя званіемъ, и потому не позавидуюшь своимъ добродѣтелямъ. Черезъ нѣсколько дней приходи въ Мору, на крестьянскую сходку, я прежде схожу шуда, чтобъ узнать расположеніе умовъ. Надежный человекъ снабдишь тебя всѣмъ нужнымъ, и проводишь.

Я пришелъ въ Мору на сходку Даларнцевъ. Іоаннъ шамъ встрѣшилъ меня. „Все ладно!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо, и подхватилъ меня подъ руку, ввелъ въ среду ихъ. „Вопгъ Густавъ Ваза!“ вскричалъ онъ шугъ: „который ищешь защиты отъ жестокостей Христиерна, въ долинахъ и между мужами Даларни.“

Радосный крикъ разсѣкъ воздухъ. Добродушные Даларнійцы обступили меня, хватая за руку и пожимали ее. Иной, съ дикимъ лицомъ, съ звѣрскимъ взоромъ, сморщивъ на меня шакъ умильно, что слезы порывались изъ глазъ его. „Даларнійцы!“ — сказала я, по минованіи бури воспора — „не для спасенія своей жизни убѣжалъ я отъ ширана. Честь и богатство достались бы мнѣ въ удѣлъ, если бы я поклонился ему въ вѣрности. Въ моихъ замкахъ могъ бы я вести укронную, покойную жизнь. И на чужбинѣ эта рука приобрѣла бы себѣ милость и покровительство Монарховъ. Но мой народъ составляетъ жизнь мою, честь и богатство. Мнѣ ли шерить, чтобы Шведы медленно пожираемы были горстью чужаго народа? Я перенесъ уже много опасностей, испытала измѣну, прошель горы и лѣса Кальмара, Осгголандіи, Зюдерманландіи, Нерики и Веспманландіи: нигдѣ не нашель, чего искалъ. Дворяне изгибающся подъ гнѣпомъ власти, войны покоряющую ласкашельству, Епископы возносящ мольбы за ширана, отъ копорато принимающъ подарки и угрозы, береговые жищели считающъ свои барыши превыше свободы. Даларнійцы, вы — сердце Швеции. Въ васъ живель благородство предковъ на-

шихъ, умершее въ другихъ. За мною, друзья! — Отъ вашего мужества, отъ крѣпости руки вашей побѣгущъ все испребищели народа, все шайные его кровонійцы, и благодарное ошечество восхвалищъ васъ на вѣки вѣковъ.“

Тутъ, какъ бурные валы, взволновался народъ, и громкія восклицанія раздались въ воздухъ. Поклялись мщеніемъ Дашчанамъ, достали въ мигъ оружіе, и 400 человекъ попребовали, чтобы я велъ ихъ на бишву. Мы осадили замокъ, въ копоромъ жилъ Дашскій Намѣстникъ. Все крестьяне собрались вокругъ меня. Явились и ишкошорые изъ дворянъ, по видимому на помощь мнѣ, въ самомъ же дѣлѣ — чтобы развѣдаль о силахъ моихъ и съ ними сообразовался. Я мало о шомъ заботился, и предводительствую храбрымъ народомъ, полешель на встрѣчу побѣдъ. Дашскіе полководцы падали или бѣжали. Ввроломный Гуснавъ Тролле, думавшій поразить меня при Упсаалѣ, едва успѣлъ убраться свои ноги.

Тогда закипѣло ширанское сердце Хриштерна. Мать моя и сеспра, двѣ благородныя женщины, умерщвлены были съ жесточайшими муками. Много другихъ благородныхъ женщинъ брошены имъ съ упеса въ море, въ мѣшкахъ, которые ихъ самихъ за-

сравили шишь. Знашнѣйшихъ юношей убивалъ онъ и уродовалъ. Въ Швеціи, наемники его испребляли мечемъ и огнемъ всѣхъ безъ различія. Эшо воспламеняло въ моихъ мужество, и съ каждымъ днемъ умножало число ихъ. Небольшую полну воиновъ прислалъ мнѣ Николай изъ Любека и писалъ, что памошнѣй Совѣшь гоповъ заключишь со мною союзъ. Туть выползли и дворяне изъ своихъ замковъ, и спарые шоварици, копорымъ Хрисієрихъ не давалъ жалованья, вдругъ вспомнили о геровъ Спуре, объ ошечествѣ, и предложили мнѣ свои услуги. Я принималъ всѣхъ, но Даларнѣйцы съ неуспрашимостию, швердоснѣію духа и сильными мышцами, спояли у меня высоко предъ всѣми.

Я сдѣлалъ прислупъ къ Спокгольму. Гусшавъ Тролле и его приверженцы бѣжали. Туть мнѣ пошребовалась помощь. Я послалъ Сванна Поссе въ Любекъ, заключишь союзъ и пошребовашъ скорѣйшаго пособія. Онъ привезъ шо и другое; но когда доносилъ онъ о посольствѣ своемъ, очень живо возобновлялись въ моей памяти спарые гопода, засѣдающіе въ Совѣшѣ, въ ихъ мѣховыхъ плащахъ съ золотыми перевязями. Опъ меня шребовали, заплашишь 60,000 марокъ за снаряженное воинство, а пока эшого не сдѣлаю, дозволишь безпошцинный

ввозъ шоваровъ для Любчанъ, не допускашь никого, кромѣ нихъ, къ шорговлѣ со Швецією и не заключаешь мира безъ согласія Любека. Вопъ что называешься по купчески расчипаннымъ дружесшвомъ, господинъ Посланникъ; никогда бы я не забылъ о шомъ, если бъ вы и не напоминали мнѣ.

Надобно было на все согласиться, чтообъ довершишь начашое. Туть случилось, что Норби (\*), понышавшись шщешно подашь помощь сидящимъ въ Спокгольмѣ Дашчанамъ, былъ загнанъ моими Любекскими кораблями къ ближнему оспрову, и шамъ заперло его льдомъ со всѣмъ его флотомъ. Эшо узналъ я на другой день, и рѣшился однимъ ударомъ сокрушишь всю Дашскую силу. Мои Шведы были, правда, ошважны, какъ львы, но къ устройству и порядку еще не совсѣмъ привыкли они; почему и повель я въ шу же ночь къ нападенію однихъ Любчанъ. И они пошли храбро въ слѣдъ за мною, и не смошря на сильный огонь Дашчанъ, зашли многіе корабли ихъ, шакъ, что я уже радовался удачному предпріятію. Вдругъ Либскій предводитель scomандовалъ решителаду, и какъ я ни просилъ, сколько ни

---

(\* ) Зеренъ Норби былъ Хрисієриховъ Адмиралъ, человекъ храбрый. *Сог.*

угрожалъ, не могъ опсклонить ось шого Любчанъ. Тушь я узналъ, что значить помощь союзниковъ!

Однако тогда было не до шого, чтооь сердилсья: освобожденный Норби угрожалъ всею силою опразнить осаждающихъ Спокгольмъ, и мнѣ нужны были Любчане, чтооь бы не допустишь его къ эшому. Впрочемъ, если бь Шведы мои не устояли съ удивительною швердосцію прошиву люпоси холодной зимы, я былъ бы принужденъ опешупишь, пошому, что эши чужіе друзья хопьли шолько сладко ѳшь, а не мерзнуть и не воевашъ. Тираны низвергають сами себя. Данчане возсшали прошиву Христіерна и прогнали его. Швеція очисшилась, шолько Спокгольмъ оказывалъ еще слабое, почти умирающее упорство. Цѣль, копорая лежала у меня на душѣ, была достигнуша, и я пожелалъ видѣшь народъ, за свободу копорого сражался и побѣждалъ; мнѣ хотѣлось дашъ ему правительство и законы, чтооь упрочишь за нимъ эшу благодѣтельную свободу.

По силѣ возложеннаго на меня Чинами званія Правителя, назначилъ я Сеймъ въ Спрегнесъ. Туда собрались во множествѣ Чины, Епископы, и шьмочисленными шолпами народъ мой изъ всѣхъ провинцій. Гдѣ

ни появлялся я, вездѣ принимали меня съ радосшными восклицаніями, какъ божештво. Я былъ предметомъ ихъ разговоровъ, героемъ ихъ пѣснопѣній. Всѣ пѣснились вкругъ меня, какъ дѣти около отца, и эши брадапные мужи плакали ось радосши, когда я имъ дружески кланялся.

Не подумайше, друзья, чтооь человекъ, копорый скоро спанешъ предъ престоломъ Всевышняго, рѣшился говоришь вамъ эшо изъ суетной горделивоспи. Если душа, возмимъвъ благіе, великіе помыслы, безпрепешно преоборала опасосши и непоколебимо выносила шруды, ради одной высокой цѣли, и если эша цѣль достигнуша и шраведливоспъ расшочаетъ награду за наградою для сшасшливца, копорый шого удосшопляся: тогда умолкаетъ уже голосъ обыкновеннаго чешполубія и радосши, и просшая, но искренняя и безкорышная похвала народа гораздо ушѣшишельнѣ сердцу, нежели шумное, блиспашельное одобреніе, при копоромъ иные хопяшь высшавишь шолько самихъ себя.

Эшо испытано мною въ Спрегнесъ. Зашла рѣчь объ избраніи меня въ Короли. Чины и Епископы видѣли, что нѣкому бышь Королемъ, кромѣ меня. Я и самъ чувешвовалъ, и не спыжусь сказашь, что радовался

тогда, считая себя достойнымъ вѣнца, копорого пятюсть въ печеніе сорока лѣтъ не подавила моего мужества, копорого обязанности пребылъ я вѣренъ. Однако поменьше мужества врядъ ли не пришлись быдо бы Чинамъ и Епископамъ. Чшобъ шолько выиграть для себя, сколько возможно болѣе, старались они придашь высокую цѣну доброй своей воли, и со всеусердіемъ поуждали меня къ принятию короны, надѣясь, что въ упоеніи радости, не ошвергну я шѣхъ условий, какія выдуманы ими были для ихъ собшвеннаго возвеличенія и обогащенія.

Туть я согласился, чшобъ о шомъ предложено было во всенародномъ собраніи. Выслушавъ орашоръ и, возвеличавъ мои подвиги и добродѣтели, прибавилъ, что Швеціи нуженъ Король, и что нѣтъ никого къ шому достойнѣе меня; пошому и должны разсудить Чины, могу ли я и съ какими условиями бышь Королемъ. Но сердечный порывъ народа не далъ ему договорить. Спокойно слушали дѣланнныя мнѣ похвалы; но едва произнесено было, что я достоинъ бышь Королемъ, какъ воздухъ засноналъ ошъ громкихъ восклицаній: „да, Король, Король нашъ герой, отецъ нашъ, избавитель, Гусавъ Эрикзонъ, нашъ Король! Хвала, хвала и долгодѣшіе!“ — и всѣ

присцупили и пребывали, чшобъ имъ показали ихъ Короля, хващали одежду мою, цѣловали ее; совсѣмъ чуждые другъ другу обнимались съ радостными слезами, и какъ бы щедро одаренные на всю жизнь, какъ бы получившіе доступъ ко врашамъ небесъ ошъ дворянъ и Епископовъ, восшорженные поселане и граждане обхващывали ихъ и цѣловали.

Есть что-шо великое, друзья мои, сдѣлашся предметомъ любви и обожанія народа, съ увѣренностью, что эша любовь приобрьшена заслугами!“

Старый Король умолкъ, и гости въ глубокой задумчивости смолчали каждый передъ собою. Спусти нѣсколько минушь, Гусавъ продолжалъ:

„Я расказалъ вамъ, что для спасенія Швеціи, для моего счастья и моей славы сдѣлано было щедросшію купцевъ, храброю рукою солдатъ, напшришическою отважносшію дворянъ и пошояннымъ усердіемъ союзниковъ. Но не полна была бы рѣчь моя, когда бы умолчалъ я о заслугахъ служителей церкви во время моего правленія.

Народъ громко и великодушно провозгласилъ меня Королемъ, и всѣ благоволили предо мною безъ сошрощивленія. Туть представали мнѣ Епископы и спали говорить,

весьма назидательно, о шомъ, сколь необходимо возвести благословеніе Божіе на державную главу мою, посредствомъ коронаванія оныхъ освященныхъ рукъ ихъ. По своему обычаю; принявъ я предложеніе скоро, безъ околичностей; но святыи мужи, видя равнодушную готовность мою, не опустили намекнуть о дачахъ и привилегіяхъ въ пользу церкви и Чиновъ. Я помнилъ, шѣ времена, когда пашыри и дворяне наперывъ шерзали по клочкамъ Королевскую маншію, и замѣнили, что хоченся имъ добытое моимъ мужествомъ и кровію народа распредѣлить большею частію, какъ добрую находку, по монастырямъ и замкамъ ихъ. Посему-шо я ошклонилъ это дѣло, подѣ предложомъ, что осада Спокгольма шребуешь личнаго моего присушенія.

Вскорѣ Спокгольмъ палъ и Швеція сдѣдалась моею. Возсѣвъ на престолъ моего отечества, я долженъ былъ вникнуть въ дѣла его съ царскою заботливостію. Тогда-шо спало разрывавшая сердце мое, ибо во всемъ Государствѣ увидѣлъ я безпорядки, опустошенія и бѣдность. Своимъ и чужимъ еодамамъ шребовалась плаша, а въ сокровищницѣ было пусто и народъ споналъ подѣ ярмомъ налоговъ. Если бѣ я спалъ ходишь и въ дрянномъ полукашанѣ, какъ въ

шу пору, когда явился предѣ купеческимъ собраніемъ, если бѣ жилъ не богаче Даларнійскаго мужика, и тогда не скопилъ бы я, сколько мнѣ было нужно.

Между шѣмъ видѣлъ я пышность Епископовъ, блескъ и богашество церковныхъ ушварей; принималъ участіе въ роскошныхъ пирахъ, въ честь мою ушроемыхъ, и думалъ про себя, неуже ли на шо ешь воля Божія, чтообы Его служители ушпали въ пѣтъ, а народъ шомился, и пріятно ли Ему благодѣпіе дома Его, когда селянинъ едва можешь выспроишь себя хижину? Какъ мнѣ показалось, что это не можешь бышь угодно Богу и что не будешь противно Ему, если избыткомъ Его служителей ошвращена будешь нищета въ Государствѣ, шо я призвалъ къ себѣ Епископовъ и пошребовалъ оныхъ нѣкоторой части ихъ сокровищъ. Святыи ошцы перепугались и горько жаловались на свою бѣдность. Я былъ споекъ и напомнилъ, что лучше подавать народу примѣръ добродѣтели, нежели выманивать у него послѣднія крохи и приспѣжать его любоспрасшіемъ. Тушь прозвали меня ерешникомъ и бѣшеный Брускъ Линкопингскій ошкрыто взывалъ къ возмущенію.

Тогда появился ученый и смиренный Олай Пешри из Вишпенберга. Онъ рассказъ мнѣ объ ученіи Люперовомъ — говорилъ такъ скромно и умно, что я никакъ не могъ запрешить ему вразумлять и наставлятъ другихъ, какъ онъ меня вразумилъ и наставлялъ. Это раздражило монаховъ и духовенство еще болѣе; повсюду бѣгали они и языками злобы, какъ горящими головнями, распалили противъ меня умы народа; изъ прежде бывшаго избавителя, провозглашенья я былъ, съ церковныхъ кафедръ, врагомъ Божиимъ и порожденіемъ дьявольскимъ.

На все это не обращая я вниманія, и шѣмъ еще болѣе склонялось мое сердце къ умному и крошккому Олаю. Пускай они бѣснующся, думалъ я, себя хранишь любовь швоего народа. Однако ядовитое быщенство пастырей нашло средшво уязвишь меня въ самой глубинѣ моего сердца. Ошважные, вѣрные Даларнійцы, кошорыхъ нѣкогда соспраданіе ко мнѣ и къ успѣенному ошечеству одушевило къ такимъ подвигамъ — кошорыхъ пособіе возвело меня на прешполь, вдругъ возмущены были ими. Въ шѣ долины, обитательей кошорыхъ ежедневно благословляя я въ благодарной душѣ, шяжкій долгъ принуждалъ меня вести воору-

женныя полны для усмиренія. Презришельнѣйшимъ, Богомъ ошвергнушимъ злодѣемъ казался я шѣмъ, кошорые нѣкогда считали меня въ Морѣ ниспосланнымъ опъ неба избавителемъ. Хотя еще разъ послушались они моего голоса и не нужно было прибѣгать къ оружію, чтошбъ укротить ихъ; но какъ раздраженные пашыри не прешакали подшпрекашь и ослѣвляшь ихъ прешодушій, шо Даларнійскія долины снова наполнились ужасами мясеша. Тогда почувшвовала я, что корона, кошорая должна бышь подкрѣпляема молишвами и ученіемъ служителей церкви, не должна бышь подчинена правамъ ихъ и силѣ. Я созвалъ Чиновъ швоего Государштва, и объяснилъ имъ швои мысли.

Благородные господа и мужи Швеціи, говорилъ я: вы избрали меня Королемъ, да власшвую надъ народомъ вашимъ во благо его. Но гдѣ Епископы и монахи, во имя Господа, высасывають ошласни и пользуются прешодушіемъ вѣрныхъ подданныхъ на возмущеніе ихъ прешиву Государя, шамъ не можешъ прешувѣвать благо народное — не можешъ и Король, хотя бы смысломъ и муаросшію подобный ангеламъ, исполняшь швоего долга. Я хечу, чтошбъ сін, корышлюбивые, безпокойные пашыри, удалились

опть насъ. Хочу, чѣшобъ у новаго Густава Тролле ошнѣша была власшь устроѣшь гибель отечеству. Хочу, чѣшо бы пышность и блескъ церковный исчезли изъ спраны обдѣнѣвшей. Хочу, чѣшобъ мы повиновались не ушавамъ Римскаго Двора, а единственно Слову Божію и истинѣ. Хочу сего во имя Господа и ко благу моего народа.

Но сей сѣлпой народъ, орудіе раздраженнаго духовенства, заноситъ мечъ на челоуѣка, которому самъ въ Спирегнесъ вручили единодушно корону. Благородные господа и мужи Швеціи! не хочу я долѣе носить короны, которая дѣлаетъ меня ненавистнымъ народу, не давая возможности приносить ему пользу. Опрекитесь отъ Папы, изгоните власшь его на вѣчныя времена и покоритесь, именемъ Швеціи, Евангельской истинѣ. Вы первенствуете въ народъ; съ вашею помощію могу и хочу я власшвовашъ и возвеличить Швецію, сдѣлавъ ее счастливою. Если моя воля не противна вамъ, шо произнесите сіе шоржешвенно, съ силою закона, вѣчно неизмѣннаго. Если жъ вы несогласны со мною, шо возьмите у меня корону, въ которой нѣтъ могущества и чести, возьмите ее назадъ и возвратите мнѣ мое родителское наслѣдіе, которое ошдалъ я на освобожденіе своего

отечества. Въ дальнія спраны удалюсь я шогда, и пошараюсь забыть народъ, который былъ мною любимъ, которому вѣсшь я пожертвовалъ — который меня боготворилъ, а спусти мало времени, преслѣдуешь съ поруганіемъ и ненавистію.

Сказавъ эшо, всшалъ я и ушелъ къ себѣ во дворець. Чешыре дня оставался я шамъ взаперти; со мною небольшое число благородныхъ и вѣрныхъ служителей. Да, признаюсь, шо были горестныя для меня дни. Бога призываю въ свидѣтели, чѣшо я не искалъ престола Швеціи, какъ знака ошличія, который вывѣшиваешь на панцырь храбраго, въ узнаніе свѣшу о его подвигахъ; онъ посланъ мнѣ былъ отъ Бога и любви Швеціи, какъ драгоценный подарокъ, и я клялся Богу и Швеціи украситъ его добродѣтелями и заслужитъ новыми благодѣянїями. И вдругъ ошстался я въ уединенной комнатѣ, лишенный чести, какая подлежащъ добродѣтели, лишенный могущества дѣлавъ добро моему народу; вокругъ меня мяежъ; во мнѣ ожиданіе презрительнаго слова отъ шѣхъ людей, для которыхъ, можешь быть, суевѣріе священнѣ Вѣры, и которыми личная значительность цѣнитъ выше народнаго блага! О, по истинѣ, мнѣ было легче

въ рудникахъ Даларнн, легче въ ризницѣ Священника Іоанна!

Въ собраніи Чиновъ, прежде всѣхъ началъ рѣчь зяпъ мой Туре Янзонъ. Дерзновеннымъ и пагубнымъ назвалъ онъ мое намѣреніе, наглѣмъ нововведеніемъ ученіе Люшера. Капюлицескую же церковь свяпилищемъ, съ кошорымъ связано земное благо и блаженство небесное. Хотя Швеція, говорилъ онъ, перляешъ во мнѣ мужеспвеннаго, храбраго Государя, но самое дѣло: разспройство всего царства и возмущеніе вѣрныхъ Даларннйцевъ, доказываешъ недоспашокъ во мнѣ царской мудроспи; что до него касаешся, онъ никогда не согласншся на мои шребованія и пребудешъ по конецъ дней вѣренъ шой религнн, кошорая одна въ состояннн низвешн на него благоспъ небешъ.

Эшо мнѣніе было ясно, и кншо бы могъ прощнворѣчншъ ему, когда шощъ, кого природа назначала моимъ зашщншникомъ, первый возснала прощнвъ меня? Много и съ жаромъ было говорено за и *противъ*, но нншо не вело къ дѣлу. Епнскопы не щаднла хнспрыхъ удовокъ. Туре Язонъ шоржешшвовалъ и говорнль все громче и снльнше; друзья мои робѣли и умокали.

Наконецъ въ чешвершый день предснала собранню Эркн Тролле, кошорый прежде

молчалъ. Ннкогда не нскаль онъ моего благовошенн, и былъ, по дядѣ своешъ, опдалаешъ и надзнраешъ мною.

„Благородные господа и брашня!“ сказала онъ. „Вы знаете мое нмя и шо, что Гуспавъ Тролле мой дядя. Спуръ были прежде врагами нашего дома, шеперь Ваза. Ннкогда я не ласкашельшвовалъ ему, нкогда онъ меня не прнманнвалъ. При всешъ шомъ, еслн Шведы не хошашъ покорншся чуждой власшн, еслн онн могушъ и должны нмѣшъ Короля, шо ннкто другой не можешъ и не долженъ бышъ нмъ, кромъ Гуспавъ Эркнзона, спасншеля, кошораго благодарный народъ провозгласнль Королешъ въ Спрегнесъ. Онъ не тольо храбрѣшшй, но мудрѣшшй, и я думаю, самый лучшшй между нами. Я опрекаюшъ опъ Папы и покаряюшъ вошъ Короля, какъ снль Государешшвеннаго закона, на вѣкн!

Изумлненн, благородное умнленн обяло другихъ. Ннкто уже не думалъ о своей лнчностн; кромъ Туре Язона, всѣ возчувешшвовали, что когда рѣчь ндешъ о благѣ народа, всякнй долженъ мыслншъ, какъ Эркн Тролле. Топчасъ заклнчили, Папскую власшъ нзнашъ навѣкъ нзъ Швеціи, а Евангелнческое ученн сдѣлашъ господешшвующешо въ Государешшвѣ Релнгнешо. Одынъ нзъ прнвер-

женныхъ мнѣ пришелъ къ замкнутой двери дворца моего и принесъ извѣстіе, Черезъ нѣсколько минушь, явились первѣйшіе Чины, и объявили мнѣ согласіе на мою волю, и желаніе, чпобы я предсѣлъ въ ихъ собраніе Королемъ, и съ полною властію ввелъ новый законъ.

Тогда-шо сдѣлался я Королемъ, не въ бурѣ благодарности и радости, а уваженіемъ одного благороднаго врага. Чѣмъ я тогда сдѣлался, шѣмъ и осмался; ни Даларнійцевъ фанатическое броженіе, ни Христіерновы нападенія, ни высокомеріе Любчанъ, ни коварное бѣшенство Епископовъ, ни вѣроломство Туре Янзона, не могли уже поколебать короны, кошорою обязанъ я заслугамъ, и кошорую доселѣ споль же доспойно несъ, какъ и принималъ ее.

Вы Шведы; я спарь — жестокииъ некогда не бывалъ, да и смершь вскорѣ сняла бы съ васъ бремя моего неблаговоленія. Говорище, если хоша что нибудь сказано мною несправедливо!“

Всѣ въ почтительномъ безмолвіи взирали на спараго героя, испощеннаго заботами и шрудами, согбеннаго лѣшми, кошорый въ сіе мгновеніе выпрямился и сполья, какъ нѣкогда юношею, призывая къ ображенію своихъ воиновъ, и подобно небес-

ному огню, блиспало изъ глазъ его чувство собспвенной силы и добродѣтели.

„И шакъ,“ говорилъ онъ далѣе: „знайше же: не оспроуміемъ школьныхъ мудрецовъ, не Любскимъ золошомъ, не опышнымъ мечемъ спарыхъ солдатъ, не мужеспвомъ и великодушіемъ дворянства, не усердіемъ союзниковъ, не помощію кровнаго родства, спасена Швеція и основанъ престоль мой. Нѣшь! эшо сдѣлано добродушіемъ Баннера, честностію Николая, великодушною преданностію Ивара Нельсона, состраданіемъ Имгарды, опшважностію и благоразуміемъ Иоанна, благородствомъ Тролле и мужеспвомъ, преданностію моего грубаго, но славнаго народа. И для чего мнѣ молчашъ при эшихъ сѣдинахъ, и съ упомянными, гошowymi скоро смежнись глазами? Цѣлый народъ былъ сорокъ лѣшь свидѣшелемъ моей жизни; я не захочу кончншь ее нешпымъ хвасповшвомъ. Да, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу. — “

Тушь спарый Король возвелъ съ умиленіемъ глаза свои къ небу, и нѣсколько минушь безмолвспвовалъ.

„Вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу пишала я въ себѣ шопъ царскій, доблеспный духъ, кошорый въ юности подвизалъ меня

къ благороднымъ дѣламъ, въ зрѣломъ возрастѣ возложилъ съ честью корону на главу мою, и шеперь, въ старости, крошко и радостно низводишь меня въ могилу. Онъ-то давалъ мнѣ мужество среди опасностей, твердость въ несчастіи, благоразуміе въ счастіи; онъ-то причаровывалъ друзей, гдѣ мнѣ грозила опасность, имъ основалась власть моя надъ сердцами, чрезъ него получалъ я вѣрныхъ слугъ, и даже враговъ моихъ обращалъ онъ на вспоможеніе мнѣ.

И шакъ, Эрикъ, основывай власть твою не на золотѣ, спрегомомъ скупостью, не на храбрости, продажной щцеславію и любостыжанію, не на высокой породѣ, которая уязвляется зависію и унижаешь эгоизмомъ, не на союзникахъ, которые не любяшь вдаваться въ опасности, но не упускаюшь пребывать себѣ награды, ниже на всеобщемъ восторгѣ и любви народа, котораго простота поддается внушеніямъ хитрости проклинашь сегодня то, что благословляла вчера! Въ тебя самомъ блескъ и сила твоей короны! Будь Королемъ твердостью духа и добродѣтелью. Тогда любовь и уваженіе соиздудушь престолю твоему, и никакая вражья сила не поколеблетъ его. Онъ высокаго всегда въ зависимости низкое, къ истинному ве-

личію прилѣпляешь всякій охотно, и благо, во вѣки благо Царю, въ кошоромъ народъ почитаетъ лучшаго изъ мужей своихъ!»

Такъ говорилъ державный спарець, и сложа руки, возвелъ опять къ небу глаза свои; и долго оставался онъ погруженъ въ священную задумчивость, потомъ вдругъ поспѣшно поднялся и пошелъ швердою стпою, подобно юношѣ, въ свой ближній покой. Въ изумленіи взирали въ слѣдъ ему гости. Но лихорадка съ большею силою поприясла его. Уже не вставалъ онъ съ одра своего, и чрезъ нѣсколько дней заключилъ свое поприще.

## 2.

## С В Ъ Т Ъ Г А Р Е М А (1).

(Изъ Томаса Мура.)

Кшо не слыхалъ о долинь Кашемирской, о ея розахъ, предеснѣйшихъ въ міръ (2), ея храмахъ, прохладныхъ пещерахъ,

(1) Нурмагалъ, имя героини сей Повѣсти, значить Свѣтъ Гарема. Ея послѣ назвали Гургханъ, ш. е. Свѣтъ міра.

(2) Нѣжный цвѣтъ и ошмѣнный запахъ Кашемирской розы вошли въ пословицу на Востоцкѣ. (Фортсберг.)

испочникахъ, еполь же свѣшлхъ, какъ очи милыхъ красавицъ, которыя любящъ смолпръшь на ихъ воды прозрачныя?

Пріятно видѣшь сію долину при закатѣ солнца, когда прекрасный, весенній вечеръ льещъ на озеро послѣдній свой свѣшъ; пакъ юная супруга закраснѣетъ, бросивъ послѣдній взглядъ на зеркало, и пойдешъ шихими шагами къ ложу брачному.

Сквозь зелень деревъ видны разные храмы, и всякая вѣра освящаетъ сей часъ особымъ своимъ служеніемъ. Здѣсь слышишь набожный крикъ Муецына, раздающійся съ вершины минарета; шамъ — Магъ колеблещъ свою кадильницу, наполненную благовоніями; далѣе — прелесшная Баядерка поспрашиваетъ у Индійскаго жершвенника свой поясъ, низанный изъ колокольчиковъ, издающихъ сладосшныя звуки (3).

Прекрасна долина сія и въ часы ночи, когда блѣдный свѣшъ луны шомно онсвѣчивается на ея дворцахъ, садахъ и храмахъ, когда водопады блещущъ, какъ падающія звѣзды, и умильная пѣснь соловья перерываешъ шумнымъ веселіемъ и рзвою пляс-

(3) „Она опоясала свое шѣло поясомъ изъ колокольчиковъ, которыя звенѣли, какъ восхитительная музыка.“ (Пѣснь Яйадевы).

кою молодыхъ любовниковъ, кои собирающъся подъ сводами деревъ, дышащихъ прохладою.

Люблю долину Кашемирскую и въ часъ разсвѣша, когда волшебная прелесшъ луча упреннаго онкрываешъ намъ съ каждымъ мигомъ новыя чудеса, когда верхи горъ, кровы зданій и свѣшлые испочники, вдругъ выходя изъ мрачноши, кажущся какъ бы швореніемъ солнца. Геній аромашовъ пробуждаешъ вмѣстѣ съ денницею и вылепашешъ изъ своего гарема цвѣшповъ; непосшанный, игривый вѣшерокъ съ любовію лобзаетъ юныя осины, коихъ шрепещущій лисшъ плавно колеблещъ (4). Восшкоъ загараешся, какъ сердце юноши, ондающеся первымъ надеждамъ, и день, развивъ свое знамя свѣша, выходитъ изъ великолѣпныхъ вращъ, образуемыхъ горами сей счастливай долины (5).

Но, освѣщенная ли слабыми лучами луны, или яркимъ блескомъ солнца, освѣженная ли росою весеннею, или богашая сокро-

(4) Малыя островки Кашемирскаго озера усѣяны кустарниками и широколишвенными осинами. (Берше).

(5) Тукшъ-Сулиманъ, имя, которое Магомешане дающъ сей возвышенноши, предсшавляешъ надъ озеромъ половину огромныхъ ворошъ. (Форстеръ).

вищами льша, — никогда долина Кашемирская не являешь споль прекрасною, какъ въ это счастливое время. Все въ ней любовь и свѣтъ: здѣсь покояшь въ день сладкимъ опдыхомъ; ночь проводяшь въ забавяхъ. Улыбка оживляеть все лица, все сердца предаюшь радости. . . нынѣ долина празднуеть веселый праздникъ розъ (6). Удовольствія спекаюшь оповсюду, и сердца для нихъ раскрываюшь, какъ роза, шеперь цвѣщущая, роза сполнственная (7), когда она принимаешь въ роскошную свою чашечку благовонную росу утра.

Наснупись вечеръ и освѣжилъ серебряную поверхность озера, солнце скрыло жгущій свой ликъ за пальмами Барамульскими (8); юныя дѣвы начинали ославлять свои узорныя ложа, на которыхъ онѣ покоились во время зноя дневнаго, и сходились играшь при свѣтѣ лунномъ. Онѣ бѣгали по долинь подобно рою пчелъ, съ жужжаніемъ летающему по вышамъ Белы (9), когда

(6) Праздникъ розъ продолжается во все то время, когда онѣ въ цвѣту. (См. Pietro d'Navalle).

(7) Гуль-сад-беркъ, сполнственная роза; кажеться, это особый родъ. (*Узлей*).

(8) *Верге*.

(9) Мѣсто, упоминаемое въ Тузекъ-Джехангири,

шафранъ расцвѣтаешь. Тысячи свѣспильниковъ мелькали по роцамъ и просѣкамъ оспрова; штысячи свѣсплыхъ лампъ горѣли на домахъ и минарешахъ; сады и пропинки были освѣщены споль яркимъ свѣспомъ, что можно было видѣшь малѣйшіе листочки розы, размешанные по землѣ. Вошь юныя дѣвы и ихъ машери сняли покрывала; повсюду встрѣчаешь очи восхищительные, и даже иногда такая лица, кои не осмѣливались бы показашься при дневномъ свѣтѣ, но шеперь мысляшь нравяшь въ сумракахъ ночи. Онѣ свободно гуляюшь, повпоряя, что никогда праздникъ розъ не былъ такаъ весель, никогда луна не разливала такаого чиспаго свѣта, цвѣшны не блисшали такаими яркими красками, сами онѣ не были споль прекрасны. Онѣ удивляюшь обилію розъ; казалось, что роскошнѣйшіе цвѣшники принесли сюда лучшіе цвѣшны свои. Само озеро дышетъ благовоніями, подобно саду, опъ предеспныхъ цвѣшковыхъ, висящихъ надъ его водами, какъ будно бы дождь изъ цвѣшочныхъ гирляндъ упадалъ съ неба.

Весело повпоряеть эхо звуки бубновъ и мѣрный шумъ легкихъ шаговъ подъ нихъ

или въ запискахъ Джехангира. Въ сихъ же запискахъ говоряшь о шафрановыхъ пощеляхъ.

пляшущихъ; муецыны поюшь пѣсни празднества на высокихъ галлерейхъ минарешовъ, восхитительные голоса отвѣчаютъ имъ изъ ближняго гарема радостными зиралитами (10). Далѣе слышенъ громкій смѣхъ молодой Кашемирянки, которая взлетаетъ на шелковыхъ качеляхъ выше деревъ померанцовыхъ. Въ палаткахъ (11), стоящихъ по обѣимъ сторонамъ дорогъ, малыя дѣти, не боясь угрозъ наставника или махери, борются, бросаясь другъ на друга съ коврами розовыхъ. Какіе звуки несутся съ середины озера! Всѣ говорятъ тихо другъ съ другомъ на челнокахъ, скачущихъ по волнамъ при свѣтѣ лунномъ; мѣрное движеніе легкихъ весель мѣшается съ воздушнымъ ропотомъ, слышимымъ по роцамъ и вокругъ острововъ; кажется, что сіи берега, подобно берегамъ Каша, отвѣчаютъ сладостными звуками лобзанію каждой волны (12).

(10) У женщинъ на Востоку, есть обыкновеніе, заставлятъ муецына пѣть на галлейхъ ближняго минареша, который для сего освѣщается; на пѣснь сію время отъ времени отвѣчаютъ *зиралитомъ*, или веселымъ хоромъ. (*Буссеги*).

(11) „Во время праздника розъ, во всѣхъ мѣстахъ разбиваются палатки, и мы видѣли толпы мужчинъ, женщинъ и проч.“ (*Гербертъ*).

(12) Одинъ шаринный исполкователь Шу-Кинга,

Но изъ всѣхъ сихъ звуковъ сладостнѣйшіе, какъ бы украдкою, срываючися съ люпны возлюбленнаго юноши, который знаешь всю силу люпны и вздоха въ сей часъ очарованій. Наслажденіе восхитительнѣйшее: бышь подлѣ дѣвы любимой! Какое пріятное изступленіе чувствуешь, кто можешь, при таинственномъ свѣтѣ луны, передавать вздохи свои люпнѣ на тихомъ озерѣ, сидя рядомъ съ подругою сердца!

Если женщина можешь содѣлать для насъ безцѣннымъ уединеніе пустынное, то въ какой рай превращаетъ она долину Кашемирскую!

Такъ думалъ сынъ Акбаровъ (13), когда, удаляясь отъ власпи, пышности и шоржествъ побѣдныхъ, пришелъ въ сію долину забывъ все свое величіе съ Свѣтомъ Гарема, юною Нурмагалъ. Свободный отъ всѣхъ суешъ дворскихъ, завоеватель бродилъ по берегамъ озера съ своею милою; вѣнки, которые она, рѣзвая, плела подъ сѣнями цвѣтущими, казались ему дороже вѣнца побѣд-

говоришь, что древніе, замѣшивъ, что каждый прибой воды опдавался въ скалахъ береговъ, какъ музыка, были восхищены сими звуками и взяли нѣсколько камней, изъ которыхъ они сдѣлали музыкальные инструменты. (*Грозье*).

(13) Джахангиръ былъ сынъ великаго Акбара.

наго, и въ сердцѣ своемъ онъ опдалъ бы престолы міра за одну изъ кудрей, падавшихъ на прелестную, бѣлую грудь Сулшанши.

Есть красота, всегда одинаковая и всегда ослабляющая, кошорая, какъ продолжительное сіяніе дня лѣшняго, неизмѣняемое никакою тѣнью, никакою счастливою противоположностью, усыпляетъ любовь однообразіемъ своего блеска. Не сія красота разливала очарованія свои на лицѣ юной Нурмагалъ; но прелестъ всегда новая, кошорая, какъ лучъ, разгоняющій легкія тѣни осенія, никогда не останавливается въ своенравномъ своемъ разнообразіи, одушевляя попеременно уста, ланишы и взоры; мигушно скрываясь въ облакъ, и вдругъ потомъ блеснувъ, какъ тѣ мерцанія небесныя, кошорыя восхищаютъ любимца неба въ его снахъ пророческихъ.

Задумывалась ли Нурмагалъ? казалось, что сія прелестъ, драгоценный шалисманъ, была всегда напечатлѣна въ чертахъ лица ея; если веселость ея измѣнялась (и подъ самымъ благословеннымъ небомъ, легкіе Зефиры колеблютъ иногда цвѣты на ихъ шпелкахъ), неперпѣливостъ Нурмагалъ, мигушный гнѣвъ ея, какъ бы пробуждали въ ней новыя красоты, подобно цвѣшамъ, раз-

ливающимъ пріятнѣйшій запахъ, когда въ шерокъ ихъ колышетъ. Предавалось ли сердце ея нѣжнымъ волненіямъ? Въ черныхъ глазахъ ея свѣтились небеса; огонь чувствъ вырывался изъ сихъ глазъ, какъ святыя опкровенія выходящъ изъ святилища храма; но веселость ея одушевлялась рѣзвостью и живостью, и вдругъ вылетала, какъ пшичка весення. Игривая, какъ Пери, когда ея клѣпка опворена (14), Нурмагалъ могла бы однако жъ пльнншъ самаго мудреца умомъ своимъ. Наконецъ, улыбка, полная жизни, улыбка, внушенная любовью и кропостью, была выраженіемъ души ея; нельзя было загадать, что болѣе всего она украшала въ лицѣ красавицы? Такъ озеро спрушся въ кругахъ пріятныхъ и оживляется опъ лучей солнца, когда легкій въшерокъ пробѣжитъ по водамъ его зеркальнымъ.

Сими несравненными прелестями Нурмагалъ наложила оковы на гордаго побѣдителя Воспока. Сколь ни пышенъ былъ его

---

(14) Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, когда первые брали въ пльнъ послѣднихъ, шо запирали ихъ въ желѣзныя клѣшки и привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги пльнныхъ Пери прилешали съ ними повидатьсь и приносили имъ лучшія благовошія. (Ригардсонъ).

гаремъ, живой цѣвщикъ прекраснѣйшихъ цѣвцовъ нашего шара (15), хотя сокровища, въ немъ заключавшіяся, самимъ Солиманомъ были бы предпочтены всѣмъ богатствамъ, несомымъ кораблями его опъ береговъ Офира, — но чья улыбка могла сравняться съ ея улыбкою? Юная Нурмагалъ была Свѣтъ Гарема.

Но что дѣлаешь она въ сію ночь радости, когда удовольствіе — цѣль всѣхъ сердець? Гдѣ Султанша любимая, когда все, что блистаетъ здѣсь очамъ удивленнымъ, кажется обольстительною мечтою сна? Такъ! если бы кто пришелъ случайно въ эту счастливую ночь на долину Кашемирскую, шомъ почелъ бы себя перенесеннымъ въ *градъ утпхъ* (16) страны очарованій, кошораго дворцы и башни сложены изъ перловъ, свѣта дневнаго и цѣвцовъ. Когда веселіе сзываетъ юныхъ красавиць, гдѣ же прекраснѣйшая скрыла грусть свою?

(15) На Малайскомъ языкѣ одно и то же слово значить цѣвцовъ и женщину.

(16) Столица Шидукіама, ш. е. *страны сгастія*, (такъ называется одна область Королевства Джиннистана, или царства Фей). Столица сія есть городъ Алмазовъ. Амберабадъ — другой городъ Джиннистана.

Увы! какъ часто малѣйшая причина можетъ посягать раздоръ между нѣжными любовниками! Сердца, вопще искушаемыя свѣтомъ и еще крѣпче связанные бѣдствіемъ, сердца, успоявшія въ волненіяхъ на бурномъ морѣ жизни, заблуждающія въ день пишины и счастія, подобно кораблямъ, поглощаемымъ волнами, когда небо ясно и безоблачно.

Что-то споль же легкое, какъ воздухъ, одно слово суровое, или худо исполкованное, короче одно дуновение, часто попрясало любовь, непопрясенную дополь порывами бури; слова, еще суровѣйшія, скоро довершаютъ разрывъ сердце, начатый съ одного слова. Очи забудушь шѣ нѣжные взоры, кошорыхъ они искали въ улыбающіеся дни первыхъ волненій любви, и голосъ потеряешь шомъ сладосный звукъ, кошорый придавалъ сполько пріятности всему сказанному. Мало по малу очарованія любви исчезнушь, и сердца, шѣсно между собою связанные, будутъ подобны облакамъ, силою разорваннымъ, или испочнику, игриво выбѣгающему изъ нѣдръ горы, какъ будшо бы волны его никогда не должны разлучиться; но еще не достигъ онъ долины, а уже дѣлился на многіе ручьи, кошорые вѣчно не сольются.

О вы, хопящіе удержатъ любовь! удерживайте ея въ цвѣтахъ изъ цвѣтшыхъ, такъ какъ она видима въ жилищѣ блаженствъ (17), не выпускайте ни одного узла и не давайте ей владѣть крыльями: одинъ часъ, одна минута бѣгства, лишила бы ея перья половинны ихъ блеска. Такъ птица небесная, вьющая гнѣзда въ дальнихъ странахъ Восшока, блистаетъ крыльями, когда сидитъ на мѣшѣ, но летая, лишается своего блеска (18).

Такое легкое, но опасное несогласіе, мгомъ разрывающее цѣпи двухъ нѣжныхъ сердець, поселилось между Султаномъ и его любезною: эшо одна пѣнь въ ясную погоду любви; но сіе малое облачко можетъ породить громъ. Таково облако, лежащее на сердцѣ Султана и побудившее его изгнать ошь очей своихъ Свѣшь Гарема. Ошь сегошо, въ эту ночь счастливую, когда веселія спеклись на лугахъ и въ рощахъ, когда каж-

(17) См. Описаніе Эроша Восточныхъ народовъ, опушаннаго цвѣточными гирляндами, въ книгѣ: *Les cérémonies religieuses des Orientaux, par Pieurt.*

(18) Между птицами Тонкина есть особаго рода щегленокъ, поющій такъ пріятно, что его назвали небесною птичкою. Когда онь сидитъ, то крылья его кажутся составленными изъ множества яркихъ красокъ, но какъ скоро полетишь, то сего блеска непримѣшно. (*Грозге*).

дое сердце нашло свое, — смѣнь Акбаровъ; уныль и одинокъ, бродишь далеко ошь вѣхъ съ своею грустною, подобно птицѣ Эракійской, ненаходящей мѣста къ успокоенію (19). Напрасно являюся ему лица самыя милыя, глаза самыя прелестныя, раждаемыя смѣнь земнымъ раемъ, — онь не находитъ въ нихъ прелести; напрасно сіе жилище богато тысячами цвѣтшыхъ различныхъ: что нужды до нихъ соловью, когда между ними нѣтъ милой его розы (20)? Красавицы долины съ улыбкой и поклономъ подходятъ къ своему Государю; улыбка подруги его сердца дороже для него вѣхъ почестей міра: онь есть звезда чпимая; а она небо, дающее сей звѣздѣ весь блескъ ея.

Ошь пого жъ, среди всей пышности, Нурмагалъ удаляется ошь празднества и сидитъ одна въ своей ролицѣ; нѣтъ при ней другой подруги для ушѣшенія, кромѣ дѣвы вдохновенной, чародѣйки Намуны. Мно-

(19) Эшихъ птицъ Восфорскихъ никогда не видавали сидящихъ; и потому Французы называютъ ихъ *отверженными душами* (*les âmes damnées*). (*Dal-loway*).

(20) „Предлагай соловью корзины цвѣтшыхъ и травъ благовонныхъ: эшо сердце вѣрное ничего не пожелаетъ, кромѣ сладкаго запаха — своей розы-любимцы.“ (*Джамми*).

гіе вѣки проходитьъ солнце по злэшымъ стезямъ неба, и никогда еще не видѣло оно румянаго лица ея, оживленнаго шакою свѣжешью и юношью; и даже, подобно какъ вздохъ западнаго вѣпра украшаетъ цвѣшокъ, на который онъ повѣшетъ, шакъ быстрое время, каженся, осмываетъ на бѣгу своемъ Намуну еще прекраснѣе: но въ улыбкѣ ея видна какая-то пайная грусть, и когда она вѣщала о мірахъ невидимыхъ, изъ черныхъ очей ея выражался свѣтъ споль чудный, чшо всѣ, ей внимавшіе, не сомнѣвались въ шомъ, чшо Намуна есть дочь геніевъ.

Она знала всѣ шалисманы и всѣ чары, ошъ великаго Маншры (21), сзывавшаго всѣхъ выпреннихъ духовъ воздуха, до злешыхъ камней Африканскихъ (22); которые кочевый Арабъ привязываетъ къ рукѣ своей, дабы зашипишья ошъ злыхъ козей Силпима (23). Какъ ни была она свыше людей, но знала, чего спобитъ лишитъ милаго

(21) Сказываютъ, чшо она нашла великій Маншру, шалисманъ, давшій ей власть управлять спихіями и духами всѣхъ степеней. (*Вильфордъ*).

(22) Золотые камни Джинійскіе, кошорые, по причинѣ волшебной своей силы, Арабами названы *Езмил-Херре*. (*Джаксонъ*).

(23) Злой духъ, живущій въ лѣсахъ и принимающій видъ человека. (*Ригардсонъ*).

сердцу; она поклалась силою своей науки, найши очарованіе, кошорое возвратишья Нурмагалъ улыбки Селимовы (24).

Была ночь... Сквозь зеленую сѣнь, увѣчанную козелешвенникомъ, пьмы благовоной разливались ошъ сихъ расшеній, кошорья бодрешвуюшья погда, когда другія спяшья. Такъ смиренныя цвѣшки ясмина скрываютъ днемъ сладкій запахъ въ скромныхъ своихъ чашечкахъ; но едва солнце закашишья, повѣряюшья сей скрышній залогъ вѣшперкамъ, вкругъ нихъ порхающимъ.

Намуна воскликнула: „вошъ часъ, проливающій пайныя очарованія на мураву и на цвѣшья: шеперь можно сплести вязъ цвѣшчюную, кошорая, бывъ положена на чело уснувшаго, явишья ему во снѣ каршныя восхитительныя и виды чудешные. Таково очаровательное зрѣлище, кошему дивяшья духи солнца, когда играюшья вечеромъ въ золотыхъ шашпрахъ своихъ, пока сумракъ не изгладишья одно за другимъ ихъ жилищъ, сошпавленныхъ изъ лучей свѣша.

„Могу сплести вѣнокъ изъ цвѣшчювъ, на кошорыхъ луна покоила свое зыблющеся сіяніе. Сей вѣнокъ, носимый шюю, кого лю-

(24) Селимъ, имя Джахангира до вощешья на престоль.

бовь оставляешь, сведешь съ небесъ какую нибудь Перу, или духа, коего душа соспавлена изъ запаха цвѣшовъ и вздоховъ любовниковъ, и копорый можешь ей сказашъ... „Вопшь“, вскричала Нурмагалъ съ нешерпѣливостію: „вощъ шакой вънокъ, шы совьешь мнѣ въ эшу ночь;“ и не медля пущилась, какъ легкая серна, рвашъ цвѣшы, освещенные лучами лунными и назначенные къ соспавленію сего вънка волшебнаго. Въ саду помъ расцвѣшали анемоны и *море золота* (25), водяныя лліи съ цвѣшками лазурными, и шѣ нѣжныя цвѣшы, копорые распускающя въ колчанѣ Камадевы (26): шамъ красовалась шубероза сребровидная, копорая въ садахъ Малайскихъ слывешъ *красавицей ночи* (27), пошому, что являешся въ благовоніхъ и убраншѣхъ, какъ юная супруга, когда солнце скроешся; амараншъ, украшающій чело дѣвъ, бродящихъ въ шѣ-

(25) Гемасагара, или *море золота*. Цвѣшы его самаго яркаго золошаго цвѣша. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(26) Сіе дерево (Нагацезара), ешь одно изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ, и пріятный запахъ его цвѣшовъ даешъ имъ мѣшо въ колчанѣ Камадевы, божка любви. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(27) *Polyanthes Tuberosa*. Малайцы называютъ шуберозу Сандаль-Маламъ, ш. е. *красавицей ногъ*. (*Пеннетъ*).

ниспыхъ рощахъ Замары (28); бѣлый цвѣшокъ луны, шакъ какъ онъ кажешся съ высокихъ скалъ Серендиба плаващеламъ, проходящимъ близъ оспрова, чтобъ обоняшъ по въшру запахъ гвоздики; словомъ, ошь несравненной Амришы (29), дающей жителамъ небесъ свои плоды безмертія, до василька (30), колеблющаго благовонные лисшы свои надъ гробницами и скромнаго розмарина (31), нѣшь распенія, нѣшь дерева, копорое бы не украсило сихъ садовъ. Юная Нурмагалъ наполнила свою корзинку лисшыями и цвѣшами ихъ, и возвращаясь къ Намунъ, высыпала на ея колѣна всѣ сіи богашества долины.

(28) Жителы Башшы, области оспрова Суматры (коего древнее имя ешь Замара), вешущъ, когда у нихъ нѣшь войны, жизнь самую львивую. Цѣлый день они играють на особаго рода свирѣли, украся голову вънкомъ изъ цвѣшовъ, между коими первое мѣшо занимаешъ амараншъ. (*Марсденъ*).

(29) Самый пышный и красивый родъ ямбу, или *яблока розы*, называешся амриша, или безмертвный; Тибетскіе Теологи дають эшо же имя небесному дереву, носящему плодъ благовонный. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(30) Персидскій василекъ, называемый Байнанъ, вообще бываешъ сажаемъ на кладбищахъ.

(31) Розмаринъ и леванда находяшся изобильно въ великой степи. (*Recherches Asiatiqnes*).

Съ какимъ наслаждениемъ чародѣйка любовалась сими цвѣтками, окропленными тонкою рососою свѣжилъ! Взоръ ея выражалъ воспоргъ свѣше всѣхъ удовольствій чело-вѣческихъ; она почти въ изступленіи наклонилась на сіи цвѣты душистые и впи-вала ихъ запахъ, какъ будто бы смѣшала свою душу съ ихъ душою. И въ самомъ дѣль ихъ сладостное дыханіе подкрѣпляло ея жизнь чародѣйственную; ибо никто не видѣлъ, чѣмъ она вкушала пищу смертныхъ, или подносила къ ушамъ своимъ что-нибудь земное, кромѣ росы упренней.

Чародѣйка, внезапно вдохновенная, начала свои вохвованія; она спела вѣнокъ съ таинственнымъ искусствомъ и запѣла сіи слова:

„Я знаю, гдѣ обитають сны крыла-тые, летающіе вокругъ одра ночнаго. Мнѣ знакомы всѣ растенія, кои во время дня дають имъ приснанице въ сосудахъ, своихъ. Поспѣшимъ, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ. Завтра ни сновъ, ни цвѣшовъ уже не будетъ.“

„Сонъ любви, посѣщающій каждую ночь дѣву спыдаливую, выходилъ изъ цвѣтка ясминнаго, кошорый, подобно ей, изливаетъ душу свою въ сумракахъ ночи. Упѣшительный сонъ надежды, летающій надъ челомъ

несчастлиаго, выходилъ изъ сребристаго цвѣтка миндальнаго, кошорому вѣшь без-лиственная служилъ подпорою (32). Поспѣ-шимъ же, юная подруга, поспѣшимъ спле-сти нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣ-шовъ уже не будетъ.“

„Сны, открывающіе очамъ спящатаго ослѣпительный блескъ рудъ подземныхъ, жи-вуть въ семь цвѣткѣ горномъ (33), кошорый золотишь зубы дикаго оленя. Ужасные призраки, успрашающіе убійцу, вырывающі-ся изъ сего мрачнаго растенія... не до-прогивайся до него. Это Мандрагора, испу-скающая вопли, когда ее рвутъ во мракѣ ночи. Поспѣшимъ, юная подруга! поспѣ-шимъ сплести нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣшовъ уже не будетъ.“

„Сонъ души, перѣлливо сносящей о-скорбленія и улыбающейся своимъ мучише-лямъ, находилъ въ разбитой корицѣ, ко-шорой онъ усиливаетъ благовоіе. Поспѣ-шимъ же, юная подруга, поспѣшимъ спле-сти нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣ-шовъ уже не будетъ!“

(32) Бѣлые цвѣты миндальнаго дерева выраста-ють на голыхъ вѣшвахъ. (*Гасселькентъ*).

(33) Трава горы Ливана, о кошорой говорятъ, будто бы она сообщаетъ желтый цвѣтъ зубамъ козь и другихъ животнохъ, ее съдающихъ.

Какъ скоро вънокъ былъ положенъ на голову Нурмагалъ, сонъ спустился на глаза ея, шакъ шихо, какъ пѣни въ ночь лѣшнюю. Въ шонъ же мигъ шиховѣйный въперокъ, шполь богатый сладостными звуками, какъ въшры, дующіе въ шашры Азаба (34), богашы благовоніями, прокрамса въ ея слухъ, подобно какъ ранній Зѣфиръ ушра залешашъ въ красивыя раковины моря Чернаго, въ коихъ сама любовь когда-то любила покоишься сномъ (35). Нѣкошорый духъ порхаешъ вкругъ ея, и кажешся смѣшеніемъ музыки и свѣша: шакъ лучезарны черны лица его, шакъ движеніе крыль его наполнешъ воздухъ сладковзвучіемъ. Въ минушу онъ запѣлъ сн слова:

„Призванный чародѣйствомъ сего вънка, освященнаго сіяніемъ луны, я прилешѣлъ онъ сладкогласнаго источника Хиндары (36), жилища очаровательнаго, гдѣ я живу день

(34) Страна мирры, или ладона.

(35) Суевѣріе, что божества языческія жили иногда въ раковинахъ, было извѣстно и древнимъ Грекамъ, кои предшавляли юныхъ Неритъ обшашими въ раковинахъ Чернаго моря. (*Вильфордъ*).

(36) Баснословный источникъ, въ кошоромъ, по словамъ Восточныхъ язычниковъ, музыкальные инструменшы безирешанно играющъ. (*Ригардсонъ*).

и ночь при звукахъ музыки. Люшны шамъ раздаюшся въ воздухъ, голоса покошъ онъ зари ушренной до зари вечерней, шамъ каждый вздохъ вырывается въ звукахъ сладостныхъ. Я прилешѣлъ изъ моего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣешъ силу волшебную, шо, клянусь запахомъ сего вънка ночнаго, любезный швой снова будешъ вздыхашъ у ногъ швоихъ.

„Я внушаю пѣснь шихую и звуки умиращіе, кои падаюшъ шполь же легко, какъ снѣгъ на море, и скоро исчезаюшъ въ сердцѣ; я сосшавляю шъ шпрасшныя переливы, кошорые глубоко закрадываюшся въ душу, ими волнуемую, подобно какъ въперокъ, наполненный благовоніями, сообщашъ пріашный свой запахъ волнѣ, имъ движимой.

„Мнѣ принадлежишъ шашншвенное очарованіе, коему повинуюшся души блаженсшва минувшаго. Едва раздаешся звучный мой шалисманъ — они шекаюшся и шешашюшя вкругъ, какъ гени; я изобрѣлъ нѣжныя пѣсни, навѣвающія онъ души въ душу желанія любви, подобно шой пшщцѣ, кошорая разносишъ въ долинахъ воздушныхъ сѣмена кошрицы онъ одной рошци въ другую (37).

(37) Голубъ Помпадуръ (*Pompadour*) разносишъ въ разныя мѣшша плоды коричневаго дерева, и чрезъ

„Я совокупаю въ сладостной мѣрѣ прошедшее, настоящее и будущее счастья, когда память связываетъ звукъ исчезнувшей съ звукомъ, еще слышимымъ, когда опъ одной ночи восхищительной, надежда перепархиваетъ къ другой, еще восхищительнѣйшей и близкой ночи.

„Сердце война, когда я привожу его въ умпление, дѣлаешь споль же мягкимъ, какъ бѣлое перо его, за минушу гордо сѣявшее среди бипвы... и колеблющееся опъ легкаго дуновения! Но какъ блистають очи юной дѣвы, когда музыка льется въ ея душу, подобную молчаливымъ свѣшпиламъ, внемлющимъ вѣчную гармонию небесъ!

„Я прилетѣлъ сюда изъ своего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣешь силу волшебную, — шо, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, — любезный швой сно ва будешь вздыхать у ногъ швоихъ.“

Заря является... или по крайней мѣрѣ та заря преждевременная (38), которой свѣшь вдругъ исчезаешь, какъ будто бы

---

шо весьма способствующую размноженію сего драгоценнаго растѣнія. (См. *Полсепія Брауна*).

(38) У Восточныхъ жишелей двѣ зари: *Субхи-казымъ* и *Субхи-садингъ*, ш. е. ложный и настоящій разсвѣшь. (*Варингъ*).

день проснувшийся снова закрылъ блестящія свои вѣжды.

Уже Нурмагаль испытываетъ чудесную свою люшну, — и, о счастье! спруны ея звучать, какъ гармоническія крылья сего генія воздушнаго... а голосъ ея!... Это голосъ не смершной: никогда уша жены не издавали споль пѣнительныхъ звуковъ; вздохи Ангеловъ не могутъ быть сладостнѣе. „Ахъ! пусть Селимъ услышитъ меня въ эту ночь,“ вскричала она: — „и тогда спанешь меня любишь болѣе прежняго!“ И съ часу на часъ повторяешь она свои пѣсни, боясь, чпобъ онъ не потеряли до вечера своей сладости; чпо споль прелестно, шо не долговременно! Но пѣсни не ослабѣвали: онъ спановились еще восхищительнѣе; и Нурмагаль, въ воспоргъ, безпрестанно вопрошаетъ каждую спруну своей люшны и прислушивается къ переливамъ своего голоса, подобно эху, влюбленному въ собственныя пѣсни.

Вечеръ наступаетъ; Сулпанъ учреждаетъ пиршество въ великолѣпномъ своемъ шалимарѣ, надѣясь, чпо веселіе, музыка и пѣнящійся кубокъ помогутъ ему изгнать изъ сердца призракъ любви.

Едва первая звѣзда ночи освѣшила прелещущимъ лучемъ своимъ воды озера, юныя

дѣвы долины спеклись въ чертоги свѣтлые. Одиъ, вѣрныя родной землѣ своей, никогда еще не оставляли пѣхъ мѣстъ очаровательныхъ, гдѣ онѣ мелькають сквозь чащу деревьевъ, какъ Нимфы воздушныя по берегамъ источниковъ красотою (39); другія часто говорящъ: „проси!“ снѣмъ долины (и для чего бы разлучаешь съ сими мѣстами прелестными?); бродя, какъ пѣвцы Европы (40), онѣ повшоряють въ садахъ полуденныхъ (41) пѣсни, коимъ ѳуса Кашемирянокъ придають шакую сладость. Здѣсь видны также Одалиски гарема, юныя, златовласыя дѣвы Запада и дѣвы садовъ Нила, румяныя, какъ розы береговъ его (42); дѣвы любви, пришедшія съ утесовъ Кипра и украшающія свои

(39) Болѣе всего дѣлаешь извѣстными источники долины мыслѣ, что Кашемирянки водамъ ихъ одолжены своею красотою и свѣжестью. (*Али-Лезди*).

(40) Трубадуры.

(41) „Я получилъ отъ него эшошь малый *Газзель*, или пѣснь любви, коего онѣ начерталъ ношы, слушая одну изъ пѣвицъ Кашемирскихъ, спрансвующихъ по разнымъ краямъ Индіи.“ (*Слѣзь Персидскихъ Стихотвореній*).

(42) Розы *Джинанъ-Нила*, или сада Нильскаго (во дворцѣ Марокскаго Императора), не имѣють себѣ подобныхъ; изъ листовъ ихъ дѣлають подушки для знатныхъ людей. (*Джаконъ*).

волосы алмазами Пафоса (43); сіи Нимфы съ легкимъ, воздушнымъ спаномъ, которыя топчуть ногами своими золотистые луга Кандагарскіе (44), и пѣ, кои съ нѣгою распростершись въ роцахъ Кашая, смонряють на летающіе вокругъ ихъ рои бабочекъ (45), что глазамъ красавицъ кажется, будто бы всѣ цвѣты сихъ улыбающихся луговъ вдругъ получили жизнь и крылья какимъ-то чуднымъ очарованіемъ. Всѣ красавицы Востока и Запада спекаются въ чертоги Султановы, всѣ... кромѣ тебя, Нурмагалъ! Тебя, прелестнѣйшая, чьей улыбки одной доселѣ искали, чей взоръ, среди сполькихъ прелестныхъ очей, былъ какъ сіе свѣтило, на которое пловець смонришь среди звѣзданаго

(43) Въ Пафосѣ есть гора, въ коей находишь самый лучший горный или восточный хрусталь. По блеску своему, онѣ названъ Пафосскимъ брилліантомъ.

(44) Въ Кандагарѣ есть страна, называемая Перія, или страна волшебствъ (*Thévenot*); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, на сѣверѣ, полагають, что находишь золото въ царствѣ растений.

(45) Есть бабочки, называемыя по-Кипайски *летугими листками*. Нѣкоторыя изъ сихъ насѣкомыхъ имѣють столь богато испещренныя крылышки, что ихъ можно бы назвать *летугими цвѣтками*. Ихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много въ самыхъ лучшихъ садахъ.

неба, себя здесь нѣшь! Селимъ это замѣчаетъ — и для него нѣшь веселія, пошому что себя съ нимъ нѣшь! Но ты близъ него: ты пришла испытать силу своихъ волшебныхъ звуковъ. Нурмагалъ вмѣшалась въ подпу юныхъ дѣвъ, кои, подобно ей, имѣють люпну сладкогласную; она скрывается подъ личиною (46), которая облекаетъ лица дѣвъ Аравіи, не скрывая полько ихъ очей, дабы шѣмъ вѣрите пѣняшь сердца. Она бродитъ по чершогу; сердце ея сильно бьется; она шренищеть, ожидая благоприятной минушты, въ кошорую можешь узнать, еще ли ея люпина любимая сохранила свою силу волшебную?

Различные плоды и вина покрыли столы роскошныя. Взоръ любуется золотыми гроздами, подобными шѣмъ, кои зрѣють на холмахъ Касбинскихъ (47), сочными гранатами и яблоками, кошорыя Кабуль раждаетъ въ штысячъ садовъ своихъ (48), бана-

(46) Женщины Аравійскія носятъ черныя маски съ небольшими, весьма красивыми пражками. (*Каррери*). Нибурь упоминаетъ о сей модѣ, говоря съ кѣмъ нибудь, показывая одинъ шолько глазъ.

(47) *Золотыя грозды Касбинскіе*. (*Описание Персіи*).

(48) Плоды, вывозимыя изъ Королевства Кабульскаго, суть: яблоки, груши, гранаты и проч. (*Эль-*

нами зелеными и бананами златоцвѣтными, мангустанами, некшаромъ Малайцевъ (49), сливами Бухарскими, сладкимъ миндалемъ опдаленныхъ лѣсовъ Самаркандскихъ, финиками Баскайскими и абрикосами Изранскими, плодами солнца (50). Не были забыты и сласти изъ плодовъ Висны (51), цвѣтновъ померанцевыхъ и малины, кошорою питаются юныя серны въ каменисныхъ долинахъ Эрака (52). Сіи разныя сласти разсваены въ драгоценныхъ сосудахъ, въ корзинахъ изъ сандалнаго дерева и въ фарфо-

*финстонъ*). „Мы съли подт деревомъ, слушали пѣніе пщиць и разговаривали объ ошечествѣ нашемъ и о Кабуль, съ сыномъ нашего Мехмандара: онъ весьма пріятно занималъ насъ описаніемъ города и штысячъ садовъ его.“ (*Тамъ же*).

(49) Мангустанъ есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ плодъ, коимъ гордятся ошровишяне Молукскіе. (*Марсденъ*).

(50) Абрикосъ ошмѣннаго вкуса, называемый *Токмъ-экъ-шекъ*, ш. е. *сѣмя солнца*. (*Описание Персіи*).

(51) Конфекты, состоявшіе въ вареньяхъ изъ розы, вишень, померанцевъ и проч. (*Русселъ*).

(52) Моаллакаты, Поэма Турафы (*Прим. Подл.*)— *Моаллакаты* зовешся вообще нѣкошорый родъ Поэмъ воспочныхъ, какъ напр. недавно переведенная на Русскій языкъ, Моаллака Лебиды. (*Прим. Изд.*)

ровыхъ вазахъ, добываемыхъ съ острова (53), поглощеннаго волнами Океана Индійскаго, гдѣ счастливый плавашель нерѣдко съскиваетъ сосуды, доспойные украшашъ чершогн Царей. Въ свѣшломъ хрушналѣ пѣнились разноцвѣшныя вина всѣхъ спиранъ; амбра Боссоди (54), бѣлая роса, выжимаемая изъ винограда Зеленаго Моря (55), и роскошный напшпокъ Ширасскій, кошорый кажешъ безцѣннымъ рубиномъ Владѣшеля Цейланскаго, распаявшимъ въ кубкѣ (56).

Седимъ надѣнешя упоишш свое сердце въ сшхъ винахъ драгоцѣнныхъ, и изгнашш любовь; онѣ не знаешъ, что сей малый божокъ умѣешъ плавашъ по влагѣ чаши веселія и блисшашъ изъ нее своей улыбкой, подобно шому, какъ Поэшы видяшъ его въ мечшпахъ своихъ, скачущаго по лазоревымъ

(53) Маури-га-сима, островъ близъ Формозы, поглощенный волнами за прешупленія своихъ жшшелей. Вазы, досшаваемыя здѣсь рыбаками и водолазами, продающя весьма дорого въ Китаѣ и Японш.

(54) См. *Персидскія сказки*.

(55) Бѣлое вино Кшшшы.

(56) Король Цейланскш, говоряшъ, имѣешъ прекраснѣшш въ мшрѣ рубинъ. Гублай-Ханъ предлагалъ ему взаменъ за оный цѣну цѣлаго города; но Король отвѣчалъ, что не успуишш его за всѣ сокровища свѣша. (*Маршасола*).

волнамъ Ганга, въ гирлянѣ изъ цвѣшновъ розоваго лопоса (57) и заемлющаго новый блескъ опѣ рѣкш, въ кошорой ошражешся видѣ его.

Но что въ чашахъ веселія, безъ пѣсней, коими возбуждается вдохновеніе некшара, изъ нихъ лющагося? Юная Грузинка вышпунаешъ: въ ней видшся весь блескъ, вся свѣжешъ дѣвъ ея родины, когда онѣ выходяшъ изъ ручьевъ Тифлисскихъ (58); черные глаза ея мешущъ жгушіе взгляды; пушшш пошъ, у кого сердце слабо, молишъ небо, навсегда опдалишъ опѣ него сш взгляды оболешшшшельные! Роскошно сшбаешъ она руку свою вокругъ сиринды (59), и поешъ сшо пѣснь:

„Спекайтешъ, спекайтешъ оповсюду: днемъ и ночью всѣ удовольствія попеременно маняшъ васъ сюда; подобно волнамъ въ шихую погоду, едва одно убѣжшшъ — другое вслѣдъ за нимъ явлешся; любовь ищезающая рождаешъ другую любовь, споль же счастливую; и когда ешъ жилище ушѣхъ на землѣ, шо оно здѣсь!

(57) Индѣйцы полагающъ, что Купидона видѣшш плавущаго по Гангу, въ цвѣшкѣ *Nymphaea Nelumbo* (*Пеннентъ*).

(58) Тифлисъ славится своими теплыми водами.

(59) Сиринда, Индѣйская гшшара.

„Здѣсь юныя дѣвы вздыхають, и вздохи ихъ благовонны, какъ цвѣтъ Амры, раскрытый пчелою (60). Слезы ихъ столь же драгоценны, какъ сей дождь небесный, который упавъ на море, пошчасъ превращается въ перлы (61).

„Что же должны быть поцѣлуи и улыбки, когда вздохи и слезы такъ восхищительны? Когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!

„Здѣсь пѣнится влага, кошорая, будучи любовью прешворена въ пиіе боговъ, созвала некогда съ круговъ надзвѣздныхъ шѣхъ духовъ, кои забыли источники райскіе для сока нашихъ лозъ, и свѣпида дня и ночи для глазъ нашихъ земныхъ красавицъ (62). Какой духъ оставилъ бы свое обиталище, если бѣ наслаждался шамъ благовоннымъ пиіемъ нашихъ кубковъ? Такъ! когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Едва пѣснь Грузинки умолкла, пошъ же напѣвъ, шѣ же звуки были повпорены дру-

(60) „Сладостны цвѣты Амры, вокругъ коихъ жужжашъ пчелы.“ (*Пѣснь Яйадеви*).

(61) Низанъ или весенняя роса, изъ кошорой, по мнѣнію восточныхъ жителей, происходитъ жемчугъ, если она падаетъ въ раковины. (*Ришардсонъ*).

(62) См. Марици, о паденіи духовъ.

гою люпною, кошорой восхищительные переливы вмгъ очаровали внимательное удивленіе; всѣ подняли глаза къ верху, думая, что слышашъ сладкозвучное препенаніе крыль Исразила (63). Голосъ, столь же сладоспный, какъ и звуки спрунъ волшебной люпны, соединилъ пѣніе свое съ музыкой столь спройно, что слушающіе не знали, чему опдашь предпоченіе: люпнѣ, или голосу?

„Есть блаженство свыше того, кошорое воспѣно дѣвою: небесный союзъ двухъ сердецъ, вѣрныхъ, вопреки всѣмъ испытаніямъ бѣдсвѣй... вѣрныхъ до гроба! Одинъ часъ такой любви дороже вѣковъ равнодушія. Такъ, когда естъ жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Не напѣвъ и не слова, но прелестъ волшебная придавала чудесную силу люпнѣ и голосу. Ошовсюду раздася кликъ: „Это дѣва Аравійская, скрывающаяся подъ личиною!“ Седимъ долѣ всѣхъ оставался въ восхищеніи, подобно изсупленному: воспоргъ мѣшалъ ему говорить; онъ подаль рукой знакъ пѣвицы, и она продолжала.

„Убѣжимъ вмѣстѣ въ пустыню; приди, убѣжимъ вмѣстѣ! Аравійскіе шапгры наши

(63) Ангель музыки, по Миеологіи Магомешанъ.

дадушъ шебѣ убѣжище простое; но какое сердце будешь нерѣшимо между любовью въ шашрѣ и престоломъ безъ любви?

„Скалы наши обнажены, но улыбающаяся акація колеблеть шамъ желшья свои верхушки: это уединенное дерево пѣмъ прелеснѣе, чшо цвѣшетъ въ пуспныѣ.

„Пески наши безплодны, но игривая, среброногая серна скачетъ шамъ споль же пріятно, какъ бы по мраморнымъ помосшамъ чертоговъ Царскихъ.

„Приди! юная Аравияшка будешь для шебя пуспынною, милою акаціей; она будешь серною, кошорой легкіе шаги придадушъ прелеснь безмолвію швоего уединенія.

„Есть звуки голоса, есть взоры, разливающие мгновенно въ сердцахъ яснысь, какъ будшо мы полько чшо нашли сокровище, всю жизнь нами искомое.

„Уша и очи, кошорымъ суждено заглушишь всѣ наши вздохи и не бышь никогда забышыми, шакъ являющся нашей любви.

„Твой взглядъ, швой голосъ пдѣнили мое сердце, когда я впервые шебя увидѣла! Я не знала шебя, какъ пришельца изъ другаго міра, но, казалось, я давно уже шебя любила.

„Убѣжимъ вмѣстѣ... если ты не горѣшь еще другою любовью, если ты не оп-

бросилъ коварно драгоцѣннаго камня, кошорый клялся вѣчно носишь на швоемъ сердцѣ. Приди, если любовь швая ко мнѣ споль же чиспа, какъ моя любовь, если она шакова, какъ подземный ключъ, находимый луговою пшицею (64).

„Но если ты покидаешь для меня другую, если ты измѣняешь взору милому и даешь мнѣ его мѣшо въ невѣрномъ швоемъ сердцѣ... шо прощай! скорѣ рѣшусь спонянь на льду озера, когда весеннее солнце согрѣваетъ его своими лучами, нежели вѣришься лживой любви швоей.“

Спихи сіи были исполнены споль милой простоты, чшо, даже и безъ помощи чародѣйки, они бы взволновали сердце Селимово; шо какъ онъ могъ усюяшь пропивъ звуковъ, невѣдомыхъ дошоль смерпнымъ? Каждая спруна люшны Нурмагалъ двигалась геніемъ гармоніи; Селимъ былъ побѣжденъ! Онъ вздрогнулъ, уронилъ чашу, кошорая, во время сего сладоспнаго пѣнія, оспавалась какъ бы силою волшебства въ рукахъ его, недвижныхъ и гошовыхъ поднесши ее къ ушамъ. Онъ проговорилъ на-

---

(64) *Гуд-гудъ* или пголица (vanneau), по мнѣнію восточныхъ жителей, находишь подземные источники.

конецъ имя шой, кошорой сподь долго не видѣль, и вскрикнулъ въ восторгъ: „Нурмагалъ! Нурмагалъ! я уступаю всевластнымъ швоимъ звукамъ! я забываю все... я швой на вѣки!“

Она снимаешь личину... она побѣдила, и Селимъ прижимаетъ къ сердцу свою Нурмагалъ, Свѣшъ Гарема, кошорую румянецъ спыдливости еще болѣе украшаетъ! Облака, опуманивавшія чело ея, разсѣялись; очи ея блистають новымъ блескомъ, улыбка ея полна новой прелести. Наконецъ, счастливая, она покоитъ свою голову на рукѣ Селима, и тихо шепчетъ ему съ любовью: „помни праздникъ розъ!“

## II.

### ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

#### ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРИИ.

(Продолженіе.)

#### Періодъ шестой.

*Силезскія войны и послѣдующія до 1792 года.*

Съ самаго изобрѣшенія пороха, никакое военное происшествіе не ошлчалось шаки-

ми необычайными успѣхами, какъ войны Фридерика II съ Авспрійскимъ Домомъ и съ его союзниками. Съ превосходною арміею и въ союзъ съ Франціею и Саксоніею, возсшалъ онъ въ первой Селезской войнѣ, чпобы учиться побѣждать у Леопольда Дессаускаго; вскорѣ оставили его союзники, и шогда онъ одинъ въ шрешней Селезской войнѣ ошлся неуспрашимымъ. Его военный глазомѣръ, быспроша движенія его войскъ, ихъ энпузіазмъ имѣшь полководцемъ самого Короля, даровали ему послѣ кровопролитной семилѣшней брани, лавры его враговъ. Войны сіи, можно рѣшишельно сказать, перемѣнили весь образъ войны, и даровали ему шо совершеншво, кошорому мы нынѣ удивляемся.

Уже въ предъидущемъ періодѣ шяжелая артиллерія была совершенно оставлена; въ семь же періодѣ не раздѣляли уже болѣе орудія на каршауны и шланги, но на легкую или полевую, и бапарейную. Къ первой причислялись орудія 6-ши, 9-ши и 12-фуншовыя, а къ послѣдней всѣ шяжелые калибры до 24 фуншовыхъ. Теперь пошько увидѣли всю важность Артиллеріи для приобрѣшенія побѣды; для сего Фридерикъ II, по примѣру Русскихъ, увеличилъ свою Артиллерію; но какъ такая великая Артиллерія могла бы зашруднить быспрыя движенія его

войска, по онъ облегчилъ ее и далъ ей лучшей и сообразнѣйшій видъ. Первое облегченіе Прусской Артиллеріи было сдѣлано Полковникомъ Гольцманомъ въ первой Силезской войнѣ, копорый и пушкамъ далъ шарообразныя каморы. Прусскія орудія находились въ слѣдующемъ отношеніи между собою:

12 ф. длина 18 діаметровъ ядра. вѣсъ	2092 ф.
12 — 14	1781
12 — 14	780
6 — 16	668
3 — 15	472

Но послѣ Губершбургскаго мира, Артиллерія получила опять нѣкоторую тяжесть и величину, а именно:

Калибр.	Длина оруд. по калибр.	Вѣсъ по фунту.
12 ф. большія	22	3100
12 — среднія	18	1980
12 — малыя	14	1150
6 — большія	22	1500
6 — малыя	18	910
3 —	20	600

Главные непріатели Пруссіи, еще болѣе облегчили Артиллерію и увеличили почти до безконечности количество ея орудій, — Князь Венцель Лихтенштейнъ опредѣлялъ длину всѣхъ орудій въ 16 калибровъ: 12 ф.

вѣсело 1500 ф., 6 фун., орудіе отъ 650—790, а 3 фунт. до 480 фунт. Другія Государства еще болѣе сдѣлали на счетъ облегченія орудій.

Прусская и Австрійская Артиллерія были такъ легки, что онъ въ движеніи своемъ никогда не оспанавливали прочіихъ войскъ и всегда приготавливали и довершали побѣду. Французскій Маршалъ Броглю спарался подражать ему; онъ спарался облегчить орудія и сдѣлать ихъ чрезъ то способными къ быспрымъ движеніямъ. Наконецъ явился во Франціи славный *Грибоваль*. Людовикъ XV, призвавъ его обратно изъ Австрійской службы, повелѣлъ ему произвести реформу во Французской Артиллеріи и опровергнувъ древнюю систему Валліера. Опыты были сдѣланы въ Спрасбургѣ, въ присуществіи многихъ Маршаловъ Франціи и Артиллерійскихъ офицеровъ; они были удачны и Грибоваль увѣнчался успѣхомъ. Новая система имѣла многихъ прошивниковъ, между копорыми знаменитѣйшій былъ Валліерь, спорившій до самой своей смерти о превосходствѣ тяжелой Артиллеріи; ему послѣдовали Сп. Обанъ и Дибигешъ, и въ самомъ дѣлѣ, при спараніи Военнаго Министра Моншенарда, они имѣли радость въ 1772 году, видѣвъ возстановленіе древней

пняжей Аршиллерии, но сія ихъ радость не долго продолжилась; Людовикъ XV созвалъ Военный Совѣтъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Грибоваловой Аршиллерии. Вскорѣ Сардинская, Испанская и Неаполитанская Аршиллерии приняли видъ Французской, и быстро помчались къ совершенству. Графъ Шомбургъ - Линне - Биксбургской преобразовалъ Португальскую Аршиллерию.

Къ сему же времени относился изобрѣшеніе *единороговъ* Графомъ Шуваловымъ; это орудіе было нѣчто среднее между пушкой и гаубицею: ошъ перваго отличался *единорогъ* своею камерою, и ошъ послѣднихъ долгою ствола. Единороги бросали пняжеспи ошъ 2 — 96 фунш., длина ихъ простиралась до 10 калибровъ, и не только годились они къ спрѣльбѣ ядрами, но и къ спрѣльбѣ картечью и гранашиами. Единороги, спрѣлявшіе ядрами въсомъ въ 96 фуншовъ, назывались *двойными*, шъ, кои въ 48 фунш. *простыми*, шъ же, кои бросали 12 фуншовое ядро, назывались *четверть-единорогами*. Хотя спрѣльба ихъ была дальняя, но за то невѣрная; 2 фуншовые единороги были единственно назначены для драгуновъ и конныхъ гренадеровъ; для сего у лафетной оси находились еще двѣ негорновыя морширки, для спрѣльбы 3 фуншовыми гранашиами.

Въ началѣ семилѣтней войны, изобрѣлъ Графъ Шуваловъ *нѣкошорый* родъ гаубиць, долго называвшихся по его имени. Онѣ отличались ошъ прочихъ гаубиць шѣмъ, что напалы ихъ были вдвое шире прошивъ своей вышины, и что при дулѣ широта сія увеличивалась до 3 калибровъ съ двумя калибрами вышины. Все орудіе было высверлено воронкообразно, и длина его простиралась до 18 калибровъ; камера его была цилиндрическая. Орудіе сіе лежало на прочномъ полевомъ лафетѣ, снабженномъ клиномъ, на кошоромъ орудіе лежало казеннымъ фризомъ, и посредшвомъ кошораго можно возвышашъ и понижашъ стволь орудія. Върояшно, для скрышія внушренняго усшроенія, стволь имѣлъ круглый видъ, и шѣмъ получалъ сверху и внизу чрезвычайную полшпощу мешалла, чрезъ что онѣ сдѣлался пняжелымъ и неспособнымъ для форсированныхъ маршей. Сіе самое и малое ихъ дѣйствіе, было причиною жалобъ Генераловъ Салшыкова и Фермора на сіе орудіе, жалобъ, кошорыя изобрѣшатель, своими опытами, въ 1760 году, совершенно опровергнулъ.

Въ сіе же время Англичанинъ Каронъ, изобрѣлъ камерное орудіе, и назвалъ его *каронадою*: оно было сдѣлано изъ чугуна и

назначено единственно для нижних кораблей; бросало только ядра.

Къ сему времени публиковали Грибоваль и Монпаламберш свои лафеты, но важнее всех сих лафетовъ былъ лафетъ Англійскаго Поручика *Келера*. Высока Гибралтарской крѣпости не позволяла обыкновенными лафетами поражать непріятеля у подошвы горы; для сего Келеръ изобрѣлъ свой лафетъ, который можетъ быть возвышенъ на  $20^\circ$  надъ горизонтомъ и  $70^\circ$  подъ горизонтомъ.

И теоретическая часть пороха много сдѣлала успѣховъ; много ею занимался *Робинсъ*, примѣнивъ въ 1742 году прежнюю теорію воспламененія пороха къ самой Артиллеріи. Онъ и многіе другіе Машемашки: Мафей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбершъ, Ноллетъ и Антони занимались опредѣленіемъ количества силъ, происходящихъ отъ упругой пороховой жидкости. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣтіи распространили другой свѣтъ на сію важную часть Артиллеріи. *Сталь*, ошецъ Германскихъ Химиковъ, выводилъ дѣйствіе пороха изъ соединенія чего-то *горючаго съ селитряною кислотою*. Сія система была долго принята, пока наконецъ не узнали присутствія газовъ, изъ коихъ върояише и ближе изъя-

сняли дѣйствіе пороха. Уже *Маіовъ* въ XVII столѣтіи зналъ присутствіе чистаго воздуха въ селитрѣ; однако жъ только къ концу XVIII столѣтія, *Пристлей* доказалъ сіе опытами и наблюденіями, и теперь только поняли было, почему порохъ горитъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Еще *Шелль*, въ 1776 году, не зная открытія Пристлея, публиковалъ о возрожденіи воздуха изъ селитры. Но полезнее были опыты Ингенгуза, Фуркруа, Бертолетта и Ахарда въ отношеніи къ пороху: они старались точнѣе опредѣлить составныя части пороха. Ингенгузъ выводилъ дѣйствіе пороха изъ горючаго углекислорога газа, и говорилъ, что изъ мгновеннаго смѣшенія горючаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селитряной кислоты, производится взрывъ и шрескъ. — Явился безсмертный Лавуазье, мужъ незабвенный и невозвратимый, слишкомъ рано похищенный у человечества Французскою гильотиною (\*); онъ уничтожилъ свою теорію всѣхъ гипотезъ Снэлла, и доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣтлонворъ и шеллонворъ не отъ су-

(\*) Онъ родился въ 1743 году 20 Августа въ Парижѣ, и невинно палъ подъ сѣкирою гильотины въ 1794 Мая 8.

щественныхъ частей пороха происходить, но отъ окружающаго ихъ воздуха; мнѣніе Лавуазье оспалось между всѣми артиллеристами того времени. Теорія сія, по явному своему превосходству, должна была произвести и лучшій порохъ; пропорціи составныхъ частей пороха были различны, и каждое Государство имѣло свою особую, которую предпочитало всѣмъ другимъ; такъ, во Франціи думали, что сильнѣйшій порохъ долженъ состоять изъ 16 частей селитры, 3 частей угля и 1 части сѣры.

Такъ какъ доброта пороха зависить не только отъ хорошаго раздѣленія составныхъ частей, но и отъ надлежащаго смѣшенія, то и въ семь сподѣвнн обращали вниманіе свое на пороховыя мельницы. Хотя валовыя мельницы уже были извѣстны въ Германіи, но все таки еще пользовались полчевыми мельницами, отчасти поному, что механизмъ ихъ простъ и легокъ. Первая валовая мельница была построена въ 1754, въ Эссонѣ, по предложенію Фери; здѣсь движущаяся на лежнѣ, у котораго діаметръ въ 8 фушовъ, два мраморные вала. Въ томъ же году, Карлъ Кнушбергъ построилъ такую же мельницу въ Швеціи; только валы ея были деревянные съ желѣзными шинами.

*Многочисленность Артиллеріи.* Россіе не въ сіе время имѣли многочисленнѣйшую артиллерію изъ 11 башалионовъ, а въ 1785 году, вся ихъ Артиллерія проспиралась до 34,000 чел. съ 5,500 крѣпостныхъ артиллеристовъ.

*Прусская Артиллерія* состояла, въ началѣ 18 столѣтія, изъ 10 ротъ артиллеристовъ, къ которымъ въ 1741 году были прибавлены еще 4. Король повелѣлъ въ семь періодъ прислугу полковой Артиллеріи брать изъ самыхъ полковъ. Въ 1762 году, Прусская Артиллерія состояла изъ 6 башалионовъ пѣшей Артиллеріи и 3-хъ ротъ конной.

*Австрійская Артиллерія* состояла въ семь періодъ изъ 12 башалионовъ. — Саксонская Артиллерія состояла изъ 1 башалиона. Въ 1747 году, Французская Артиллерія состояла изъ 5 башалионовъ, но въ 1774 году, проспиралась уже до 7 полковъ (они были слѣдующіе, и назывались по городамъ, гдѣ стояли: Лаферъ, Мець, Спрасбургъ, Безансонъ, Озонъ, Гренобль и Туль). Англійская Артиллерія состояла въ семь періодъ изъ 4 башалионовъ или 40 ротъ. Голландцы имѣли въ сіе время 20 ротъ артиллеристовъ съ 10 Шпабъ-офицерами. Неаполитанская Артиллерія состояла, въ 1787 году,

изъ 11 ротъ, или 2008 солдатъ. По устройству Графа Липпе-Бюкенбургскаго, Португальская Артиллерія была раздѣлена на 3 полка (въ каждомъ полку находилось 989 чел.). Гессенская Артиллерія состояла изъ 1 баталіона и 2 ротъ полковой Артиллеріи. По словамъ Миллера, Датская Артиллерія состояла изъ 18 ротъ, Шведская, по опчешамъ Кокса, изъ 2900 артиллеристовъ.

Хотя уже прежде нѣсколько разъ удвоивали упряжь легкихъ орудій, и сажали находящихя при нихъ артиллеристовъ на лошадей, чшобы слѣдовать за быстрыми движеніями кавалеріи; но замѣшимъ, что все еще не было особеннаго отдѣленія Артиллеріи, долженствовавшаго всегда оставаться въ шакомъ видѣ и съ шакою цѣлю. Россіане первые драгуновъ своихъ снабдили единорогами и Кегорновыми морширками; сіи единороги часшо приводили Прусскую конницу въ замѣшательство; ибо случалось, что когда Пруссаки думали имѣть дѣло съ одними козаками и конными гренадерами, но вдругъ были встрѣчены каршечами и гранашиами. И шакъ мнѣніе, что Россіане имѣли при себѣ конную Артиллерію, вскорѣ подтвердилось, и тогда Фридерикъ II рѣшился подражать сему полезному изобрѣшенію. Уже весной 1759 года, Фридерикъ II устроилъ въ своей Ар-

міи башшарю конной Артиллеріи, кошорую онъ самъ обучалъ ежедневно. Повѣспвуюющъ, что онъ употребилъ ее въ первый разъ при рекогносцировкѣ въ Силезіи, и прикрывалъ ею очень удачно опшпуленіе своихъ драгуновъ. Также во 2-й арміи (состоявшей подъ начальствомъ Принца Генриха) была въ 1760 году, въ Ландсбергскомъ лагерѣ, заведена башшаря конной Артиллеріи, слѣдовавшей всегда за драгунскимъ Линнахъ-Байрешскимъ полкомъ. Къ концу семилѣтней войны въ Прусской арміи, находилось 7 башшарей конной Артиллеріи. Въ каждой находилось по 8 легкихъ шести-фуншовыхъ пушекъ и двухъ семи-фуншовыхъ гаубиць. Въ 1780 году, и Авспрійцы завели у себя конную Артиллерію, но ннаго устройства: Артиллерійцы сидѣли не на лошадяхъ, а на длинныхъ лафетахъ шести-фуншовыхъ орудій. Данчане, Ганноверцы, Виршенбергцы и Гессенцы подражали въ устройствѣ своей конной Артиллеріи Пруссакамъ, съ шѣмъ только различіемъ, что у Ганноверцевъ только половинное число артиллеристовъ сидѣло верхомъ, а прочіе сидѣли на лафетѣ и передкѣ. Хотя Русскіе и имѣли кавалерійскую Артиллерію при себѣ, но она еще не имѣла настоящаго своего предназначенія, быспраго занятія важныхъ позицій; она только слѣ-

довала за движеніями драгуновъ и конныхъ гренадеровъ. Покойный Имперашоръ Павелъ I, еще будучи Великимъ Княземъ, завелъ въ Россіи конную Аршиллерію по образцу Прусской; большія услуги при семъ оказали Ему два Саксонскіе аршиллериста *Гессе*. Генералъ Шрефъ дѣлалъ опыты въ семъ періодѣ надъ Ганноверскою конною Аршиллерію, и нашель, что въ одну минуту она проскакала 300 шаговъ, сняла орудія съ передковъ и производила спрѣльбу. Въ три минуты, проскакала она 1100 шаговъ и спрѣляла. Въ  $9\frac{1}{2}$  минутъ проскакала она 3500 шаговъ, а въ двадцать девъ 6000 шаговъ. Опыты сіи согласовались съ опытами Прусской конной Аршиллеріи, болѣе другихъ ошдичавшейся своею бѣспропою.

( *Окончаніе впрѣдъ.* )

## III.

## К Р И Т И К А

Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ Словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго. Сочиненіе Ординарнаго Профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Якова Толмагева. С. П. б. 1825, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д.

Каждая Наука, согласно съ природою всего въ мірѣ существующаго, имѣеть свои неизмѣнныя законы, уклоненіе оныхъ, даже самое малѣйшее, преняществуееть вѣрному оной познанію. Нельзя извинишь, когда самонадѣянность, немогущая постигнушь ихъ, принявъ на себя объясненіе ихъ другимъ, предлагаееть свои произвольныя правила, не содержащія въ себѣ ничего опредѣленнаго, а пошому и ни къ чему доброму не ведущія. Безъ сомнѣнія, предприимчивость сего рода была всегда и нынѣ ееть причиною нареканій, каковымъ, къ прискорбію, подвержены нѣкоторыя Науки, и особенно, содержащія, по природѣ своей, болѣе передъ другими отвлеченностей, и въ то же время, имѣющія наиболѣе отношеній

къ нравственной, благороднѣйшей половинѣ челоуѣка. Сему-то надлежитъ приписать и несогласіе, видимое между разумомъ и вѣрою, долженствующими шествовашъ рука объ руку, въ небесномъ дружелюбіи, и озаряшъ яркими лучами спези, которыя челоуѣкъ долженъ избрашъ для себя. Онъ шого большая часшъ Наукъ доселѣ оспаюшся недовольно развишыми, или обращаются въ первобышнній свой хаосъ, изъ котораго извели ихъ мужи великіе. Есть Науки, въ коихъ, по обширности ихъ предмета, хотѣніе оспановишся на поспиженномъ, прекращеніе дальнѣйшихъ изслѣдованій, воспрещеніе себѣ ошкрышій — означали бы ничпожную робоспъ ума. Таковы Науки, углубляющіяся въ изслѣдованіе богатыхъ ишъ природы физической. Однако и здѣсь посредшвенный умъ лусшъ идешъ по пупи, проложенному дарованіями обширными. Не всякому дана сила шворишъ: славно и послѣдовашъ дѣламъ великихъ. Но не извинишельно созидашъ новое и на удачу шамъ, гдѣ есть зданія прочныя, освященныя вѣками, уваженныя самыми гениями, испинно шворческими. Новость, сама по себѣ, никогда не составляла совершенства, никогда не подавала права на уваженіе. Худо, по-сему, очень худо поспунаюшъ наставники

юношесшва, когда, по желанію ошличишся новымъ, оспавляюшъ неизмѣнныя, необходимыя законы Наукъ, и вдаюшся въ нешпо-спи. Вопшъ грушныя мысли, родившіяся во мнѣ, по прочшеніи книги — *Военное Красноуръчье*, и побудившія меня сдѣлашъ на нее нѣкоторыя замѣчанія.

Господишъ Сочинишель, въ предисловіи своемъ къ первой часши, говоришъ, что нѣкоторыя главы своей книги, извѣсныя слушащеламъ его, онъ опускалъ во время преподаванія, но что, „издавая въ свѣшъ свое сочиненіе, желалъ издашъ полную систему, дабы, въ случаѣ нужды, не почли оной недоспащочною шъ, которыя думаютъ, что Военное Красноуръчье еспъ шолько оспраелъ общей Словесности, и пошому должно бышъ основано на общихъ началахъ оной.“ — Причина, побуждавшая Г. Сочинишеля къ изданію первой часши его шворенія, содержащей въ себѣ общія начала Словесности, неудачно избрана и довольно неудачно выражена. Впрочемъ, не входя въ его побужденія, которыя изъ его предисловія и угадашъ шрудно, мы подвергаемъ и эпу первую часшъ испышанію, какъ изданную для свѣша, какъ учебную книгу.

Достоишство системы и *системы* *полной*, каковою желалъ издашъ Г. Сочинишель

свое Военное Краснорѣчіе, соспоишь въ правильномъ изложеніи общихъ началъ Науки, въ вѣрномъ и естественномъ выводѣ изъ сихъ началъ каждаго подчиненнаго имъ понятія, въ ясномъ и опредѣленномъ предписаніи правилъ и въ показаніи безошибочнаго приложенія сихъ правилъ къ дѣйствіямъ — въ Наукахъ практическихъ. Избѣгая всего невразумительнаго, лишняго, неопредѣляющагося къ предмету, систематикъ не опускаешь ничего существеннаго въ Науку его, и поспавляешь все на своемъ мѣстѣ такъ, чшобы читатель, ищущій наставленія, нигдѣ не впадалъ въ недоумѣніе и все легко уразумѣвалъ, при нужныхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ.

Г. Сочинитель Военнаго Краснорѣчія все это опустил изъ виду; и его твореніе такъ сбивчиво, смутно, чшо молодой читатель едва ли, и при руководствѣ умнаго и опытнаго истолкователя, можешь изъ онаго вывести для себя чшо либо поучительное, полезное. Въ общихъ началахъ Словесности смѣшаны предметы, относящіеся къ шремъ отдѣльнымъ, хощя и близкимъ между собою, Наукамъ — Грамматикѣ, Логикѣ и Риторикѣ, а въ собственно такъ называемомъ Военномъ Краснорѣчіи, съ правилами Риторики слишо Нравоученіе.

Такое смѣшеніе, само по себѣ, должно производить великую невразумительность; но читатель еще болѣе затрудняется, или, лучше сказать, ничего не познаешь, когда понятія различныхъ Наукъ, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ безъ связи и порядка, находишь или недоспащочно или ложно опредѣленными, или даже и вовсе оставленными безъ объясненія. Воинъ общій недостатокъ Военнаго Краснорѣчія; но каждая изъ многочисленныхъ главъ его имѣетъ свои особенныя тяжкія погрѣшности, неизвинительныя въ учебной книгѣ. Покажемъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, обращая все вниманіе на мысли, и не касаясь языка.

Часть первая — Глава I. — Опредѣленіе Словесности въ разныхъ отношеніяхъ, и Риторики.

Здѣсь шесть періодовъ, и при изъ нихъ наполнены ложными или ошибочными мыслями. Г. Сочинитель, опредѣляя *Словесность* вообще, называешь ее „природною“, „способностію чловѣка изъяснять мысли“, „и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ (articulata)“ — Опредѣленіе ложное; ибо Словесность (Litteratura) означаешь то, чшо произнесено, или написано какимъ либо народомъ, или лицомъ, или иногда самый способъ выраженія мыслей посредшвомъ слова.

Такъ, говоря: *Словесность Грековъ и Римлянъ обнимала многіе предметы и во всемъ совершенна*, — разумѣемъ произведенія сихъ народовъ и качества произведений, а не природную способность, копорую приличіе называшъ *даромъ слова*. Народы дикіе не имѣютъ Словесности; но въ даръ слова опказать имъ не можно.

Ложно начало; не льзя ожидать вѣрности и въ понятіяхъ, изъ него выводимыхъ. Недоспашочное опредѣленіе Словесности, вообще произвело неудовлетворительность и въ объясненіяхъ *прозаической и стихотворной* Словесности. Кроме того, что каждая изъ нихъ оспашается природною способностію, г. Сочинитель послѣднюю только подчиняетъ какимъ-то „единообразнымъ законамъ музыкальнаго лада,“ а первую зашавляетъ слѣдовать „свободному и разнообразному звукошеченію.“ — Неужели только въ этомъ одномъ существенная разность между прозаическою и стихотворною Словесностію? По крайней мѣрѣ надлежало бы сказать, что сіи объясненія касаются одной наружной формы оныхъ.

Въ преншемъ періодѣ нельзя не спросить, что такое — „обыкновенная способность, не имѣющая никакихъ отличительныхъ качествъ?“ Чѣмъ отличается *Словес-*

*ность вообще* отъ *Словесности въ обширномъ смыслѣ*? Гдѣ разность между сею послѣднею и прозаическою, когда и та и другая естъ „способностью выражать свободною рѣчью мысли и чувствованія?“ Г. Сочинитель въ помѣ же періодѣ различаетъ *Краснорѣчіе* отъ *Висшійства*, назвавъ одно „искусствомъ выражать мысли и чувствованія ясно и красиво,“ — а другое „искусствомъ выражать оныя *сильно* и *убѣдительно*.“ — Но искусство говоритъ и пишетъ сильно и убѣдительно, болѣе или меньше, все однако же шребуется отъ всѣхъ родовъ прозаическаго слога, въ извѣстныхъ случаяхъ; посему, кажется, раздѣленіе г. Сочинителя напрасно; или надлежало бы опредѣлительнѣе разграничить области сихъ искусствъ. О Поэзіи не сказано ни слова. Если г. Сочинитель разумѣетъ ее въ опредѣленіи стихотворной Словесности, мы можемъ воскликнуть: бѣдная Поэзія! шь ограничена *единообразными законами музыкальнаго лада!* —

Глава II. — Предметъ Риторики и Науки, необходимыя для занимающихся Краснорѣчіемъ.

Г. Сочинитель, въ сей главѣ, называетъ Риторикую *системою правилъ, касающихся Краснорѣчія*, назвавъ ее, въ первой главѣ

(спран. 2), *Наукою, содержащею правила*, руководствующія къ *Краснорѣчию и Витійству*. Замѣшимъ, что *система* и *Наука* имѣютъ нѣкоторую разность, *содержать* и *касаться* — большую; въ одномъ мѣстѣ Ришорика наславляешь *одному* искусству, въ другомъ *двумъ*; чему же вѣришь? Определение должно выражать одно и то же; иначе умъ не возможенъ вѣрно представлять определяемое. Не всякій также согласился съ г. Сочинителемъ, что Науки умозрительныя *особенно* полезны для занимающагося Словесностию: равно, ежели не болѣе, полезно для него и знаніе *Наукъ практическихъ*. Теорія безъ практики — вещь пустая; и не сколько говориться объ общихъ свойствахъ предметовъ, сколько о частныхъ и особенныхъ качествахъ ихъ, дѣйствіяхъ и способахъ, коими они дѣйствуютъ.

Глава III. Грамматики и другія средства къ познанію языка.

Описывая Грамматику, г. Сочинитель говоритъ: „Граммика содержитъ правила, составленныя изъ наблюдений, относящихся къ языку одного какого либо народа или всего рода человѣческаго: въ первомъ случаѣ Граммика называется *частною*, въ последнемъ *всеобщею* или *фило-*

*софскою*.“ — Что вѣрнаго можно вывести о Грамматику изъ сего описанія? Она *содержитъ правила, выведенныя изъ наблюдений, относящихся къ языку народа*; но къ чему ведутъ сіи правила? Г. Сочинитель увлекается случайными знаками предметовъ и опускаетъ существенныя; отъ этого его ученіе осмѣется невразумительнымъ. Трудно понять, что значатъ его *общая* и *частная* Грамматики; изъ поясненій, имъ сдѣланныхъ за шѣмъ — „*частная* Граммика занимается по болѣшей „*частны* механическими свойствами языка, „*а всеобщая* логическими объясненіями она, „*го*“ — также не видно, въ чемъ состоитъ дѣло каждой. Что это за механическія свойства языка? Что такое логическія объясненія онаго? — Не лучше ли было бы употребить старое, вѣстное определение Науки, чѣмъ выдумывать новое, ничего не показывающее? Почему раздѣлишь Грамматику на *частную* и *философскую*, когда правила, касающіяся языка одного народа, могутъ быть также философскими, какъ и въ общей Грамматику? Можно философствовать и о предметѣ единственному.

Далѣе, въ сей главѣ, показываются „*другія* средства,“ (которыхъ г. Сочинитель не соизволилъ отнести ни къ общей,

ни къ частной Грамматикѣ, ниже къ другой какой либо Наукѣ), „служащія къ объясненію языка въ разныхъ отношеніяхъ. „Сии средства суть: а) употребленіе, б) „чтеніе классическихъ Писателей, с) переводъ, d) сочиненіе, e) этимологическое изслѣдованіе словъ, и f) логическое объясненіе оныхъ, основанное на историческомъ „развитіи мыслей.“ — Средства полезныя; но г. Сочинитель не всё въ надлежащемъ свѣтѣ показываешь. Напримеръ: „ошь перевода „иностранныхъ Писателей мы познаемъ разныя свойства, обиліе и недостатки отечественнаго языка (спр. 7).“ — Какія же разныя свойства *своего* языка познаемъ изъ *иностранныхъ* Писателей? Какая польза происходитъ ошь познанія обилія и недостатковъ его? — Надлежало бы досказашъ. Говоря объ этимологическомъ изслѣдованіи языка (спр. 8), г. Сочинитель называетъ „кореннымъ словомъ то, ошь кошораго „произошли другія слова чрезъ нарощеніе и „перемѣну окончанія онаго.“ — Но шьми же способами могутъ бытъ производимы слова и ошь производныхъ рѣченій. Положимъ, наприм. ошь *коло* происходитъ, чрезъ нарощеніе, слово *около*. Слова: *окольность*, *окольный*, *окольный*, и проч., вѣрно происходятъ не непосредственно ошь *коло*, а

ошь *около*: и такъ, по опредѣленію кореннаго слова, сдѣланному г. Сочинителемъ Военнаго Краспорѣчія, — *около* и *окольный* также будутъ коренныя; ибо ошь перваго производился второе, а ошь сего *окольный* и проч.

Трудно также согласиться и съ Филологами г. Сочинителя въ томъ, что „корень слова состоитъ изъ одной или изъ „двухъ согласныхъ буквъ,“ — когда неоспоримо, что слова коренныя имѣютъ значеніе и что они шворятся, въ нуждѣ, именно для выраженія новаго понятія. Но одною и двумя согласными буквами, кончорыхъ, безъ соединенія съ ними самогласной и произнесшъ явственно невозможно, едва ли на какомъ либо языкѣ дикарей выражаются понятія. Кроме того, ошь какихъ согласныхъ буквъ произведетъ г. Сочинитель слова — *эй*, *ай*, *ау*, собственное имя *Ю* и проч.? —

Предположенія (спр. 10, 11, до 18) о томъ, какъ частіи рѣчи входили въ языкъ людей одна за другою, кажется, вовсе не служащъ къ объясненію и познанію языковъ. По моему мнѣнію, г. Сочинитель лучше бь поступилъ, когда бы остановился на этимологическомъ изслѣдованіи языка, и показалъ съ большею, нежели какъ онь то сдѣлалъ, основательностію перемѣны значе-

ня словъ, происходяція ошь присоединенія къ кореннымъ другимъ рѣченій и ошь измененія ихъ окончаній. Въ учебной книгѣ немумѣстное толкованье отвлекаешъ учащагося ошь существенныхъ предметовъ Науки.

Глава IV. Опредѣленіе Логики, понятія, сужденія, умозаключенія.

Г. Сочинишель на удачу опредѣляешъ и Логикю, и понятія, и сужденія, и умозаключенія.

„Логика есть Наука, объясняющая правила, по которымъ умъ долженъ дѣйствовать.“ — Скудное опредѣленіе! Ибо скажешь: Логика прежде предписываетъ правила, попомъ уже объясняетъ ихъ. Спросяшь: на чемъ правила сей Науки основываются? Для чего же не сказать, что они основаны на самой познавательной способности, способности размышленія? — Припомъ Логика объемлетъ не одинъ умъ, а всѣ силы, составляющія способность размышленія; показываетъ законы, по которымъ каждая изъ нихъ дѣйствуетъ при познаніи; предписываетъ правила для вѣрныхъ умозаключеній, которыми могутъ быть производимы умомъ только при содѣйствіи прочихъ силъ. Въ познаніи необходима сила ощущенія; безъ ея дѣйствія не можешь быть въ насъ удостоверенія о бытіи предметовъ и возбуж-

денія къ дѣйствію другихъ силъ. Необходимо вниманіе, ошановляющее насъ на предметъ, произведемъ въ насъ перемену, и шѣмъ дославляющее воображенію время принявъ дослашочно впечатлѣнія, предметомъ въ чувственныхъ нашихъ органахъ производимыя, и изъ коихъ умъ составляетъ понятія. Разумъ сотворяешъ идеи, поспигаля, при должномъ употребленіи, внутреннюю природу познаваемого, связь его съ другими, ошношенія къ другимъ, причины его явленій, чего умъ не можешь произвести, ибо поспигаетъ одни явленія предметовъ. Память сохраняетъ пріобрѣшенія ума и разума. Фантазія, вѣрная служительница послѣднато, олицетворяющая его идеи и шѣмъ содѣлывающая ихъ болѣе удобопоспигимыми, неразлучная подруга шворца — генія и вкуса — дѣлитель всѣхъ изящныхъ произведеній, — также способствуешъ познанію, и посему должна имѣть почетное мѣсто въ Логикѣ. Нельзя совершенно исключитъ изъ сей Науки и волю, безъ которой многія силы способности познавательной ошашаются въ бездѣйствіи, безъ которой не можешь быть ни сужденій, ни умствованій, а посему ни понятій, ни идей, сладовательно никакого познанія. И шакъ, въ опредѣленіи Науки, надлежало бы, вмѣсто *умъ*, избрать другое

слово, которое выражало бы все силы мыслящей части человека.

Нигде не можешь быть лучше применено сие изречение — *все или ничего*, какъ въ дѣлѣ Наукъ. Или, разсуждая о Словесности, Сочинитель не долженъ былъ ничего говорить о Логикѣ, предположивъ, что она извѣстна читателю: никто не взыщетъ съ Сочинителя молчанія о ней, ибо его предметъ — Риторика; или, взявшись объяснять законы ея, онъ долженъ изобразить все необходимые, и въ связи; безъ того ученіе запусаетъ читателей, не принеся имъ ни малѣйшей пользы. Да проститъ меня великодушно г. Сочинитель, если осмѣлюсь сказать, что едва ли подобные способы объясненія Логики не суть виною того опроверженія, каковое ученики оказываютъ къ ней, и того пренебреженія, съ которымъ многіе ошцы смотрятъ на преподаваніе правилъ ея дѣляя ихъ. Какой грѣхъ принимаешь на свою душу поэтъ, кто опорочиваетъ въ глазахъ людей одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ полезному развитію ихъ способностей и единственно по желанію сокращаетъ Науку и произведетъ что-то новое!

„Умственное представленіе предмета, возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ предмета или воспоминаніемъ онаго, называеши-

„ся *понятіемъ* (идеею).“ Въ семь определеніи понятія все, кромѣ слова *представленіе*, нейдетъ къ понятію. Во 1) слово *умственное* — излишнее, ибо ни чувственного, ни какого либо другаго представленія быть не можешь. 2) Въмѣсто — *представленіе предмета*, надлежало бы сказать — совокупное представленіе чувственныхъ знаковъ предмета; ибо въ понятіи представляемъ не самый предметъ, а тѣ его примѣсы, кои подѣйствовали на наши чувства, возбуждали наше вниманіе и силою воображенія напечатлѣны въ душѣ. Если бы мы представляли въ умѣ самый предметъ, то наши представленія были бы всегда одинаковы, по крайней мѣрѣ, при разсматриваніи его съ одной точки и доколь онъ не измѣнился. Но бываешь противное: предметъ поэтъ же и неизмѣненъ; человекъ смотритъ на него, въ разное время, съ одной точки; а его понятія о немъ различны, и безъ сомнѣнія ошъ того, что не одинаковое число знаковъ разсматриваемаго, и не въ равной степени живости представляется. 3) *Возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ предмета*. По этому о всякомъ присутствующемъ предметѣ мы *неволью* имѣли бы понятіе (погда еще болѣе не шло бы къ нему названіе *умственного* представленія); но

понятія приобрящаются размышленіемъ, съд-  
 довательно *свободно*, хотя и суть съд-  
 ешвія чувственныхъ впечатлѣній, принимае-  
 мыхъ нами по физической необходимости.  
 Опытъ увѣряетъ насъ, что иногда изъ пы-  
 слячи присущенныхъ предметовъ и дѣй-  
 ствующихъ на насъ, мы не познаемъ ни  
 одного, ибо ни объ одномъ не размышляемъ.  
 Какъ же г. Сочинитель будешь послѣ сего  
 наставляишь приобрященію понятій вѣрныхъ  
 и полныхъ? Безъ размышленія? Какъ нибудь?  
 Очень худо. 4) *Или воспоминаніемъ онаго.*  
 Воспоминаніемъ, понятія, уже приобрящен-  
 ные, только возобновляются въ душѣ, въ  
 прежнемъ ихъ видѣ; оно не творитъ новыхъ.  
 Если же къ полученнымъ прежде и воспомина-  
 нымъ представленіямъ что нибудь при-  
 совокупаемъ, то все не памятио, а фан-  
 тазію, или умою, или разумомъ. 5) *На-*  
*зывается понятіемъ (идею).* — Объясняя  
 одно изъ сихъ словъ другимъ и нигдѣ не  
 опредѣливъ послѣдняго, Сочинитель пока-  
 зываетъ, что онъ принимаетъ ихъ за одно  
 и то же. Но *понятіе* (*conceptus*) и *идея* (*idea*)  
 давно уже въ Логикахъ оплщены, и по ва-  
 жнымъ причинамъ. Первымъ означаюшь,  
 какъ я сказалъ, совокупное представленіе  
 чувственныхъ знаковъ предмета познавае-  
 маго, а вторюю — представленіе того

способа, коимъ онъ дѣйствительно суще-  
 ствуетъ. Въ первомъ представляемъ пред-  
 метъ по его явленіямъ; а во вторюю шакъ,  
 какъ онъ есть. Понятіе приобрящается по-  
 мощію ума, идея — помощію разума. Сіе  
 раздѣленіе представлений основано на самой  
 сущности познаваемыхъ предметовъ, имѣю-  
 щихъ и чувственные и нечувственные зна-  
 ки, и на сущности ума и разума, изъ коихъ  
 одинъ можетъ представлять только  
 по, что, посредствомъ чувствъ, перехо-  
 дитъ въ душу, а другой самостоятельно  
 опыскиваетъ то, что не имѣетъ веще-  
 ства. Умъ и разумъ, только въ совокупно-  
 ести дѣйствуя, могутъ доставляишь намъ  
 полное представленіе, полное познаніе пред-  
 мета. Опредѣливъ шакъ ложно понятіе, Со-  
 чинитель или вовсе не научишь приобря-  
 щанію понятія, или наставишь понятіямъ  
 ложнымъ: въ обоихъ случаяхъ онъ неправъ.  
 О началахъ понятій, о ихъ раздѣленіи по из-  
 вѣстнымъ категоріямъ и о способѣ приобря-  
 щанія представленія полнаго, не говоришь  
 онъ ни слова. Къ чему же служишь его  
 ученіе?

„Сужденіе есть соединеніе или раздѣле-  
 ніе понятій въ умъ.“ —

На какой же конецъ соединяюшь или  
 раздѣляюшь понятія? — Сочинитель объ-

ясняетъ свое невиданное опредѣленіе сужденія, словами болѣе невразумительными: „мы обыкновенно соединяемъ шѣ понятія, ко- шпорыя одно въ другомъ включаются; а раздѣляемъ шѣ, кошпорыя одно въ другомъ не могутъ заключаться.“ — Для учащагося по книгѣ Г. Толмачева, и опредѣленіе и объясненіе сужденія, безъ смѣшливаго исполковашелл, останутся непроницаемою шьюю. Мнѣ кажется, лучше опредѣлишь сужденіе шакъ: сужденіе естѣ дѣйствіе души, кошорымъ она опредѣляетъ одно представленіе посредствомъ другаго, шакъ, что шѣмъ показывается приличіе (*convenientia*) одного изъ нихъ другому, или неприличіе (*inconvenientia*). Мы говоримъ: опредѣляетъ *представленіе*, а не понятіе; ибо въ сужденіе входятъ и идеи. Г. Сочинитель шакже, какъ и въ спашѣ о понятіяхъ, не показываетъ ни началъ, ни раздѣленія сужденій, ни способа, коимъ они производятся. Къ чему же служишь ученіе?

Не знаю, кто изъ проникшихъ шаништва Логики узнаетъ умшвованіе (*ratiocinium*), кто изъ желающихъ постигнуть шаништва Науки можетъ уразумѣшь дѣло умшвованія по слѣдующимъ словамъ г. Сочинителя: „*Умозаключеніе* естѣ извлеченіе „одного сужденія изъ другаго, основанное

„на правилахъ Логическиххъ?“ — И шакъ умшвованіе состоишь шолько изъ двухъ сужденій? — Какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе шочности! — Въ главѣ XXII, гдѣ объясняются силлогизмы, шотъ же мракъ облежишь умшвованіе. Какъ же и усердно желающій содѣлаться умшвователемъ, что для занимающагося Словесностію необходимо, можетъ удовлетворишь своему желанію, не получивъ къ шому, опъ своего наставника, здравыхъ понятій ни о представленіяхъ, ни о сужденіяхъ, не слыша опъ него, ни объ одномъ изъ шрехъ дѣйствій души, ни одного основательнаго правила?

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

---

## СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1826 года.

( *Продолженіе.* )

*Нидерландское Королевство*, въ началѣ минувшаго 1825 года, много пошерло отъ наводненій и разрыва плотины, а въ концѣ отъ великаго затрудненія въ денежныхъ оборотахъ, распространившагося изъ Англии по всей образованной части свѣта; но сіе положеніе, по извѣстной Голландской швердоси, какъ справедливо сказала Король въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій Генеральныхъ Шшаповъ нынѣшняго года, вскорѣ счастливо прекратилось: въ испекшемъ же 1826 году, Королевство сіе должно было бороться съ двумя ужасными бѣдствіями. Первое соспоало въ онушительной моровой язвѣ, бывшей слѣдствіемъ жаркаго сухаго зѣна (для болопныхъ спранъ сырая погода есть здоровѣйшая) и испребившей многихъ жинелей Греннигена, Овериссела и Фрисландіи; другое было опас-

ное возшаніе въ Южно-Индійскихъ владѣніяхъ, преимущественно на главномъ островѣ Явъ, кошорый до крайности разорень былъ мясеежниками. Послѣ побѣды, одержанной Индійцами 2 Сеншября прошедшаго года при Самарангѣ, Европейцы принуждены были бѣжати, и до сихъ поръ возмущеніе не шолько не укрощено, но сдѣлалось еще опаснѣе, пошому что въ войскахъ Нидерландскихъ оказалась повальная болѣзнь cholera morbus. Благодѣтельное и просвѣщенное правленіе Вильгельма I и Нидерландскіе Генеральные Шшапы употребили все силы свои для прекращенія сихъ бѣдствій. Благоразумныя мѣры приняты были для воспрепятствованія дальнѣйшему распространенію язвы, кошорой дѣйствіе все болѣе и болѣе ослабѣвало къ концу года; въ Яву послано было подкрѣпленіе; положено было сдѣлать заемъ въ 20 милліоновъ въ пользу заморскихъ владѣній большинствомъ 72 голосовъ прошиву 6, и островъ Ява открытъ былъ для торговли всехъ народовъ. Послѣднія засѣданія Генеральныхъ Шшаповъ имѣли главнымъ предметомъ занятія бюджетъ на 1826 годъ и введеніе общенароднаго обученія юношества. Нынѣшнія были открыты Королемъ 16 Окшября въ Брюсселѣ, и въ рѣчи Короля упоминаемо

было о внутренних дѣлахъ Королевства, о счастливомъ прекращеніи кришическаго положенія торговли, о заразѣ, о состояніи Индійскихъ колоній и ш. п. — Въ Нидерландахъ также непрерывно распространяема была система каналовъ. На мѣсто уволенного Г. де Конинка, поступилъ въ Миниспры Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Верспукъ Фанъ-Зуденъ. Полковникъ Вервье отправился на Панамскій Конгрессъ въ качествѣ Нидерландскаго Посланника. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ. Колоссальный левъ, памятникъ Вашерлоскаго сраженія, нынѣ оконченъ. — Народонаселеніе Амстердама безпрестанно увеличивается; въ прошедшемъ году, родившихся въ семь городѣ было 7352, а умершихъ только 6302 чел. — Въ Амстердамъ прибыло съ моря 1606 кораблей.

Исторія *Швейцаріи* въ прошедшемъ году, имѣла только мѣстную занимательность. И здѣсь равномерно оказывали планное участіе въ судьбѣ Грековъ. Сеймъ въ Люцернѣ открытъ былъ 3 Юля, и закрытъ уже 13 Августа. Достойны примѣчанія разсужденія объ опмѣненіи смертной казни въ Женевѣ, гдѣ, между прочимъ, не принято было предложеніе соорудить памятникъ Ж. Ж. Руссо. Разведеніе Тибеш-

скихъ козъ на Альпійскихъ горахъ имѣло нѣкоторый успѣхъ. Опредѣленіе Швейцарскихъ полковъ въ иностранную службу и церковныя дѣла въ Католическихъ Республикахъ принадлежали также къ предметамъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе.

Исторія *Италійскаго полуострова* въ прошедшемъ году, представляешь также не много происшедшій занимательныхъ во всемірномъ отношеніи. *Сицилія* совершенно уже была очищена отъ Австрійскихъ войскъ, которыя мало по малу выходили и изъ *Неаполя*. Хотя и здѣсь положеніе земленашцевъ было не слишкомъ счастливо, однако же благоразумное Правительствопшмъ ревностнѣе старалось объ улучшеніи фабрикъ и усердно пеклось о внутреннемъ усовершеніи; съ другой стороны оно снова было принуждено издавать спротивъ постановленія прошивъ упорныхъ Карбонаровъ. 26 Апрелья скончалась супруга покойнаго Короля, Герцогиня Флоридія; также лишился Неаполь въ семь году знаменишаго Аспронома Піацци. Въ Римѣ были зашворены Святыя врата 26 Декабря прошедшаго года, введено лучшее Государственное Хозяйство, и учреждены сообразныя съ цѣлію заведенія для бѣдныхъ. Въ Пезаро, что въ *Римской области*, открыта была новая

Карбонарская ложа, и Папское Правитель-  
ство, подобно прочимъ въ Италіи, должно  
было безпрерывно обращать все свое вни-  
маніе на сіи гибельныя шайныя общества  
и вообще противодѣйствовать нарушенію  
внутренняго спокойствія и безопасности.  
Въ одной Болоніи, въ теченіе 6 мѣсяцевъ,  
начислано не менѣе 96 убійствъ! — Алжир-  
скій Дѣй принужденъ былъ Франціею выдать  
Римскихъ пловинныхъ. — Великій Герцогъ  
*Тосканскій*, коего подданные благоденству-  
ють подъ крошкымъ его правленіемъ, пред-  
принималъ въ семь году путешествіе въ Вѣ-  
ну. Въ *Сардинскомъ* Королевствѣ, коего  
народонаселеніе простирается нынѣ до 4  
милліоновъ душъ, безпрерывно умножается  
число монастырей, коихъ теперь уже счи-  
тается 348. Къ достопамятнѣйшимъ оп-  
крытіямъ въ Италіи, слѣдуетъ прошектихъ  
вѣковъ, принадлежащихъ развалины Геркуле-  
сова храма близъ Бресчии съ превосходнѣй-  
шими, сохранившимися въ цѣлости, статуя-  
ми; въ Помпеѣ также продолжаютъ оп-  
рывать много достопамятностей. Доселѣ  
еще не исполнилось ожиданіе возстановле-  
нія *Мальтійскаго ордена*, который, какъ  
полагали, долженъ былъ основаться въ Фер-  
рарѣ и сильно дѣйствовало за Грековъ.  
Выспутившая изъ береговъ рѣка Аніо въ

концъ года, причинила большія опустоше-  
нія въ Римской области.

Жестокая и опасная болѣзнь (воспален-  
пельная горячка), кошорою одержимъ былъ  
Императоръ обширной *Австрійской* Мо-  
нархіи (съ 9 Марта), возбудила сильнѣйшее  
опасеніе о жизни любимаго Государя, и съ  
воспоргомъ принято было извѣстіе о вос-  
последовавшемъ вскорѣ послѣ того выздо-  
рвленіи сего Монарха. Осторожная Поли-  
тика Австріи постоянно клонилась къ то-  
му, чтобы предупредить всякое нарушеніе  
внѣшняго и внутренняго спокойствія Европы.  
Бразилія признана была самостоятельнымъ  
Государствомъ; а Инфантъ Донъ Мигуэль  
одобрить, какъ выше упомянуто, въ Вѣнѣ  
новую Португальскую хартію, и обнародо-  
валъ обрученіе свое съ будущею Португал-  
скою Королевою. Основываясь на ложныхъ  
слухахъ, предполагали снова, что путеше-  
ствіе Князя Меттерниха имѣло важную  
политическую цѣль. Венгерскій Сеймъ про-  
должался и подалъ поводъ ко многимъ пре-  
ніямъ о предметахъ, касающихся до образа  
правленія Венгрии и отношенія оной къ  
прочимъ странамъ, подвластнымъ Австрій-  
ской Монархіи. Городъ Зальцбургъ будешь  
поставленъ на ряду съ первостепенными  
крѣпостями. Здѣсь продолжали строить

большія дороги, и внутренняя дѣятельность  
ремесль непрерывно увеличивалась. Къ при-  
мѣчательнѣйшимъ изобрѣшеніямъ принадле-  
житъ паровое орудіе Г. Безецаго, которое  
въ одну минушу бросаетъ 250 пуль.

( Продолженіе впрдъ. )

## V.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## I.

Ц В Ъ Т Ы.

( К ъ ж е н ѣ м о е й . )

Ложатся на землю

Снѣга;

Поблекли, завяли

Лука!

Какъ жизнь услаждаютъ

Мечты:

Тебя шакъ красуюшь —

Цвѣтны.

Покинемъ, Алина,

Сей градъ;

Къ полямъ возвратишься

Я радъ!

На всемъ тамъ искусства

Персты;

Убранство пастушки:

Цвѣтны.

Тамъ скучны веселья

Шировъ;

Тамъ взоръ мой былъ мраченъ,

Суровъ;

Тамъ гасла блѣднѣла!

И ты:

Здѣсь вновь на ланипахъ

Цвѣтны!

Какъ знаешь, что въ грядущемъ

Насъ ждешь?

Судьба намъ замѣны

Даетъ!

Нашъ милый младенецъ

И ты:

Мои вы въ сей жизни

Цвѣтны.

## 2.

## СТАРОЙ КОКЕТКѢ.

Ты всякой день, возставъ ошь сна,

Спѣшишь предъ зеркало садиться;

И вдругъ исчезнешь съдына,

И блѣдный цвѣтъ швой оживишься!

Я вижу все, — и не шупа

Совѣтую не шрашишь красокъ;

Напрасный шрудъ! любовь — дшя:

А дѣши всѣ боаяшя масокъ.

(Изъ Armand-Sevillé.)

## 3.

## НОВЫЙ НАРЦИССЪ.

Нарциссу было суждено  
 Любить свой видъ прекрасной;  
 Но я не въ воду, — а въ вино —  
 Гляжуся ежечасно!  
 Я самолюбиемъ помимъ,  
 Спаканъ свой наливаю;  
 И съ влажнымъ зеркаломъ монимъ  
 Свой образъ — выпиваю!

(Изъ Panard.)  
 В. Вердеревскій.

## VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
 БИБЛИОГРАФІЯ.

## НОВЫЯ КНИГИ:

1 8 2 7.

## М о р е х о д с т в о.

7. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности.* Ч. XI. С. П. б. 1826, въ Морск. шип. IV—500 стр. въ 8, со многими таблицами и 3 чершежами.

(У насъ часто выходяшь въ свѣтъ весьма любопытныя и полезныя книги, служащія вообще къ распространенію познаній, — и часто публика холоднымъ окомъ смопримъ на ихъ появленіе. Причина тому очень проста: книги такого рода по бѣльшей части издаюшяся Правительственными мѣстами; о нихъ книгопродавцы не прубяшь въ пышныхъ газетныхъ объявленіяхъ, и не всегда даже Журналы знакомяшь насъ съ ихъ содержаніемъ. Къ числу такихъ книгъ должно отнести сіи *Записки*. Изъ нихъ любопытныя могушь видѣшь постепенные успѣхи Россійскаго мореплаванія, могушь почерпашъ весьма занимательныя свѣдѣнія о кругосвѣтныхъ и другихъ путешествіяхъ, совершаемыхъ, по волѣ Правительства, офицерами Императорскаго флота; могушь въ нихъ найши описанія многихъ портовъ и приморскихъ городовъ Россійскихъ, и ш. п. Сверхъ того, для людей, занимающихся математическими Науками, особенно въ приложеніи оныхъ къ мореходству, помѣщающяся въ сихъ Запискахъ весьма важныя вычисления и таблицы, извѣстія о новыхъ изобрѣшеніяхъ по части кораблестроенія и пр. и пр., а для упражняющихся въ Наукахъ Естественныхъ — наблюденія Ученыхъ, посланныхъ на разныхъ судахъ въ разныя

страны свѣта. Желательно, чтобы соотечественники наши, любящие чтение, обращали болѣе вниманія на книги сего рода, доставляющія чтение занимательное и полезное, а не шакое, кошорое только разспроиваетъ воображеніе и оспавляетъ пушошу въ умѣ и пониманіяхъ.)

*Я з ы к о з н а н і е.*

8. *Краткая Россійская Грамматика, изданная Титулярнымъ Совѣтникомъ Михайломъ Радугинымъ.* М. 1826, въ шиногр. П. Кузнецова. 74 стр. въ 8.  
(См. No 25 Сѣв. Пчелы.)

9. A practical Grammar of the Russian language, by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка, соч. Якова Герда*). С. П. б. 1827, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщеніа. 2 Ч. въ 1й 323, во 2й 197 стр. въ 8.

(Г. Гердъ заслуживаетъ благодарность и соотечественниковъ своихъ и Русскихъ: онъ первый взялся познакомить Англичанъ съ правилами богатаго и звучнаго нашего языка, кошорый, вопреки шушкамъ покойнаго Бейрона (\*), по признанію даже мно-

(\*) Въ одной изъ послѣднихъ Пѣсней своего Донъ-Жуана, Лордъ Бейронъ шушилъ надъ *эфонією* Русскихъ собшвенныхъ именъ. Не дивимся: почтенный Лордъ вѣрно не умѣлъ ихъ выговаривать.

гихъ иностранцевъ, превосходящъ гармонією большую часть современныхъ языковъ Европейскихъ. Въ 29 No Сѣверн. Пчелы помѣщено подробное извѣстіе о сей Россійско-Англійской Грамматикѣ, кошорой желаемъ всякаго успѣха, равно какъ и шѣмъ, кои возьмутъ ее съ похвальнымъ намѣреніемъ — выучиться по ней Русскому языку.)

*Ж и з н е о п и с а н і е.*

10. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten D. M. Posharfski; von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskvischen Archivs von dem Collegium der auswärtigen Angelegenheiten. In's Deutsche überseht von seiner Tochter, Katharina Malinowski. (*Достопамятности изъ жизни Князя Пожарскаго, соч. А. Малиновскаго, Сенатора и Управляющаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Перевед. на Нѣмецкій языкъ дочерью его, Катериною Малиновскою*). М. 1826, въ шиногр. Селивановскаго. 70 стр. въ 8.

(См. No 30 Сѣверной Пчелы, гдѣ извѣстіе о сей книжкѣ помѣщено съ любопытными замѣчаніями по сему поводу, извле-

ченными изъ Рижской Газеты: *Offsee-Provinzen-Blatt.*)

*С л о в е с н о с т ь .*

11. *Der Trauerquell (Бахчисарайскій фонтанъ)*  
verfaßt von Alexander Puschkin. Aus dem Rus-  
sischen übersezt von Alexander Wulfert. С. П.  
б. въ шпогр. Особенной Канцеляриі  
М. В. Д. 48 стр. въ 12.

( Г. Вульффершъ переложилъ уже въ Нѣ-  
мецкіе стихи Поэму Пушкина: Кавказскій  
пльнникъ. Остается знаюкамъ Нѣмецкаго  
языка оцѣнить достоинство сего новаго  
перевода и сравнить его съ подлинникомъ.  
Книжка сія напечатана весьма хорошо. )

12. *Balzett, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ,*  
*въ стихахъ. Сочиненіе Расина. Пере-*  
*велъ съ Французскаго В. Н. Олинъ.*  
С. П. б. въ шпогр. Медицинскаго Де-  
партамента Мин. Вн. Дѣль. 1827. 84  
стр. въ 8.

( Издашили получили довольно простран-  
ное размошрѣніе сего перевода, которое  
намѣрены помѣстить въ одной изъ слѣду-  
ющихъ книжекъ С. О. ).

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VI.

I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

### А Р Е С Т А Н Т Ъ .

(*Съ перевода Г-жи Монтолье изъ соглненій Баро-  
нессы де ла Моттъ-Фуке*)

Отъ Графа Юлія Винфельда къ другу  
его, Феликсу Ганвицу.

Поденныя записки.

### Замокъ Шарфштейнъ.

Не называй меня болѣе, Феликсъ, любим-  
цемъ счастья; горестное доказательство  
его непостоянства я испытываю нынѣ; не  
говори мнѣ объ оплчїи, довѣренности и  
особенномъ благоволенїи. . . . Если это ми-  
лоссть Герцога, что онъ, оппоргнувъ меня  
опъ удовольствїей столицы, бросилъ въ со-  
вершенно дикую страну и принудилъ сдѣ-  
латься спражемъ сумасшедшаго его брата;  
то я, право, легко бы могъ обойтись безъ  
такой милосши и охотно, весьма охотно  
желалъ бы спрыгнуть съ этой, ведущей къ

почестямъ льспницы. Не смѣйся, когда скажу тебѣ, что еще при одномъ видѣ жилища несчастнаго безумца, неизяснимое уныніе овладѣло моею душою, и съ самой поиминушы я все думаю, что мнѣ суждено кончить жизнь подъ развалинами сего мрачнаго, уединеннаго зданія.

Я пріѣхалъ ночью. Каменистая дорога, сюда ведущая, изнурила лошадей; эскадронъ мой ушомлся, я также; въ самомъ дурномъ расположеніи духа слѣдовали мы за проводникомъ нашимъ въ дремучій лѣсъ, окружающій замокъ. Бурный вѣтеръ колебалъ верхи елей, съ кошорыхъ сыпался на насъ снѣгъ; жандармы прекратили свои пѣсни, и мы, въ молчаніи, среди ужасной шемношы, съ величайшимъ трудомъ взобрались наконецъ на гору, гдѣ выстроены замокъ Шарфшпейнъ. Тутъ ошановились мы у подъемнаго моста; онъ былъ опущенъ; спарый солдатъ вышелъ къ намъ изъ караульни съ фонаремъ въ рукѣ. Я показалъ ему повелѣніе Герцога; увидѣвъ Государшвенную печать, онъ снялъ шляпу и громкимъ голосомъ увѣдомилъ внушреннюю спражу о нашемъ пріѣздѣ; мостъ подняли, мы прошли его, и другой солдатъ, опворивъ вороша, ввелъ насъ на пространный дворъ, окруженный высокими, каменными стѣнами. — Молчаніе, шумъ царшво-

вавшее, привело меня въ ужась, но вскорѣ двери замка заскрыпили, и смошришелъ, въ сопровожденіи двухъ служилеелей, несущихъ зажженные свѣчи, вышелъ къ намъ на вспрѣчу. Эшошъ спарикъ былъ, казалось, чрезвычайно удивленъ моимъ пріѣздомъ; я вѣдѣлъ ему назначить мнѣ комнашу для жишья, предупредивъ, что можешь бышь я и долго пробуду въ замкѣ.

„Какъ?“ вскричалъ онъ съ удивленіемъ, смошря на мою конницу: „неужели и эпи люди также здѣсь ошпанушся? Или какое нападеніе угрожаешь замку? Такія предосшорожности не могушь бышь нужны для моего арешанша: неужели за мною хошяшь присмашривашъ? Чѣмъ заслужилъ я эшо?...“ — Я было думалъ его успокоить, но онъ, съ видомъ увѣренности въ своемъ достоишствѣ, продолжалъ: „двадцашъ одинъ годъ уже находишся Принцъ подъ моимъ присмошромъ, и никшо не можешь въ чемъ либо упрекнуть меня!...“ — Двадцашъ одинъ годъ! сколько времени для жалкаго безумца! . . . Мысль сія произвела горешное движеніе въ душѣ моей; въ молчаніи и какъ бы прошивъ воли, слѣдовалъ я за эшимъ чедовѣкомъ. Его суровая, непріяшная физиономія не могла внушить мнѣ почшенія, кошорымъ обзаны мы спаросши. Пришедь въ

комнату, которую должеѣ былъ я занять, онъ велѣлъ подать мнѣ свѣчей, и поклонившись съ видомъ, не совсемъ доброжелательнымъ, удалился. Оставшись одинъ, я началъ ходишь и размыслишь о своемъ положеніи. Вошелъ служитель съ небольшою вязанкою хворосна и разложилъ огонь въ каминъ. Здѣсь нѣтъ печей; замокъ былъ выстроенъ для увеселеній охоты, жили въ немъ только осенью короткое время, и пошому такія удобства были не нужны. Судьба, какъ будшо желая посмѣявша замысливъ смертныхъ, опредѣлила сей, увеселительный по своему назначенію, замокъ жилищемъ несчастному, который ни въ чемъ не можешь находить отрады.

Я спросилъ чернилъ, и въ надеждѣ разсѣявъ печальныя мысли, съ полчаса уже разговариваю съ шобою. Часто оставляю перо и посмаприваю на убранство комнаты, гдѣ все, даже и самая слинявшая позолота напоминаетъ о роскоши, когда-то здѣсь бывшей, и о томъ времени, когда люди не были чужды симъ спѣнамъ. Какая пустоша! Двадцать одинъ годъ уже, какъ никшо не входилъ въ сію комнату. Надъ дверьми висяшь поршрешы особъ царствующей фамилии; взоръ мой успрямленъ на одинъ изъ нихъ, и мнѣ кажется, эшо пор-

шрешъ родилсѣя Владѣшельнаго Герцога и брата его, безумца, здѣсь заключеннаго. Видъ его показываешь ошкровенность и безпечный характеръ, можно угадашь, что онъ наслаждался жизнью, не помышляя о будущемъ. Не смотря на спранность стариннаго костюма, наружность его имѣешь много пріятнаго. Противъ эшого поршреша я вижу другой, женскій, писанный сухими красками, кошорья не много сперлись, но все легко можно узнашь прелестныя черты Герцогини-машери, когда она была еще въ юныхъ лѣтахъ. Можешь бышь, сей замокъ былъ нѣкогда свидѣтелемъ счастья ея молодости; она нѣжно любила своего мужа и никогда съ нимъ не разсвавалась. Добродушная Принцесса была тогда увѣрена, что счастье существуетъ на землѣ: веселость милаго лица ея показываешь, что печаль, въ то время, была извѣстна ей только по слуху. Какъ спранно, что у такой нѣжной, счастливой и прелестной чешы, родились такіе сыновья, каковъ угрюмый Владѣшельный Герцогъ и бѣшеный Принцъ Карлъ! . . . Тебѣ конечно извѣстно, что сей послѣдній, въ одну изъ стѣхъ минушь, когда приходишь къ нему разсудокъ, сказалъ въ присущствіи другихъ, что найдешь средство убѣжать изъ шюрмы,

возобновишь прежнія связи свои и поспраешься ошмстивши бранцу за его жестокость. Но сіи слова не имѣли никакихъ послѣдствій; не они побудили Герцога пригласить меня сюда, а одно *сновидѣніе*, обратившееся для меня въ мучительную существованность.

Не давно, возвратясь съ поржественнаго бала, бывшаго у Сардинскаго Посланника, который живешь въ домѣ, принадлежавшемъ заключенному Принцу, Герцогъ сдѣлался нездоровъ; Докторъ Леонардъ нашелъ его въ лихорадкѣ: въ сильномъ бреду, онъ говорилъ о томъ, чего добродушный врачъ не могъ, или не хотѣлъ понимать. Передъ ушромъ больной заснулъ. Проснувшись уже въ полдень, онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на предметы, его окружавшіе и увидя Доктора, велѣлъ ему подойти къ постели: „объясните мнѣ“ сказалъ онъ ему насмѣшливо: „опъ волненія ли крови, или опъ чего другаго происходить сны?“ Докторъ медлилъ опвѣтомъ, и Герцогъ продолжалъ: „вчера за ужиномъ, на балѣ у Посланника, прошивъ моего обыкновенія я выпилъ нѣсколько рюмокъ Французскаго вина: мнѣ нужно было подкрѣпленіе; видѣ коныши, гдѣ жилъ нѣкогда несчастный бранецъ мой, и бальный шумъ разспроли мою го-

лову и нервы. Я рано уѣхалъ домой, легъ спать и — послѣ тысячи безпокойныхъ мыслей, заснулъ; но и тогда ужасныя сновидѣнія лишали меня спокойствія. Мнѣ казалось, что бранецъ мой, въ бѣшенствѣ, схватилъ меня и держалъ шакъ крѣпко, какъ будто бы хотѣлъ задушить.“ Сказавъ сіи слова Герцогъ поблѣднѣлъ, замолчалъ, но вскорѣ, оправаясь, засмѣялся и, внимательно смотря на Доктора, будто желая угадать его мысли, продолжалъ: „какъ вы думаете, не есть ли это только дѣйствіе разгоряченнаго воображенія, или шакой сонъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь предвѣщаетъ?“ Онъ опять замолчалъ и чрезъ нѣсколько минушь прибавилъ тихимъ голосомъ: „можеть бышь мнѣ угрожаетъ несчасіе. . . . Сей часъ, предъ пробужденіемъ, мнѣ видѣлось во снѣ, что я находился въ замкѣ Шарфштейнѣ, и былъ на охотѣ. Увидѣвъ летящую надъ горами птицу, я прицѣлился, выстрѣлилъ, но не попалъ: это былъ прекрасный лебедь; онъ успремился въ рѣчку, поплылъ, и хоша я даже его не ранилъ, но кровь видна была въ спруяхъ; вдругъ мнѣ сдѣлалось шакъ тяжело, какъ будто бы грудь мою пронзили кинжаломъ. Какъ вы думаете, Леонардъ, не послать ли мнѣ кого въ замокъ, узнать, что шамъ дѣлается?“

Не знаю, что опивчалъ на шо Докторъ, но чрезъ два дня я получилъ повелѣніе опправиться сюда. Ты говорилъ мнѣ, что я много обязанъ Леонарду: да, вѣроятно онъ опознался обо мнѣ хорошо Герцогу; только я не слишкомъ благодаренъ ему, если по его рекомендаціи попалъ сюда; впрочемъ, я никакъ не думаю, чтобы это сдѣлалось по его милости. Герцогъ всегда изъявлялъ мнѣ благоволеніе; заступивъ мѣсто моего родителя, котораго лишился я еще въ дѣтствѣ, онъ помѣстилъ меня въ военное училище и, по окончаніи наукъ, опредѣлилъ въ гвардію. Спецъ служилъ усердно покойному Герцогу, и кончилъ жизнь свою на полѣ чести. Мать моя воспитывала молодую Герцогиню; признайся, послѣдняя милость Герцога не кажется мнѣ такъ велика: безъ нея былъ бы я въ столицѣ и проводилъ бы время, какъ нельзя пріятнѣе. Къ тому же, мнѣ бы хотѣлось, чтобы меня оппачали заслуги, а не одно только благоволеніе моего Государя. Не знаю, отъ чего Герцогъ никогда мнѣ не нравился, а всего меньше нынѣ: онъ всегда такъ угрюмъ, спрощивъ... право, я часшо гоповъ былъ думаю, что онъ въ шайнѣ сдѣлалъ какое либо злодѣяніе. ....

Какая тихая ночь!.... Какъ пріятно свѣтитъ луна!.... Какъ ярко блестящъ звѣзды надъ поверхностію горь!.... Шумъ рѣчки, пропекающей подъ перасою, напоминаетъ мнѣ бѣлаго лебедя, видѣннаго во снѣ Герцогомъ....

Но что я слышу?.... Тихіе звуки флейшы несущая съ прошивной стороны замка... Неужели это онъ? Такъ, желѣзные рѣшетки у оконъ доказываютъ мнѣ, что это его жилище.... Можешь быть несчастный вѣвряешь любимому инструменту своему горесъ, зашмѣвающую его разсудокъ. Кому жъ будешь онъ повѣрять ее? Кто захочетъ его слушать?.... Бѣднѣй Принцъ! какъ я о тебѣ сожалею!....

Я его видѣлъ; не могу описатьъ тебѣ впечатлѣнія, которое наружность его произвела во мнѣ. Это было въ полдень, въ шо время, когда смѣнялся караулъ: я спощалъ у окна, какъ вдругъ не вдалекѣ отъ меня опвораяются двери на балконъ, и я вижу Принца. Видъ его привелъ меня въ смущеніе; я опушилъ глаза, но потомъ, оправаясь, обратился ихъ на арестанта. Онъ высокъ ростомъ, имѣетъ величественную осанку и, не смощря на чрезвычайную блѣдность, лице его совсѣмъ не показываетъ сумасшедшаго. Напрощивъ оно выражаетъ полное спокой-

ствіе духа. Кавалерія моя представила собою зрѣлище совершенно новое для Принца; но, по видимому, онъ не въспревожился шѣмъ, а только изумился. Однако, вскорѣ примѣшилъ я, что онъ задумался. На немъ былъ мундиръ драгунскаго полка и на головѣ шляпа съ султаномъ. При появленіи его, воины спали въ спрѣй. Принцъ благосклонно взглянулъ на нихъ, а попомъ большіе, черные глаза его, показавшіеся мнѣ прекрасными, обратились къ небу, и, далѣе, на ужасныя цѣпи горь. Никогда, никогда, не забуду я эшого взора!.. Вѣрно въ минушу сію былъ онъ въ полномъ разсудкѣ, попому что взглядъ его показывалъ не безуміе, а преданность Провидѣнію; не бѣшенство, а горестъ.

Въ то же самое упрѣ я изъясилъ желаніе бытъ допущеннымъ къ Принцу, но какъ въ повелѣніи Герцога ничего о семъ не сказано, то спрѣгой смотришель замка и имѣлъ полное право отказать мнѣ, увѣряя, что арестантъ чуждаешся всѣхъ; а особенно не шерпишь посѣщеній отъ незнакомыхъ, и что въ семъ случаѣ безуміе его превращаешся въ яростъ. Впрочемъ на что мнѣ его и видѣть? Чрезъ мѣсяць, можетъ бытъ, Герцогъ позабудетъ о своемъ сновидѣніи, дастъ мнѣ приказаніе возвра-

титъ въ столицу, и все оныишь пойдешъ по прежнему. Ахъ, какъ ужасно положеніе Принца! Неизбѣжная участь не дозволяетъ ему нишашъ какую либо надежду! Счастливь онъ, если запмившіи разсудокъ не представляешъ ему ничего прошедшаго!... Но въ минушу пробужденія разсудка, сколько онъ долженъ бытъ досшойтъ сожалѣнія! — Какую грусть поселяютъ мысли сіи въ душѣ моей!... Нытъ, кытъ, я не могу бытъ здѣсь; должностъ, на меня возложенная, неприлична ни лѣшамъ моимъ, ни склонностямъ, а всего менѣ сердцу, которое не можетъ сносить равнодушно спраданія другихъ. Удовольствія свѣша еще пѣвнютъ мое воображеніе. Одна мысль, что я долженъ провешти нѣсколько недѣль здѣсь, въ опдаленіи отъ всего, что мнѣ любезно, приводитъ меня въ содроганіе. Едва только начиналъ я забывашъ о горестяхъ, испытанныхъ мною въ дѣнствѣ, какъ шеперь, окруженный непріятными предметами, невольно о нихъ воспоминаю. Ахъ! я не былъ счастливь... Такъ, Феликсъ, мнѣ пріятно, очень пріятно было проводить время съ тобою, но эшо удовольствіе нельзя было назвашъ счастьемъ: оно заключаешся въ сладосныхъ узахъ родства, узахъ, соединяющихъ насъ съ подобными себѣ съ первой

минушы бышія, и чрезь копорыя мы на-  
чаемся въ послѣдствіи цѣнить его. Увы!  
для меня не было счастья!... Я имѣлъ  
около пяти лѣтъ ошъ роду, когда отецъ  
мой погибъ въ сраженіи; я проливалъ сле-  
зы, пошому что окружающіе меня плакали  
и говорили, что я не увижу болѣе папень-  
ку... Ахъ, я очень помнилъ, какъ онъ,  
распросившись съ своимъ семействомъ,  
сѣлъ на лошадь и, смѣясь, сказала мнѣ:  
„вошь, Юлій, будь умнѣе, выростешь, и  
тебѣ дадутъ лошадь.“ Съ шѣхъ поръ я ни  
о чемъ не думалъ, какъ шолько о шомъ вре-  
мени, въ копорое и мнѣ можно будешь  
ѣздить верхомъ. Въшь о кончинѣ родилела  
моего поразила машушку. Ввечеру шого  
дня, она посадила меня на колъна и, обли-  
ваясь слезами, сказала: „бѣдное дитя, что  
будешь шеперь съ шобою?...“ Эши слова,  
копорыхъ я никогда не забуду, и шогда за-  
спавили меня горько плакашь; меня поло-  
жили въ постель, но я рыдалъ и долго не  
могъ заснуть. Чрезъ нѣсколько дней мы  
ошправились жишь въ маленькій, ошдален-  
ный ошъ города домикъ, находившійся среди  
горъ; новые предметы скоро разсѣяли пе-  
чаль мою; я подружился съ дѣшми Пасно-  
ра, игралъ съ ними и почиталъ себя счас-  
ливимъ. Въ сіе время машушка должна была

возвращишь въ резиденцію; Герцогъ и  
Герцогиня избрали ее надзирашельницею къ  
молодой Принцессѣ, копорая, спушя нѣ-  
сколько времени, вышла за мужъ за Англій-  
скаго Принца. Машушка, ошправившись  
съ нею въ Англію, скончалась шамъ чрезъ  
нѣсколько лѣтъ; осирошвншій сынъ ея  
оспавался пансіонеромъ у Паспора съ са-  
мага ея ошѣзда. Сперва я былъ очень до-  
воленъ, что меня не разлучали съ малень-  
кими моими шоварицами, но вскорѣ почув-  
ствовалъ всѣ невыгоды настоящаго моего  
положенія въ сравненіи съ шѣмъ, какъ я  
жилъ съ машушкою. Хозяева дома были  
угрюмы, скупы и брызгливы; цѣлый день  
шолковали о курахъ и ушкахъ, копорыми  
жена Паспора шорговала. Большая, голод-  
ная собака, безпреспанно лаяла на дворѣ.  
Меня, шакже какъ и всѣхъ дѣшей, зашав-  
ляли исправляшь разные домашнія работы:  
не будучи къ шому привыченъ, я всегда  
принимался за нихъ не ошощно, исполнялъ  
дурно, бывалъ за шо бранимъ, бишь, и по-  
шому всегда почти находилъ въ горести  
и часшо плакалъ. Мнѣ уже не давали но-  
сить прекраснаго моего плашья и шоякаго  
бѣлья: Паспорша говорила, что денегъ, за  
содержаніе меня ими получаемихъ, не могло  
доспавать на подобныя издержки, и пошому

должно было привыкаться обходиться безъ шого. Добрый мужъ ея обращался со мною гораздо ласковѣе: онъ, когда жены его не было дома, призывалъ меня къ себѣ, давалъ мнѣ какого нибудь лакомства, уговаривалъ меня не крушиться и быть шерпѣливымъ; но совѣщя его осмивались щещеными: съ каждымъ днемъ спановилися я печальнѣе и даже удалялся отъ веселыхъ моихъ шоварищей. Однажды, сидя у дверей нашего жилища, я увидѣлъ идущую на дворъ женщину, у кошорой въ рукахъ была закрытая корзина. Собака, выбѣжавъ изъ кануры, съ ужаснымъ лаемъ бросилась на нее и схватила ее за платье. Побужденный состраданіемъ и вмѣшавъ любопытствомъ, я вскочилъ, и опогнавъ собаку, кошорой она чрезвычайно испугалась, схватилъ ее за руку и ввелъ въ нашъ домикъ. Вошедши туда, она шопчасъ открыла корзину; дѣши Пасшора и я, увидя, что въ ней находились разныя игрушки, съ восшоргомъ окружили незнакомку.

„Сшупай, сшупай, голубушка,“ сказала сей послѣдней жена Пасшора: „здѣсь не спанушь платьишь денегъ за шакіе пустяки.“ — „Сударыня,“ возразила незнакомка, улыбаясь: „мнѣ не надобны деньги; пускай эшо дшпя, (указывая на меня) выбереть, что ему по-

навишься, а вы пожалуйше мнѣ какое нибудь изъ старыхъ его платьищъ: оно будешъ въ пору моему сыну, и я останушь весьма довольна.“ Мы уже начали рышсья въ корзинкѣ, Пасшорша сердилась, бранила насъ, и пошомъ однако общала пріискать какое нибудь старое мое платье и пошла за нимъ. Я выбралъ деревянную саблю, шакое же ружье, и любовался ими, между шѣмъ какъ незнакомка посмащривала на меня и улыбалась. Пасшорша возвратилась и вручила ей общанное платье. „Будь всегда добръ“ сказала мнѣ шогда продавщица игрушки, и съ сими словами удалилась. Я и донинѣ еще помню лице и голосъ сей женщины: шогда мнѣ очень хощѣлось ишши въ слѣдъ за нею. Во весь шомъ вечеръ я былъ очень доволенъ и весель. Слѣдующій день былъ Воскресный; пошпру хозлева дома пошли въ церковь, шоварищи мои бѣгали по полямъ, а я, сидя подъ липою при входѣ въ наше селеніе, вдругъ увидѣлъ незнакомку, кошорая была у насъ наканунѣ. Она шла изъ ближней гощпиницы, бывшей на дорогѣ; увидѣвъ меня, приблизилась, поклонилась и съла возлѣ на скамѣ. Помолчавъ нѣсколько минушь, она спросила меня о моемъ имени. Я сказалъ ей. — „Любезный Юлій,“ продолжала она: „вчера я не могла ошблагодаришь шебя

за то, что ты опогнала опять меня собаку, и хочу теперь это сделать.“ Тушь подала она мне маленькую книжку, красиво переплетенную в алый сафьян. Раскрываю и вижу множество картинок, которые означали или чтонибудь или Библию, или чтонибудь нравственное, с толкованием в подписи. При каждой картинке находился бѣлый листокъ. „Это маленькій календарь, Юлій, продолжала незнакомка: „тушь находится столько листочковъ, сколько дней въ году. Прочитывай всякій вечеръ одно изъ сихъ правоученій, спрашивай самъ себя, исполнилъ ли ты въ продолженіе дня то, что оно содержитъ, и пусть совѣсть твоя надиктуешь тебѣ ошвышь, пиши его на бѣленькомъ листочкѣ и спарайся не пропускать безъ того ни одного дня. Дашь ли ты мнѣ въ этомъ обѣщаніе, милый Юлій?“ прибавила она, съ нѣжностію меня обнимая. — Я былъ спроганъ ея ласками, и со слезами обѣщався исполнять ея пребываніе. Выслушавъ мои слова, она вскочила и съ поспѣшностію меня оставила; я было побѣждалъ за нею, но напрасно; она вмигъ исчезла за деревьями. — Чрезъ нѣсколько минутъ, услышавъ я въ лѣсу звукъ почтового рожка и стукъ повозки: чувствѣ сказало мнѣ, что въ ней побѣжала незнакомка,

и въ самомъ дѣлѣ, я съ шѣхъ поръ не видѣлъ ее. Прежде я много посковаля объ ней, но попомъ ушѣшился; однако и до нынѣ еще помню ту, которая ласкала меня съ материнскою нѣжностію и научила цѣнишь сладосныя чувства симпатіи, ибо я въ самомъ дѣлѣ полюбилъ ее опъ всего сердца.

Я молчалъ о семъ приключеніи и ни-кто не зналъ, что я еще разъ видѣлся съ незнакомкою. Ночью, подарокъ ея былъ у меня подъ подушкою, днемъ на груди моей, и сія драгоценная книжка хранилась мною и въ училищѣ, куда Герцогъ, вспомнивъ послѣ того вскорѣ о заслугахъ отца моего, велѣлъ помѣстить меня. Часно я забывалъ прочитывавъ нравоучительныя толкованія; но часно также одинъ взоръ, обращаемый мною на розовую книжку, напоминалъ мнѣ добрую незнакомку съ обѣщаніемъ, ей даннымъ, и укрощавъ порывы пылкаго, упорнаго моего характера. Кто можешь изъяснить, какими пушиями небо ведетъ къ добродѣтели сердце человеческое? Безъ сего приключенія, по видимому ничего не значущаго, я былъ бы, можешь спашься, самымъ порочнымъ человекомъ. Никогда не рассказывалъ я тебѣ о помѣ, Феликсъ, попому что удовольствія, которыми я наслаждался съ тобою, не оспавляли мнѣ времени воспоминашь о дѣшнѣвъ

моемъ и о сей незнакомкѣ; но здѣсь, въ этой пустынь, при видѣ невиннаго спрадальца, угнетеннаго жестокостію себя подобнаго, при видѣ всего, что есть ужаснѣйшаго въ сердцѣ человѣческомъ, я спрашусь сдѣлаться совершеннымъ мизантропомъ, а потому хочу и долженъ вспоминать о сей женщи-нѣ, которая, какъ ангелъ небесный, явилась предо мною, вѣроятно для того, чтобы укрѣпить меня на пути добродѣтели.

При чтеніи сихъ спрочъ, ты конечно скажешь, что въ уединеніи обыкновенно уже слишкомъ много занимающа собою; но право, теперь я ни мало не думаю о себѣ самомъ.

Нѣтъ, онъ не безъ ума, не бѣшеный, и я понять не могу, почему его такъ называюшь. Я опять его видѣлъ, говорилъ съ нимъ; это было въ прекрасный вечеръ Февраля мѣсяца, когда уже начинаешь чувствовать приближеніе весны; нѣсколько разъ покушался я отправиться для прогулки въ горы, но еще ни однажды не рѣшился исполнить сего желанія: мнѣ жаль было огорчить моего плѣнника, напомнивъ ему о томъ, чѣмъ онъ не можешь наслаждаться; а потому и на сей разъ я довольствовался только шѣмъ, что сошелъ на шеррасу и прохаживался вокругъ стѣнъ. Вдругъ яв-

ляется Принцъ, въ сопровожденіи смотрителя замка и двухъ служителей; встрѣча со мною удивила его; безъ всякаго вниманія, даже съ гордостію, поклонился онъ мнѣ: но это было невольное и даже весьма естественное движеніе при видѣ того, кто былъ орудіемъ жестокой власти; вскорѣ добра-та души побѣдила сіе чувство; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ ласково: „какъ мнѣ жаль васъ, бѣдный молодой человекъ! Въ ваши лѣта непримично жить въ такомъ уединеніи: тому, кто еще можешь чувствовать цѣну жизни и ея удовольствія, тому должно бытъ здѣсь очень грустно . . . „Ахъ, Принцъ“ оцѣвчалъ я въ умиленіи: „я былъ бы настоящимъ эгоистомъ, существо презрѣнія достойное, когда бы, находясь здѣсь, помышлялъ только о самомъ себѣ и о наслажденіяхъ, которыми не могу быть пользоваться!“ Разговаривая такимъ образомъ, мы возвратились на шеррасу. Я взглянулъ на Принца; онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на меня и дрожащимъ голосомъ спросилъ о моемъ имени. „Юлій, сынъ Генерала Винфельда“ повторилъ онъ нѣсколько разъ, когда я назвалъ себя: „но мнѣ помнишь, у него не было дѣтей; а сколько вамъ лѣтъ?“ — „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ исполнится двадцать одинъ годъ,“ оцѣвчалъ я, съ смущеніемъ произнося сечь

лѣтъ, сославляющихъ время его заключенія. — „Двадцать одинъ годъ? Ахъ, съ этого времени я ни о чемъ уже не могу знать! Васъ зовутъ Юліемъ, не шакъ ли? Сила воспоминаній,“ продолжалъ онъ: „служить неоспоримымъ доказательствомъ, что душа человѣческая безсмертна, пошому что и самое время не дѣлаешь никакого вліянія на нравственное бытіе наше. Воображеніе приводитъ мнѣ на память всѣ прежнія мои связи столь живо, какъ будто бы онъ еще существовали. Я знавалъ вашихъ родныхъ, часно видалъ вашего бапюшку,“ сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: „и шакъ просните моему любопытству, и скажите мнѣ, живы ли ваши родители?“

„Нѣтъ, Милостивый Государь, я лишился ихъ еще въ дѣтствѣ: мнѣ было пять лѣтъ, когда бапюшку убили на сраженіи; а чрезъ три года скончалась и мапушка, въ Англїи, куда поѣхала она съ Принцессою, вашей сесприцею.“

„Въ Англїи! съ моею сесприцею!“ повторилъ онъ. При сихъ словахъ черты лица его измѣнились и показывали что-то мрачное, похожее въ самомъ дѣлѣ на сумасшествіе. „Такъ, почно шакъ! Жалкій сирота!“ прибавилъ онъ, простирая ко мнѣ руку. Я схватилъ ее, Феликсъ, и съ сердеч-

нымъ чувствомъ прижалъ къ губамъ моимъ. „Прощайте,“ сказалъ мнѣ тогда Принцъ: „прощайте Юліи, я васъ задержалъ... можетъ быть вамъ это непріятно...“ Онъ пошелъ. — „Ахъ! Принцъ,“ вскричалъ я распроганный его словами, голосомъ, а всего болѣе мыслію о его спраданіяхъ: „будьте увѣрены, что первое мое желаніе есть по, чтобъ доказать вамъ, сколь дорого цѣню я ваше сообщество. Яочень желалъ васъ видѣть, но меня увѣрили, что Ваше Высочество никого не принимаетъ.“ Принцъ горько улыбнулся. — „Вамъ и еще что нибудь скажущъ,“ возразилъ онъ очень тихо, ибо смонришель замка приближался къ намъ въ сіе время, „не спанемъ теперь говорить объ этомъ. Прощайте, Юліи!“ И крѣпко пожавъ мою руку, скорыми шагами пошелъ онъ къ себѣ. Съ часъ уже слушаю я, какъ онъ играетъ на флейтѣ: какая нѣжная, прогашельная мелодія! Нѣтъ, Феликсъ, звуки сіи не доказывающъ разспроенной головы: они суть вопли сердца, расперзаннаго печалію! Но что означать смущеніе, являвшееся на лицѣ его всякій разъ, когда онъ называлъ меня по имени? Неужели это дѣйствіе воображенія, возмущеннаго какимъ нибудь воспоминаніемъ? Можетъ быть, кто нибудь изъ друзей его назывался Юліемъ? Онъ съ умиленіемъ про-

износишь это имя!... Завтра я его увижу! и — если он пожелаешь, по, никогда, никогда уже не оставлю его, посвящу ему сердце и самую жизнь мою! Нѣжная симпатія, кошорая кажется мнѣ взаимною, влечешь меня къ Принцу.

Проклятый смошришель замка! Ни одной минушы не могли мы съ Принцем побыть на единѣ: или онъ, или кошорый нибудь изъ двухъ служителей, вѣроятно подученныхъ, безпрестанно шорчатъ при насъ въ комнашѣ. Неужели сей церберъ завидуешь здополучному пѣвнику въ ушнении — пользоваться общесивомъ кого нибудь другаго, кромѣ самого его? Я не обязанъ предъ нимъ унижаться и, вопреки его возраженіямъ, уничтожилъ двойную спражу. Вчера, Феликсъ, былъ я у Принца. Онъ принялъ меня въ своей комнашѣ, ошкуда видна рѣка. У стѣны стоятъ два большіе шкафа со стеклами. Въ одномъ книги, а въ другомъ охотничьи ружья. Нѣсколько кѣшочекъ съ разными пищаами и одна съ прекраснѣйшимъ попугаемъ, разсхавлены по окнамъ. Принцъ сидѣлъ на софѣ; у ногъ его лежала борзая собака; предъ софою стоишь большой столъ, на кошоромъ видѣлъ я бумаги, перья, книги, почешные знаки его званія, сухіе цѣвшы, чернильницу, флейшу, и — что меня весьма

удивило, даже ужаснуло, женскую полумаску изъ чернаго бархату. Всѣ эштѣ вещи были въ безпорядкѣ разбросаны по столу.

„Не правда ли, Юлій,“ сказала мнѣ Принцъ всшавая: „что шюрма моя не шакъ печальна, какъ вы, можешъ бышь, воображали? воспоминанія мои со мною: никто не можешъ лишишь меня сей ошрады!“ — Говоря это, онъ сѣлъ на софу и предложилъ мнѣ кресла, возлъ стоявшія. Старая, вѣрная собака проснулась, посмошрѣла на меня, попомъ начала лизать руки своего господина, какъ будпо бы хотѣла сказать, что она знаетъ шолько одного его, и вскорѣ опять заснула. Принцъ погладилъ ее и сказалъ съ нѣжноспію; „Поллуксъ и на войнѣ и на охотѣ доказывалъ мнѣ свою привязанность: провидніе сохраняешь его для меня долѣе, нежели сколько обыкновенно продолжается жизнь сихъ шварей; но, кажется, онъ скоро уже меня оставишь: о, какъ горько мнѣ будеть, если жизнь его окончится прежде моей!..“ Взоръ его съ горестію усшремился на собаку и, казалось, говорилъ: „кто будеть любишь меня послѣ швоей смерти?“ О! если бы въ сію минушу, онъ могъ чисташъ въ душѣ моей, по ясно бы увидѣлъ, что и послѣ смерти Поллукса, у него еще останеться другъ, сердечно ему преданный!

Въ самую эту минушу попугай закричалъ: прости, прости! прощай, прощай!.... „Посмотрите,“ возразилъ Принцъ, улыбаясь: „онъ какъ будто угадалъ мои мысли и опъвѣчаешь на нихъ; и это не рѣдко съ нимъ случается. Право, его разговоры предпочтительнѣе для меня шѣхъ, которые всегда почти означаютъ пустошу головы и сердца.“

Между тѣмъ я находился въ чрезвычайномъ волненіи, и голова была, если бы не удерживало меня присутствіе угрюмаго смотрителя, бросишься къ ногамъ Принца и скажешь ему о живѣйшемъ участіи, какое принимаю я въ его положеніи. Вѣроятно, онъ примѣнилъ изъ лица моего внутреннее движеніе, пошому что немедленно переѣннилъ разговоръ и началъ спрашивать меня о разныхъ незначительныхъ предметахъ, между прочимъ: люблю ли я охоту и почему не пользуюсь здѣсь этимъ удовольствіемъ? Я спарался опъвѣчать ему хладнокровно и, по возможности, довольно скрывалъ свои чувства; но когда онъ подвелъ меня къ шкафу, и показывая разныя ружья, началъ говорить мнѣ о прежней своей спраски къ охотѣ, и о томъ, какъ весело до его заключенія проходило для всѣхъ время въ этомъ замкѣ, тогда я не могъ болѣе владѣть собою, залился слезами,

схватилъ его руку, хотѣлъ прижать ее къ губамъ моимъ и невольно произнесъ: „а шеперь, о Боже! вы ничѣмъ уже не наслаждаетесь!“ Онъ закрылъ мнѣ легонько ротъ рукою; въ эту минушу подошелъ къ намъ смотритель замка, но увидѣвъ, что мы разсматривали ружья, удалился, приказавъ одному изъ служителей стоять у дверей, именно шому угрюмому существу, которое приходило всякій день въ мою комнату разводитъ огонь въ каминѣ и никогда не опъвѣчало мнѣ на разныя мои вопросы. Раздраженный его молчаніемъ, я давно уже не говорилъ съ нимъ ни слова, а въ эти минушы, присутствіе его было для меня почти нестерпимо. Принцъ взглянулъ на него, пошомъ взялъ ружье и, какъ будто говоря о немъ, сказалъ: „этошъ не можешь измѣнить намъ; онъ глухъ и немъ; хищрый смотритель съ намбреніемъ держитъ его у себя; онъ нуженъ ему для исполненія разныхъ тайныхъ порученій; примите видъ равнодушія и не смотрите на меня. Дайте мнѣ воспользоваться сими минушами, любезный Юлій, и скажешь вамъ, что я опъ всего сердца полюбилъ васъ; вижу, сколько участие моя васъ прогаешь... Выбравъ васъ, брашь мой обманулъ; вы совсѣмъ неспособны для должности, вамъ порученной; но, прошу

вась, спарайшесь какъ можно скрываетъ свои чувства: ваша ко мнѣ приверженность можешь погубить насъ обоихъ.“ При сихъ послѣднихъ словахъ, я запренесала и пощупила глаза. Принцъ, видя, что не умѣю прищворяться, подошелъ къ окну, оборотился ко мнѣ, и шакимъ образомъ нѣмому служителью не льзя было видѣть лица моего. — Послѣ того онъ долго молчалъ, смотрѣлъ на меня, и пошомъ съ прищворнымъ равнодушіемъ сказалъ: „сколько разъ встрѣчалъ я смернь на моряхъ и въ сраженіяхъ, а все еще существую!... Но что значать ужасы войны и бури морскія прощиву волненія спрасшей!... Съ какою силою чувствовала поперемѣнно любовь и ненависть!.. Сколько мученій прешерпѣлъ, бывъ жершвою измѣны, жестокости, коварства!... Только среди сихъ стѣнъ обрѣлъ я наконецъ спокойствіе, и нынѣ живу въ мѣрѣ съ самимъ собою. Я всемъ просшилъ, и надѣюсь,“ прибавилъ онъ, обращая взоры къ небу, “надѣюсь и самъ получишь нѣкогда прощеніе. Правда, я заслужилъ названіе преступника; но — послѣ всѣхъ моихъ спраданій, не теряю надежды на милосердіе Божіе!“ Онъ замолчалъ и чрезъ нѣсколько минушь продолжалъ уже гораздо спокойнѣе: „Юлій, непонятная сила влеченья меня къ вамъ: будьте увѣрены,

что нынѣ, если бы я и могъ убѣждать опшчюда, но никакъ не рѣшился бы оставишь это жилище. Свѣнъ давно уже для меня не существуешь; въ немъ нѣтъ ничего, для меня любезнаго: все то, что я люблю, и что ко мнѣ привязано, находится со мною.„ При сихъ словахъ онъ съ нѣжностью взглянулъ на меня, пошомъ на собаку и на птиць. Взоры его, на меня усшремленные, любезный Феликсъ, показывали какое-то нѣжное чувство, копорато я шебъ изьяснишь не умѣю. Ахъ! сколь много люблю я и уважаю несчастнаго Принца!... Гошовъ посвящилъ ему всю жизнь мою, если бѣ шолько могъ свободно выдаться съ нимъ, ушѣшашъ его и наконецъ получишь его довѣренность! Никогда еще въ жизни моей не ощущалъ я ни къ кому шакого сильнаго влеченія, какъ къ сему злополучному... Но это не ешь сила дружбы, Феликсъ: чувство сіе соединяетъ меня съ шобою! Привязанность моя къ Принцу Карлу совсѣмъ другаго рода: она соединена съ почшеніемъ, удивленіемъ, соспраданіемъ и желаніемъ бышь ему въ чемъ нибудь полезнымъ. Я не смѣю назвать себя его другомъ; и льша мои и званіе лишають меня правъ на сіе имя; но я увѣренъ, что сердца наши соединены сладостною, взаимною симпатією. Иногда мнѣ кажется, что

онъ какъ будто желаетъ побѣднть чувство, ко мнѣ его влекущее; вздыхаетъ, старается ошврапнть ошъ меня взоры свои, и вскорѣ ошпашъ обращая ихъ на меня съ чрезвычайною нѣжносшю, по видимому борешся съ какимъ-шо пршпнымъ и вмѣснѣ горешнымъ воспомнанемъ. Можешъ бышъ ему хопьлось бы расказыть мнѣ испоршю бѣдственной жизни своей и даже опкрышъ преступленше, въ кошоромъ онъ себя упрекаетъ; но, вѣрояшно, молодосшь моя и порученная мнѣ должносшь удержнваюшъ его ошъ сего намѣренш. *Прешупленше!* Ужасное слово! Зачѣмъ онъ пропзнесъ его, зачѣмъ я его услышалъ! Онъ самъ обвиняетъ себя имъ и благодарншъ Провидѣнше, что Оно, удаливъ его ошъ свѣша, привело къ раскаяншю... Ахъ! всѣ чувства мои въ ужасномъ смяшенш.... Но какое прешупленше могла сдѣлать вша крошкая, ангельская душа?..

Онъ нездоровъ, и сего дня меня не прннл. Я и самъ болѣнъ: воздухъ здѣсь весьма для меня вреденъ. Я намѣренъ когда ншбудь пошпру опсправншься въ лѣсъ. Мнѣ нужно движенше: можешъ бышъ прогулка разсвѣшетъ грусть мою. Сердце мое спрадаешъ, но кто же на землѣ можешъ радовашся? Ахъ, и Принцъ несчастливъ!...

Нѣмой прнходнлъ ко мнѣ по обыкновешю, запоннш камнш: взглянувъ на него, я вспомннлъ о подобныхъ невольннкахъ въ Турщш, на кошорыхъ возлагаюшъ ужасныя порученш, и невольно содрогнулся. Однако мнѣ должно было загладнш предъ нимъ вину мою: я считалъ его грубнномъ, шогда, какъ онъ и со всею доброю волею не могъ ошвѣчать мнѣ. Я ласково смошрѣлъ на него, онъ улыбался; я предложнлъ ему червонецъ; онъ радосшно посмашрнвалъ на золото, но не рѣшнлся взять его, и, какъ будто размышляя объ услугѣ, какую могушъ ошъ него за шо пошребовашъ, съ сосшрданемъ взглянулъ на окна комнашы Принцевой, изъявля мнѣ знаками, что въ сешъ случаѣ ннчего не можешъ сдѣлать. Я съ своей спороны спарался увѣрнш его, что этого и не шребую: шогда, взявшн червонецъ, онъ низко поклоннлся мнѣ и вышелъ изъ комнашы. — Эшошъ человекъ очень дуренъ собою, но видъ его не показываешъ злосши; можешъ спашся, со временемъ, услуги его будушъ мнѣ нужны.

Какъ я не могу видѣть сего дня любезнаго арешанша, шо и хочу немедленно опсправншься въ лѣсъ.

*Посль прогулки.*

Богъ знаешь, гдѣ я былъ! Другой предметъ, заслуживающій участіе не менѣе Принца, занимаетъ шеперь мои мысли.

Приблизясь къ лѣсу, я повѣхалъ по первой дорожкѣ, шуда ведущей. Спранно, что судьба безпрестанно являетъ мнѣ что нибудь таинственное. Нѣсколько времени ѣздилъ я по лѣсу, и однако не шерялъ изъ виду моего жилища, какъ вдругъ сквозь вѣтви елей, примѣчаю зданіе, совсѣмъ почти развалившееся. Я прищпорилъ лошадь и вмгъ очутился у большихъ ворошь. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, живешъ ли кто въ эпомъ замкѣ. Дворъ былъ совершенно пустъ; вороша запершы; я старался разсмотрѣть на нихъ гербъ; какъ вдругъ, сквозь рѣшешку забора, вижу: отворилась дверь, и мальчикъ свелъ съ крыльца какую-то женщину. Они подошли къ ворошамъ, и пока ошипали ихъ, я очень могъ разсмотрѣть незнакомку, и увидѣлъ, что она была уже не молодыхъ лѣтъ, имѣла величественную осанку и пріятное лице, на кошоромъ примѣшны были слѣды грусти. Мальчикъ, кошорый велъ ее, шепнулъ ей что-то на ухо; шущъ прекрасные голубые глаза неизвѣстной дамы начали обращать на всѣ спо-

роны, какъ будто бы кого искали, и я пошчасъ понялъ, что она слѣпа. Мнѣ стало жаль ее. Воображеніе вмгъ перенесло меня въ прошедшее и образъ доброй незнакомки, подарившей меня розовою книжкою, явился предо мною: мнѣ показалось, что черты лица слѣпой дамы имѣли сходство съ шюю, кошорая, нѣкогда, ласками своими поселила въ сердцѣ моемъ весьма нѣжныя чувшва. Мысль сія неволью занимала меня; въ эту минушу слѣпая незнакомка, съ юнымъ проводникомъ, вышли изъ ворошь и направили пушь къ горамъ. Когда они проходили мимо меня, мальчикъ оиашъ что-то шепнулъ ей, она улыбнулась и — эпа улыбка напечатлѣлась въ душѣ моей. Я было хотѣлъ за нею послѣдовать, но она пошла шакою пропункою, по кошорой на лошади невозможно было пробѣхашъ. Я оиашъ возвратился къ замку, въ надеждѣ увидѣть кого нибудь изъ людей и распросить о слѣпой дамѣ, но никпо не повешрѣчался со мною. Около часа прошло въ шщешномъ ожиданіи; шущъ я оиашъ увидѣлъ незнакомку, возвращающуюся съ прогулки, но она уже не улыбалась, а горько плакала и оширала плашкомъ глаза свои; слезы ея меня шерзали: уже я намѣревался сойти съ лошади, подойши къ ней и распросить ее о причинѣ печали, но

мальчикъ, когда ввель ее въ воропа, немедленно заперъ ихъ снушри. Намѣреніе мое оспалось невыполненнымъ и, можешь бышь, къ счастью: чѣмъ бы извинишь мнѣ послѣ свое любопытство и нескромность? — Воспоминаніемъ дѣшества? — Но могло ли оно послужить доспапочною причиною къ моему оправданію?

Я повхаль домой шагомъ, и дорогою размышляль о слѣпой незнакомкѣ. Кпо она шакова? Для чего жила въ шакомъ пущомъ мѣстѣ? Зачѣмъ ходила въ горы? Ошправляя въ пущь, видь ея показываль веселіе, и опъ чего же, возвращаясь опшуда, проливала она слезы? Мысли сіи попеременно занимали меня; погрузясь въ нихъ, я вспрѣпилъ одного молодаго охошника. „Не можешь ли, другъ мой,“ спросилъ я его: „скажашь, кпо живешь въ эшѣхъ развалинахъ?“

„Какая-шо Англичанка,“ опшѣчалъ охошникъ. „Она слѣпа, но говоряшь, что эшо еще недавно, а прежде, когда она здѣсь поселилась, глаза ея шолько болѣли. Она очень привыкла къ здѣшнимъ мѣстамъ, всѣ дороги ей извѣсны, но по причинѣ слѣпошы, не можешь ходишь одна, и меньшей брапъш мой всегда ее провожаешь.“

— „Да не знаешь ли шы, какъ ее зовушь и ошкуда она?“

„Имя ея, сударь, я часто слыхаль, но оно шакое мудренное... я позабыль его, а прѣхала она конечно изъ Англїи, пошому что ее всегда называюшь Англичанкою.“

— „Говоришь ли она по-Нѣмецки?“

„Какъ нельзя лучше. А съ спарою прїапельницею своею она говоришь всегда по-Англїйски....“

— „Такъ она не одна живешь въ замкѣ?“ —

„Не одна. Ея прїапельница всегда съ нею, шолько не ходишь на горы: бѣдняжка не въ силахъ всходишь шакъ высоко, а слѣпая-шо барыня, и въ дождь и въ снѣгъ, всякій день шамъ бываешь, особливо по вечерамъ... Брапъш мой взведешь ее всегда на самую вершину; она шущь сядешь, да и слушаешь, какъ сумасшедшїй господинъ, заключенный въ Шарфшшейнъ, играешь на флейшѣ: она говоришь, что эша музыка ей очень прїапна. А когда флейшы не слышно, шо она запечалишся и возвращишся домой со слезами. Спранные люди эши Англичане! Но прощайше, сударь, мнѣ болѣе нѣчего скажашь вамъ.“

И все шаки я не узналь ничего, кромѣ шого, что въ развалинахъ обипаешь несчастное существо, кошораго звуки флейшы Принцевой прогаюшь шолько же, какъ

и меня. Англичанка! Это слово возобновляетъ воспоминанія моего младенчества, поселившіяся въ моемъ сердцѣ прежде еще, нежели я видѣлъ незнакомку, которая подарила мнѣ розовую книжку. Я помню какъ во снѣ, что мапушка моя получала иногда письма изъ Англіи, и читая ихъ, всегда проливала слезы; а когда я спрашивала ее, о чьихъ это письма и о чемъ она плачетъ, то всегда получала въ отвѣтъ, что письма о чьихъ прекрасной моей пешушки, а слезы о томъ, что эта пешушка несчастлива. И когда я снова спрашивала мапушку, почему называла она хорошенькую пешушку мою несчастливою, то причиною тому показывались ей бользни. Я не понималъ и не могъ понять, кто такая была прекрасная моя пешушка, но часто объ ней думалъ и всякій день молился за нее, по приказанію мапушки. Когда сія послѣдняя увѣжала въ Англію съ молодою Принцессою, то я проспалъ ее кланяясь о чьихъ меня прекрасной и несчастливой моей пешушкѣ. Признаюсь, что съ этимъ отвѣдомъ я пересталъ думать о пешушкѣ; но самъ не понимаю, о чьихъ, увидя слѣдную незнакомку, невольно о ней вспомнилъ. Жива ли она еще, или уже нѣтъ, я этого не знаю, но знаю только

то, что теперь, думая о слѣдной Англичанкѣ, не могу не помышлять вмѣстѣ и о ней.

Всю ночь думалъ я о слѣдной незнакомкѣ и о Принцѣ. Мнѣ кажется, что какая-то шайная, чудесная симпатія соединяетъ души сихъ несчастныхъ. Извѣстна ли она Принцу? Знаешь ли онъ, что она всякій вечеръ ходитъ слушать игру его на флейтѣ? Конечно нѣтъ; иначе онъ старался бы каждый вечеръ доставлять ей эту единственную охоту.

Увы, она и сегодня не услышитъ горестной мелодіи, ее упѣвающей!... Опять будетъ грустить и обливаться слезами!... Принцъ очень больно; щедро просилъ и смотрителя замка допустить меня къ нему: онъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ томъ. Право, это челоуѣкъ скоро заставитъ меня потерять шерстяныя. Нѣмой наблюдаетъ все шаги мои и безпрестанно смотритъ мнѣ въ глаза; не знаю, по приказанію ли смотрителя онъ такъ меня преслѣдуетъ, или желаетъ сообщить мнѣ что нибудь важное? Сегодня по упру, запивши каминь, онъ подошелъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, смотря на окна Принцовой комнаты, показывалъ знаками, какъ будто бы

кто роется въ землѣ, и попомъ, взявши дорожный мой ларчикъ, поставилъ его на полъ. Чшо такое хотѣлъ онъ изъяснить мнѣ? Неужели смерть и погребеніе Принца? Мнѣ шакъ горько спало.... Я было подаю ему перо, но онъ не умѣетъ писать. Съ сей минутой болѣзнь Принца огорчаешь и шревожишь меня еще болѣе. Я непременно хочу его видѣть и, въ случаѣ нужды, позвать Доктора. Если же смошришеть вздумаетъ опять отказать мнѣ, то я намѣренъ употребить власть. Въ повелѣніи Герцога именно сказано объ эшомъ.

Онъ самъ виноватъ. Ты конечно понимаешь, что я говорю о смошришеть замка. Мнѣ нѣчего было дѣлать. По моему приказанію, онъ подѣ спражею. Теперь послышу къ Принцу; можешь быть сего дня же все узнаю....

Наконецъ паншомими нѣмаго объяснились. Комнашу смошришети счель я не слишкомъ надежною и велѣлъ опвесить его въ башню. Нѣмой, казалось, шому обрадовался и, взявъ меня за руку, привелъ въ его жилище. Тогда, приблизясь къ одной споронѣ комнашы, началъ онъ спучать ногами по полу; я поднялъ доску на эшомъ мѣстѣ,

и увидѣлъ ларчикъ, кошорый легкостыкъ своею доказывалъ, что въ немъ находящіяся не деньги. Поставивъ ларчикъ на столъ, я началъ размышлять, нести ли мнѣ его немедленно къ Принцу, или узнать прежде, что въ немъ шакое? Опасаясь затрудненія и совѣстности Принца, я рѣшился на послѣднее. Открываю ларчикъ, нахожу письмо и еще разныя бумаги съ надписью:

„Принцу Карлу. Вручитьъ въ смертный часъ его, или послѣ смерти Владѣтельнаго „Герцога.“

Схвативъ бумаги, я пошелъ къ Принцу, и нашелъ его лежащимъ въ постель. „Ваше Высочество,“ вскричалъ я: „эши бумаги принадлежатъ вамъ!“

Принцъ взглянулъ на надпись, и блѣдныя щеки его покрылись румянцемъ. „Не умеръ ли братъ мой,“ спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ: „или болѣзнь мою считаешь опасною?“

— „О нѣтъ, Принцъ,“ отвѣчалъ я, и шотчасъ рассказалъ ему обо всемъ случившемся. „О Провидѣніе!“ вскричалъ онъ, привставши и обращая глаза къ небу. Но попомъ, снявъ обершку и взглянувъ на бумаги, въ ней находившіяся, вскричалъ: „возмите, возьмите эши бумаги, бросьте ихъ, сожгите, оставьте меня умереть, не оп-

крывая никому того, что должен и хочу позабыть!... Благодарю васъ, Юлій, за вашу приверженность, но, вы не можете знать, какое мучение причиняете мнѣ ея!...“ И при сихъ словахъ онъ почти безъ чувствъ упалъ на подушки.

„Что вы говорите, Принцъ,“ возразилъ я, падая на колѣни возлѣ его кровати: „нѣтъ, нѣтъ, вы непременно должны прочесть бумаги, онѣ конечно содержатъ что нибудь важное. Зачемъ же было бы читать ихъ такимъ образомъ? Какой-то тайный голосъ говоришь мнѣ, что чтение ихъ будетъ вамъ очень утѣшительно. Я не возьму ихъ, дражайшій Принцъ, пока вы не прочтете.“

Казалось, Принцъ былъ въ недоумѣніи и боролся самъ съ собою; но потомъ, съ пріятною улыбкою, швердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, возразилъ: „мнѣ трудно отказать тебѣ, юный другъ мой; непріятно мнѣ и то, что швое ко мнѣ усердіе останется бесполезнымъ; но право, я боюсь, чтобы это чтение не возбудило во мнѣ прежнихъ мученій, ненависти, которую наконецъ побѣдилъ я... Невольно долженъ буду я вспомнить злобу, измену, несправедливость...“

— „Можешь быть вы были въ заблужденіи,“ прервалъ я: „можешь быть, бумаги эти опкроютъ вамъ истину и примирятъ васъ съ шѣми, которыхъ считали вы виновными!...“

„Что за существо,“ вскричалъ Принцъ: „говорящее со мною такимъ образомъ? Твой видъ съ первой минуты лишилъ меня спокойствія, которыхъ начиналъ было я наслаждаться: ахъ, сколько воспоминаній пробудилось тогда въ душѣ моей!...“

— „Можешь спашься, Принцъ,“ отвѣчала я: „самъ Богъ призвалъ меня сюда, чтобы я служилъ орудіемъ къ облегченію вашей участи!...“

„Молодой человекъ! можешь ли ты проникать въ глубину судебъ Божіихъ!... Но Его воля продолжающа мои спраданія; но, — слава Его милосердію! сердце мое очистилося ими: на что же мнѣ добровольно возвращаться къ пресупленію?... Если эти бумаги, какъ я уже сказала, должны возжечь снова искру ненависти, едва шолько пошущую въ душѣ моей, то не лучше ли вовсе не читать ихъ?“

— „Нѣтъ, Принцъ,“ вскричалъ я съ шакою смѣлостію, которая самого меня удивила: „нѣтъ, это не есть искушеніе: десница Божія ведетъ насъ къ опкрытію

испины! — Не по Его ли опредѣленію посланъ я сюда, чѣшбы опкрышь шайну, извѣсность кошорой легко можешь прекрашишь ваши мученія?...“ Принцъ молчалъ и казалось удивлялся словамъ моимъ. „Юлій,“ сказалъ онъ спуся нѣсколько минушь, „вамъ извѣсно, чѣо я былъ въ сумасшествіи, кошорое доходило до бѣшенства: боюсь, чѣшбы эти бумаги не возобновили ужаснаго моего положенія... Нѣшь, нѣшь, лучше оставашься въ неизвѣсности...“

— „Вѣрше, Принцъ,“ возразилъ я: „чѣо если бы онъ содержали чѣо нибудь шакое, чѣо могло бы сдѣлашь васъ еще несчастнѣе, шо давно бы уже ихъ вамъ вручили; но нѣшь, предчувствіе говоришь мнѣ, чѣо чшеніе оныхъ дославиль вамъ неожиданное упѣшеніе.“

Онъ печально покачалъ головою, и однако принялся за бумаги. „Ахъ! молодой человекъ,“ сказалъ онъ шихо: „шы не понимаешь, не можешь вообразить себѣ, на чѣо заславляешь меня рѣшиться!...“

Онъ взялъ пакешъ, взглянулъ на печать и, вскричавъ: „опъ брата!“ вмгъ сорвалъ ее. Въ продолженіе чшенія, глаза его сверкали и цвѣшь лица нѣсколько разъ перемѣнялся. „Возьми его, Юлій,“ вскричалъ онъ, подавая мнѣ письмо: „прочши, но, ради Бога,

удались: я хочу бышь одинъ. Жалѣй, жалѣй о шомъ, кшо двадцашъ одинъ годъ былъ жершвою обмана! О, Юлія! какъ я виновень предъ шобою!... И я могъ починашь себя вѣроломною!...“ Онъ замолчалъ и указывалъ мнѣ на дверь. Я повиновался. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его шребовало уединенія.

Я слыхалъ о Графинѣ Юліи Блендгеймъ, бывшей Спасшь-Дамою Герцогини. Оба брата влюбились въ нее, и спрасшь сія была причиною ихъ вражды и сумасшествія Принца Карла, кошорому, говоряшь, она измѣнила. Нѣкошорыя слова злополучнаго арестанта еще болѣе убѣдили меня въ эшомъ. Я зналъ, чѣо любовь содѣлала его бѣдствіе, и сильно негодовалъ на Юлію, вѣрояшно давно уже несуществующую, какъ на женщину вѣроломную, бывшую главнѣйшею причиною всѣхъ несчастій Принца. Но нѣшь, я, шакже какъ и онъ, находился въ заблужденіи. Прочши письмо брата его, и шогда шы узнаешь, какого злоумышленія былъ онъ жершвою. Теперь неоспоримыя доказательства невинности шой, кошорую Принцъ любилъ шполъ нѣжно, находашься въ рукахъ его, и конечно послужашъ бальзамомъ для сердечныхъ его ранъ. Но какъ же можно не возненавидѣшь ему еще болѣе сего

жестокато брата, который оставлял его помышлять споль долгое время во мракъ неизвѣстности, и хотѣлъ опкрышь истину только тогда, когда жертва его находилась бы уже при вратахъ смерти?

„Владѣтельный Герцогъ къ Принцу Карлу.

„Мишуа, въ кошорую ты будешь чисташь сіи спроки, должна прекратишь всякую горешь, всѣ полезныя покушенія и даже самую вражду. Ты хотѣлъ лишишь меня жизни, я ошнйялъ у тебя свободу; мы квинши: перестанемъ же ненавидѣшь другъ друга! Я не хочу, чшобы у престола Вѣчной Истины ты подозрѣвалъ невинность и обвинялъ швоего брата въ томъ, чшо онъ допустилъ тебя умереть въ заблужденіи. Въ сію шоржешвенную минушу, я не могу уже ничего скрывать опъ тебя. Легковѣрный! Для чего попустилъ ты опусташь себя съшми обмана, оподозривъ сердце, кошорое исключительно тебѣ принадлежало?... Ревность ослѣпила тебя: ты не хотѣлъ внимашь шѣмъ, кошорые могли объяснить тебѣ истину, и вѣрилъ людямъ, издѣвавшимся надъ швоею простотою. Твой разсудокъ повергла въ заблужденіе —

„любовь; а мой — зашмиль духъ мщенія!... Я былъ презираемъ, опвергнушь пою, кошорую обожалъ еще прежде, нежели она тебя узнала; тебя, кошорато полюбила она съ первой минушы свиданія, тебя — шо и возненавидѣлъ я всей душою! Ты не могъ подозрѣвать меня въ этомъ! Повѣрь мнѣ, Карль, чшо я спрадалъ болѣе, нежели самъ ты! По крайней мѣрѣ ты былъ любимъ ею, а меня она ненавидѣла и гнушалась мною: суди о моемъ несчастіи, о моемъ бшшенствѣ, когда я скажу тебѣ, чшо ни ласки, ни угрозы, ни самое предложеніе брака не могли поколебать постоянства швоей Юліи: она оставила дворъ, сподицу, можешь бышь давно лишилась жизни; и — все это для шого, чшобы пребышь тебѣ вѣрною!...

„Ты легко можешь понять, чшо политическія соотношенія наши не дозволяли мнѣ опкрышь тебѣ истину, прежде насупленія минушы, въ кошорую кто нибудь изъ насъ долженъ будешь распашься съ жизнью. Я не хотѣлъ, чшобы мы явили собою зрѣлище враждующихъ брашьевь: это легко бы могло сдѣлаться опаснымъ для блага общешвеннаго. Спокойствіе, польза моего Государства шребовали жертвы: одинъ изъ насъ долженъ былъ умереть; при-

„знайся, могъ ли бы ты, будучи на моемъ  
 „мѣстѣ, уступилъ добровольно власть и  
 „правленіе надъ Государшвомъ кому нибудь  
 „другому?... Согласился ли бы ты тогда  
 „уступить мнѣ Юлію?... Такъ, Карлъ,  
 „мое открытіе, мои желанія и пламенные  
 „чувства, равно снѣдающія сердца наши,  
 „дѣлали насъ непримиримыми врагами. Ни  
 „узы крови, ни честь нашихъ фамилій, ни  
 „страхъ политическій, не могли укропить  
 „нашей ненависти. — Чшо же оставалось  
 „дѣлать? Обманушь себя!... Ревность есть  
 „звѣрь, кошораго ядъ, изливаясь въ сердце,  
 „помрачаетъ и разумъ: ее умѣли возжечь  
 „въ груди швоей и обратишь къ собствен-  
 „ной швоей гибели; но я самъ чуюсь бы-  
 „ло не сдѣлался жершвою моихъ злоумысле-  
 „ній. Повѣривъ, чшо Юлія согласилась, изъ  
 „честоплюбія, на мое предложеніе, ты при-  
 „шелъ въ ужасное бѣшенство и едва было  
 „не лишилъ меня жизни; послѣ сего поку-  
 „шенія, ты самъ былъ бы осужденъ на смерть,  
 „если бы я прибѣгнулъ къ законамъ. Эша  
 „мысль приводила меня въ препенъ, и од-  
 „нако, послѣ сего намъ непременно уже дол-  
 „жно было разстаться; я рѣшился объя-  
 „вить себя сумасшедшимъ, и заключишь  
 „въ сей замокъ, бывъ увѣренъ, чшо ты ко-  
 „нечно не рѣшишься искашь средствъ для

„возвращенія себя свободы, ибо свѣтъ не  
 „являлъ себя уже ничего привлекательнаго.  
 „Теперь ты свободенъ! — забудемъ прошед-  
 „шее! — Юлія всегда хранила къ тебе чув-  
 „ство нѣжности: престоль, ошечество,  
 „родственниковъ, друзей, она все для себя  
 „оставила; скрылась, — и я съ шѣхъ поръ  
 „не видалъ ее. Опекунъ ея хотѣлъ было по-  
 „слать къ тебѣ ея записки послѣ швоего  
 „опѣззда въ замокъ Шарфштейнъ, но онъ  
 „попался въ мои руки. Я могъ бы узнать  
 „изъ нихъ всѣ помышленія сего нѣжнаго,  
 „чувствительнаго сердца; могъ бы, но не  
 „хотѣлъ, зная, чшо не въ силахъ буду рав-  
 „нодушно прочитывать изліяніе любви ея  
 „къ моему брату и ненависти ко мнѣ. И  
 „такъ не читавши сего журнала, я опдалъ  
 „его на сбереженіе швоему надзирателю, съ  
 „приказаніемъ вручить тебѣ не прежде,  
 „какъ въ минушу смерти кошораго нибудь  
 „изъ насъ. Если я умру прежде, ты, по  
 „праву, вступишь на престоль. Я уже все  
 „устроилъ, чшобъ сдѣлать въ шо время из-  
 „вѣстнымъ, какъ мгновенно было швое  
 „сумасшествіе. А если швоя кончина пред-  
 „упредишь мою, шо, умоляю не лишишь ме-  
 „ня прошенія, и самъ равно во всемъ себя  
 „прощаю. Забудемъ прошедшія заблужденія  
 „наши! Съ дѣлами спановимся мы разсуди-

„пелнѣ, и уже съ осмопрительностію  
„продолжаемъ пущь жизни до самой шой  
„минушы, въ кошорую свѣшь истинны, оза-  
„ряя салпошу нашу, являешъ намъ всѣ пред-  
„мешы въ настоящемъ ихъ видѣ: да укрь-  
„нишь шебя самъ Богъ на семь прудномъ  
„переходѣ!...

Брашь швой,  
*Герцогъ* \*\*\*.“

Феликсъ, любезный Феликсъ! на кого  
дѣлается похожъ человекъ, когда спрасни  
овладѣюшь его душею? Можешъ бышь, въ  
юности, сіи брашья были дружны между  
собою, но попомъ, какое ужасное пламя не-  
согласія возгорѣлось между ними!... И всему  
причиною любовь, спрасшь, кошорая дол-  
женствовала бы, казалось, возвышашъ ду-  
шу!... — Злополучный Принцъ! шеперь я  
понимаю, въ какомъ преступленіи шы себя  
обвиняешъ! въ покушеніи на брашоубій-  
ство!... Но двадцать одинъ годъ истинна-  
го, сердечнаго раскаянія, конечно уже загла-  
дили его предъ очами Безконечнаго Мило-  
сердія. Герцогъ, кажется мнѣ, гораздо винов-  
нѣ своего браша. Сколько времени проведъ  
онъ, услаждая духъ свой мщеніемъ и мыслію,  
что разлучилъ два сердца, кошорыя, безъ  
него, наслаждались бы совершеннымъ счастли-

емъ!... Сколько хитросостей, обмановъ и  
всѣхъ низкихъ удовокъ долженъ былъ онъ  
упошребишь, чшобы шого досшигнушь; и  
могъ ли, послѣ, бышь спокоенъ хоша на од-  
ну минушу? Злой духъ можешъ овладѣшь на  
нѣкошорое время человѣческойо душею и до-  
вести ее до ужаснѣйшихъ преступленій;  
но онъ не силенъ заглушишь въ ней на вѣ-  
ки угрызений совѣщи: сія послѣдняя, рано  
или поздно, непременно должна пробудишь-  
ся въ душѣ преступника: шерзая его, мстишь  
за угнетенную невинность и не рѣдко воз-  
вращаешъ спокойствіе и самому злодѣю,  
если онъ, внявъ гласу ея, прибѣгнешъ къ  
раскаянію. — Герцогъ не слышишь еще се-  
го гласа; однако же въ письмѣ къ Принцу  
онъ обѣщаешъ ему награду послѣ своей  
смерши, за все, имъ прешерпѣнное. Но, о  
Боже! переживешъ ли его сей несчастный?  
Вчера, цѣлый день проведъ я въ ужаснѣй-  
шемъ безпокойствѣ. Принцъ заперся въ  
своей комнашѣ: нѣсколько разъ подходилъ я  
къ двери, но все понапрасну. Ахъ, Феликсъ,  
если его сердце, ослабѣвшее опъ горести,  
не перенесешъ сихъ движеній?... Если...  
Но — меня зовушь къ нему, я лечу!...

Въ сильномъ волненіи вѣжалъ я къ не-  
му въ комнашу. Онъ взглянулъ на меня и

улыбнулся. „Успокойся, милый Юлій,“ сказала онъ ласково: „ни шѣло, ни душа моя не страждутъ; но я подобенъ слѣпому, кошорому сей часъ только возвратили зрѣніе: не могу сносить свѣта, и пошому должень побыть еще нѣсколько времени въ шемношѣ. Любезный другъ! мнѣ нужно собраться съ мыслями, чшобъ я могъ повѣришь шому, чшó до сихъ поръ казалось мнѣ невозможнымъ. Оставь меня на одинъ день; не присылай ни Докшора, ни лекаршвъ: если пошшу за нужное, по самъ попрошу шебя обшпомъ. Всего для меня полезнѣ бышь съ шобою, милый Юлій, но, — до завшра. — Завшра, завшра мы увидимся.“

Я поклонился, и кошѣлъ уже шпши, какъ вдругъ Принць схватилъ мою руку, пожалъ ее съ чувшвомъ нѣжности и сказалъ: „я зналъ, юный другъ мой, чшо ты обо мнѣ беспокоишься, и по эшому только послалъ за шобою; шеперь ты самъ видишь, чшо мнѣ нужно уединеніе. Поди, завшра мы увидимся, а шеперь, я хочу пригошвишь себя къ шому, чшобъ перенесшь новыя движенія, кошорыя, можешь бышь, меня ожидають.“

Вмѣсто всякаго отвѣта, я прижалъ руку его къ ушамъ моимъ и къ сердцу. „Любезное дшя!“ прибавилъ Принць, нѣжно улыбаясь и со вниманіемъ смотря на меня:

„милый Юлій!...“ но вдругъ замолчалъ, и пошомъ, подумавъ нѣсколько: „прочиши эшо,“ прибавилъ онъ, собирая бумаги, разбросанныя на пошелѣ, и подавая ихъ мнѣ: „прочиши, и ты узнаешь; чшо я чувствую; можешь бышь...“ Онъ осшановился, уныніе снова показалось на лицѣ его: „чшпали ли вы письмо моего брата?“ спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько минушь.

— „Чшпалъ, милосшвиный государь!“

„Милосшвиный государь!“ возразилъ онъ съ горешію: „чшо значить эшо названіе? Юлій, когда ты еще не чшпалъ письма, по называлъ меня своимъ любезнымъ Принцемъ: ужели оно перемѣнило швое сердце? Ахъ, шакъ ты узналъ, чшо я заслуживаю имя братоубійцы?... Юлій! ты меня ужасаешься?...“

О! Феликсъ, если бы ты могъ видѣшь, какая горешъ изобразилась на лицѣ его въ шу минушу! Я былъ пораженъ, бросился къ ногамъ его и со слезами увѣрялъ, чшо эшо названіе упошребилъ совершенно безъ намѣренія. Мое волненіе увѣрило его въ испишнѣ словъ моихъ: онъ расшрогался и обниалъ меня съ нѣжностію. „Увы!“ сказала онъ: „когда я часто самъ себя ужасаюсь, по мудроно ли мнѣ подумать, чшо и другіе взирають на меня съ содроганіемъ? Пись-

мо Герцога напомнило мнѣ самую ужасную минушу... О, для чего не могу я возвратишь прошедшаго!... Но, слава Всевышнему! Онъ удержалъ руку мою, и — преступленіе не совершилось!... Благодарю моего брата, что лишилъ меня свободы; уединеніе побудило меня внявъ гласу раскаянія; благодарю его и за то, что онъ прислалъ ко мнѣ друга! Спупай, милый Юлій; мнѣ нужно успокоиться; прочти эти бумаги; я знаю, что ты будешь проливать слезы; но — заклинаю тебя, не возмѣй ненависти къ несчастному, кошорый легковѣриемъ своимъ и напрасными подозрѣніями повергъ въ ужасную бездну ангела красоты и невинности: всѣ наши соотношенія будутъ впредъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе произведешь въ тебѣ чтеніе сихъ бумагъ.“

Примѣшивъ, что уныніе его умножалось, я поклонился, и взявши бумаги, съ поспѣшностію его оставилъ.

Я прочиталъ ихъ, Феликсъ, и въ продолженіе цѣлой ночи переписывалъ манускриптъ для тебя, моего друга! Чувствования мои были бы для меня тяжкимъ бременемъ, если бы я не могъ ихъ сообщить тебѣ: читай нѣжныя изліянія души невин-

ной, чувствительной, и жалобы сердца, несчастіями угнетеннаго. Крошкая, милая Юлія! для чего тебѣ суждено было, на пуши жизни сей, встрѣишь два существа, съ характерами, споль противоположными!... Спраспная любовь одного и безчеловѣчіе другаго погубили тебя невозвратно!..... Феликсъ, въ сіи минушы душа моя занимается шолько ею; но нѣшь, я думаю вмѣстѣ и о томъ, кого она сполько любила. Несчастливая Юлія! Злополучный Карль! Но что я говорю? Прочти самъ, и тогда узнаешь все, что я чувствую.

( *Продолженіе впрѣдъ.* )

---

## II.

# К Р И Т И К А

---

### I.

Замѣчанія на книгу: Военное Красноръчїе.

( *Окончаніе.* )

Глава V. О словахъ.

И здѣсь Г. Сочинитель возвращается къ понятіямъ, и, между прочимъ, говоритъ: „къ почному изображенію мыслей и чувствованій, необходимо шребующа

понятія о предметахъ и значеніяхъ словъ.“  
 — Ясное понятіе, коимъ только различаемъ одинъ предметъ отъ другаго, не представляя еще оплчичительныхъ знаковъ его, составляетъ самую низшую степень въ познаніи. Какъ же можемъ мы изображать точно мысли и чувствованія, когда, имѣя одно только ясное понятіе, не имѣемъ еще мыслей, богатство коихъ всегда сослужитъ въ обильномъ, раздѣльномъ и подробномъ синтетическомъ представленіи знаковъ? Не представляя достаточнаго, по дѣли, числа оплчичительныхъ знаковъ предмета, не можемъ исполняться, къ нему или противъ него, и должныхъ чувствованій.

Далѣе (спр. 22) Г. Сочинитель, раздѣляя слова по времени, употребившія изъ нихъ, вышедшія изъ употребленія, называетъ *древними*, хотя многія древнія остаются въ употребленіи, и безъ всякой переменны въ значеніи. Въ числѣ *новыхъ* (шамъ же) поставлены между прочими и *взятые изъ древняго нарѣчія*. Обыкновенныя у него суть то же, что и *употребительныя*. Слова *повсемѣстныя* имѣють преимущество предъ *областными*. Вся ли? какія? въ какихъ случаяхъ? Читайтели, сами догадывайтесь! — Немногое можно оплчичить и въ старыхъ обшчнкахъ словъ, составляю-

щей конецъ главы; вездѣ одинаковая неопредѣленность. Г. Сочинитель еще переводитъ насъ въ Логику.

#### Глава VI. О предложеніяхъ.

Недостаточно опредѣливъ сужденіе въ IV главѣ, Г. Сочинитель не упомянулъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ, ни о связи. Говоря о предложеніи, онъ поясняетъ ихъ, назвавъ подлежащее — *именемъ вещи* (какой? этого, по его мнѣнію, читатель знать не долженъ) и Лашинскимъ словомъ *subjectum*, а сказуемое *названіями ея* (вещи) *принадлежностей* и Лашинскимъ словомъ *praedicatum*. Связь между вещію и принадлежностями ея объясняется у него рченіемъ —  *nexus*; а связь между подлежащимъ и сказуемымъ еще *copula*. И это въ учебной книгѣ?

Раздѣливъ предложенія (по какой категоріи? — шайна) на *утвердительное* и *отрицательное*, первое опредѣляетъ также невинно, какъ то сдѣлано и съ сужденіемъ; а „*отрицательное* предложеніе,“ по его словамъ, „есть то, въ которомъ сказуемое *отрицается* отъ подлежащаго.“ — Неужели Г. Сочинитель не знаетъ того, что подлежащее и сказуемое не только въ опредѣленіи, но и во всякомъ предложеніи, не должны быть понятія пождезначачія? Кшо

насъ уразумѣешь, когда мы будемъ говорить: *отрицательное отрицаетъ, утвердительное утверждаетъ*, одна связь — *связь*, другая — *сорула* и такъ далѣе?

Еще спранные опредѣляются предложенія *умозрительное* и *дѣятельное* (теоретическое и практическое). Въ первомъ „приписываются подлежащему дѣйствія, спраданія или качества изъяснительнымъ образомъ (*indicativo modo*).“ — По этому предложеніе — *солнце свѣтитъ*, которое Г. Сочинитель, на той же 26 страницѣ взвеличалъ *чувственнымъ* (предложеніе его собственнаго изобрѣтенія), будешь также и умозрительное!! — Предложеніе „дѣятельное естъ то, въ которомъ говорится что нибудь повелительно“ (*imperativo modo*?). — И такъ предложеніе: *въ дѣлахъ важныхъ необходимо должно поступать съ осторожностію*, не будешь практическое?

Г. Сочинитель, недовольный раздѣленіемъ предложеній на *умозрительныя* и *дѣятельныя*, за лучшее почитаетъ, какъ изъясняется самъ, раздѣлить ихъ еще на *чувственныя*, *умственные* и *дѣятельныя*. Здѣсь послѣдніе два опредѣлены оплочно ось прежняго, хопя также неудачно, а *чувственное* во многомъ сходствуетъ съ

умозрительнымъ первой поспройки; ибо и въ шомъ и другомъ сказуемыхъ, между прочимъ, содержатъ дѣйствія и спраданія. Чувственные предложенія, въ Логикѣ новоспъ!

Наконецъ (спр. 27) являются у Г. Сочинителя двѣ категоріи (новоспъ!): — *пространство* (\*) (еще новоспъ!!) и *количество*. Г. Сочинитель, не показавъ, что такое *родъ*, *видъ* и *недѣлимое* (объ нихъ рѣчь будешь послѣ), раздѣляетъ предложенія по *пространству*, на *общія* и *частныя*. Особенныя предложенія въ его проспраншво не входящъ; „*общія* его предложенія, въ подлежащемъ или въ сказуемомъ, заключающъ родъ и видъ; а *частныя* заключающъ *недѣлимое*.“ — (!!) *Этотъ человекъ* (Иванъ) *уменъ* — естъ предложеніе часпное? *Нѣкоторые люди имѣютъ умъ* и *всѣ люди суть животныя разумныя* — равно сушь

(\*) Время и проспранство (*tempus et spatium*) сушь формы той связи вещей, въ каковой онъ, по чувственнымъ знакамъ своимъ, являются въ мѣрѣ. Время наполняется бышіемъ вещей, а проспранство самими, совокупно взятыми вещами. Категорій же, по которымъ повѣряющъ сужденія, обыкновенно полагающъ чепыре — *количество*, *качество*, *отношеніе* и *образъ* (*modalitas*). Нѣкоторые сей послѣдній включающъ въ категорію отношенія. *Замъ. Соч.*

предложенія общія? — По количеству, предложенія раздѣлены на *простыя* и *сложныя*, и опять касательно подлежащаго и сказуемаго: чѣмъ же отличаются они отъ общихъ и *частныхъ*, по естѣ особенныхъ?

Г. Сочинитель заключаетъ главу мыслію: „Писатель не можетъ всегда составлять рѣчи своей изъ однихъ предложеній; ему нужно весьма часто распространять оныя.“ — Я не знаю рѣчи, которая бы не состояла изъ предложеній. Рѣчь распространяется не попому, (воля ваша, Г. Сочинитель!), что Писатель не всегда можетъ составлять ее изъ однихъ предложеній; надлежало бы найти другую причину распространенія.

Глава VII. О источникахъ изобрѣшенія.

Г. Сочинитель „источниками изобрѣшенія“ называетъ „общія мѣста, изъ которыхъ Писатели берутъ мысли для распространенія предложеній.“ — Цель изобрѣшенія *распространеніе предложеній!* О приличіи мыслей предмету — ни слова; пишете что угодно, лишь бы предложенія были распространены. Если бы Г. Сочинитель преподавалъ правила Логикѣ въ порядкѣ опредѣленія, не нужно бѣ было прибѣгать къ симъ общимъ мѣстамъ, кошорыхъ

примѣненіе такъ трудно для начинающаго писателя, и кошорыя вовсе бесполезны спашиваясь у него; ибо онъ не разсудилъ за благо показатъ, въ какого рода сочиненіи и какимъ мѣстомъ особенно можно пользоваться; а многія изъ сихъ мѣстъ пошенили своими объясненіями, или предсавили ихъ въ ложномъ видѣ.

Такъ, учащійся не можетъ хорошо уразумѣть, что такое *цѣлое*, что *части* (спр. 29), нѣмъ болѣе, что и *родъ* названъ (спр. 33) *цѣлымъ умственнымъ*, въ противоположность *цѣлому чувственному*.

Цѣлое и части не опредѣлены, а опредѣленія *рода* и *вида* споль не вѣрны, что самого Г. Сочинителя ввели in absurdum. *Родъ* называетъ онъ (спр. 33) „классомъ подобныхъ видовъ, а *видъ* классомъ подобныхъ недѣлимыхъ.“ Раздѣляя родъ — *животное безмысленное*, на виды (спр. 35), говорить: „изъ безмысленныхъ кныя пресмыкающія по землѣ, другія лешающія по воздуху; кныя плавають въ водѣ, другія обитающія въ дѣсахъ; по причинѣ сего различія и сходства, онъ (человѣкъ) названъ однихъ *набкомыми*, другихъ *птицами*, иныхъ *рыбами*, иныхъ *звѣрями* и п. п. — И такъ у Г. Сочинителя и охотничья собака, пресмыкающаяся по болоту — *наб-*

комое? И егеръ, прокрадывающійся ползкомъ, иногда на большое пространство, къ неприятели, и ползающій младенецъ — сушь *насъкомыя*, а посему и *безмысленныя*? Комаръ, муха, пчела, бабочка, сушь *птицы*? они лешаюшь. Мысль человеческая, Ангель, сушь *птицы* и *безмысленныя*: лешаюшь! И ракъ — *рыба*, ибо плаваешъ въ водѣ!! Водолазы сушь *рыбы* и *безмысленныя*; ибо плаваюшь въ водѣ. Дровосѣкъ, пусытникъ — *зѣбри* и *безмысленныя животныя*; живушь въ лѣсу!!... Не говорю о помѣ, что Г. Сочинишель смѣшалъ *насъкомыхъ* съ пресмыкающимися. Вошь что дѣлаешъ необдуманное опредѣленіе! Можно ли послѣ сего винишь молодыхъ нашихъ Писателей, когда они смѣшиваюшь въ одно представленіе несовмѣстныя? Правы, правы! Ихъ учашъ пому! Если бы Г. Сочинишель прибавилъ въ опредѣленіи *рода* и *вида*, что они соспояшь изъ подобныхъ не по случайнымъ, а по существеннымъ, неизмѣнимымъ и неопъемлемымъ знакамъ, шо не впалъ бы самъ въ такія нелѣпости, и предостерегъ бы опъ нихъ и молодыхъ своихъ чинашелей.

*Дѣйствія* и *страданія* (стр. 37) у Г. Сочинишеля сушь одно и шо же; по крайней мѣрѣ изъ объясненій его и примѣровъ разноши не усмотрише. По его мнѣнію,

„существо, одаренное собственною силою дѣйствовашъ, можешъ дѣйствовашъ болѣе „неодушевленнаго.“ — Правда ли? — При сей спашь, нельзя также не пожалѣшь, что Г. Сочинишель представляешъ молодымъ людямъ ошца Словесности Россійской со спороны въ немъ слабѣйшей. Неужели слава Ломоносова оскорбляешъ его? Почшо брашь въ образецъ его сужденія о предметахъ Химіи? Можно бы было въ швореніяхъ, приносящихъ ему болѣе чести, найши примѣръ шого, какъ заимешвуюнся мысли опъ дѣйствій и спраданій.

„Качество (стр. 39) бываешъ *чувственное* и *умозрительное*.“ — Положимъ, правда. — Но „умозрительное качество ешь „умозаключение (?), которое выведено изъ „дѣйствій и спраданій предмета“ (!!). Должно замѣнишь, что Г. Сочинишель *качество вообще* и *чувственное* называешъ *принадлежностями* (стр. 39 и 40). *Характеръ*, въ который входяшь и дѣйствія и спраданія, ешь шо же, что и *качества*! „Качества бываюшь умозрительныя и чувственные, а *принадлежности*, которыя (стр. 41 и 42) сушь все шо, что приписуешся „предмету, бываюшь *существенныя* и *случайныя*.“ — Какое смѣшеніе! Опъ такой Логики — бѣда природной!

„Всѣ пропивоположныя предметы (безъ исключенія?) вмѣстѣ бытъ не могутъ“ (стр. 43). „Предметы *чувственные* мы пропивополагаемъ одинъ другому, усмашривая различіе въ степени ихъ качествъ, дѣйствій и такъ пр. Но *умственные* понятія бывають существенно пропивоположны одно другому; ибо умъ, составляя оныя, всегда оиъ одного оприцалъ то, что другому приписывалъ.“ — Подлинно, всего сказаннаго здѣсь Г. Сочинишелемъ, совмѣстить невозможно!

Пропускаю *мѣсто* (стр. 46) и *время* (стр. 47); ибо много и мѣста и времени пошребовалось бы на разборъ ихъ. Спрошу пошлько, для чего опдѣлять сіи два источника мыслей, когда ни одинъ физическій предметъ не можетъ бытъ предшавленъ при одной изъ сихъ формъ? — Примѣры, приведенные Г. Сочинишелемъ, доказывають, что мѣсто (или пространство) и время неразлучны: опдѣляя предметами мѣсто, опдѣляемъ явленіями ихъ и время, и на обошъ.

Стр. 52. „*Причину* можетъ назваться все то, что *собственною силою* (?) произвело вещь или содѣйствовало пошлько къ ея произведенію.“ — Подшвердивъ свое опдѣленіе, на шой же спраницѣ, при раз-

сужденіи о *главной* или *дѣйствующей* причинѣ, (что одно и шо же?), Г. Сочинишель не заботишся о томъ, что пропивопрѣчить самъ себѣ въ опдѣленіяхъ причинъ — *вещественной* (стр. 53), *конечной* (стр. 54) и *орудной*, которыя уже не собственною силою производять: ибо, по его мнѣнію, *вещественная* причина есть шо вещество, изъ котораго составленъ предметъ *чувственный*; *конечная* есть ша цѣль, для которой что нибудь дѣлаешся — (она можетъ назваться *побужденіемъ*, принуждающимъ, такъ сказать, человека къ дѣйствію) (стр. 54); *причина*, служащая *орудіемъ* (стр. 55) дѣйствующей причины, участвуетъ всегда въ ея произведеніяхъ.“ — Изъ чего же можно видѣть, что сіи причины производять *собственную силою*? Но сказанное о причинѣ вообще непременно должно опносишся и ко всѣмъ ея видамъ. Неужели *вещество* (матеріаль, запасъ) нужно пошлько для произведенія предметошъ чувственныхъ? — Разсуждая о *добродѣтели*, *Вѣрѣ*, *Богѣ*, мы не сошворяемъ чувственныхъ предметошъ: буквы, которыми выражаемъ свои мысли о сихъ великихъ предметахъ, бумага, на которую изливаемъ ихъ, не суть однако вещество сихъ разсужденій? — *Довольная причина*, по мнѣнію Г.

Сочинителя, составляешь особенный разрядъ, а не ешь принадлежность, общая вышенаименованнымъ причинамъ. Но никакое произведеніе не можешь бытъ совершенно, если причины его, дѣйствующая, вещественная, конечная и орудная, не будутъ довольны, то ешь, доспапочно. Объясненіе довольной причины общано въ IX главѣ, но Г. Сочинитель не сдержалъ своего слова: шамъ ешь объясненіе, шолько на что-шо другое.

Спр. 56. *Обстоятельства*, выставленныя здѣсь, какъ особенный источникъ мыслей, содержатъ въ себѣ время, мѣсто, признаки, предшествовавшіе и послѣдовавшіе дѣйствію, причины и орудія. Спрашивается: зачѣмъ же называшь обстоятельства особеннымъ источникомъ мыслей? Или, зачѣмъ говоришь ошдѣльно о понятіяхъ, къ нимъ относящихся? *Довольная причина осталась безъ объясненія.*

Спр. 60 и 61. — „Крапкое описаніе „предмета, показывающее родъ и одни опличительныя принадлежности, называется „опредѣленіемъ. Но когда предметъ шакъ описанъ, что исчислены всѣ его опличительныя свойства и предшавлена воображенію живая картина его дѣйствій, спраданій, обстоятельство и ш. п., тогда по-

„добное изображеніе предмета называется „описаніемъ.“ — Хорошо ли объяснено опредѣленіе, когда не сказано, какой родъ въ него входитъ, ближайшій или опдаленный, какіе опличительныя знаки должны бытъ въ немъ исчисляемы — существенныя или случайныя, ибо и сими послѣдними предметъ можешь опличаться опъ другихъ? — Согласенъ: крапкоснѣ нужна опредѣленію; но всѣ ли опличительныя свойства вводятся и въ описаніе? Кажется, шолько шѣ, кошорыя согласны съ намѣреніемъ, съ каковымъ предметъ изображается. Теперь явсвуетъ, почему Г. Сочинитель не опредѣлили, какъ должно, ни одного понятія.

---

Оставляя подробности, съ каковою до сего мѣста производилъ я разборъ Военнаго Краснорѣчія, почишаю однако нужнымъ указать молодому читателю на дальнѣйшія погрѣшности сей книги. Не вѣрьше Г. Сочинителю, что *простой періодъ* (гл. VIII, стр. 63) ешь предложеніе, распространенное и пополненное прибавочными понятіями; лучше разумѣше, подъ словомъ *періодъ*, рѣчь, имѣющую полный и совершенный смыслъ; подъ словами — *простой*

*періодъ*, можете всегда разумѣть такую же рѣчь, только не всегда выражаемую однимъ предложіемъ, а иногда и нѣсколькими, ибо сей періодъ, имѣя *одно главное* предложіе, нѣрѣдко содержитъ *многія сложныя*, служащія къ объясненію подлежащаго или сказуемаго въ главномъ предложеніи. Правило Г. Сочинителя: „подлежащимъ въ предложеніи бываешь всегда предметъ, а сказуемымъ — дѣйствіе,“ не есть правило общее, каковымъ оныя выдаешь его; исключенія изъ него часты и многочисленны. Остерегайтесь, молодой читатель Военнаго Красноурѣчья, въ сочиненіи простыхъ періодовъ, подражанія примѣрамъ оныхъ, приведенныхъ Г. Толмачевымъ: руководствуясь ими, вы напишете сложный періодъ или нѣсколько періодовъ.

Съ оспорожностію надобно читать и главу IX (1й части) о сложныхъ періодахъ: и здѣсь довольно погрѣшностей. Напр. сложные предложія не опличены оныя придапочныхъ, сравнительные періоды оныя употребительныхъ; на многія, темно выраженные правила, не приведено объясненій и примѣровъ; о раздѣленіи періодовъ, по числу ихъ предложій, совсѣмъ не упомянуто.

Въ главѣ XI *О ладномъ* и плавномъ печеніи періодовъ, вмѣсто изложенія пра-

вилъ, по коимъ должно переходить изъ періода въ періодъ, Сочинитель учить размѣщенію словъ. Но и въ семъ не виолнѣ можно вѣрнѣе его ученію. По его словамъ — „періодъ кажется *полнымъ для слуха* (по *звукотеченію*) (снр. 92), когда, заключая въ себя все нужныя понятія для объясненія предмета, имѣешь надлежащую *соразмѣрность* не только касательно составныхъ частей своихъ, но и касательно другихъ періодовъ, съ которыми оныя соединены логическою связію.“ — Между звуками *словъ*, составляющихъ періодъ, *приятными* для выговора названы шѣ (снр. 93), которые произносятся *открытымъ* и *грозкимъ* голосомъ.

Въ главѣ XII объ украшеніяхъ періодовъ, Сочинитель дѣлаешь неправильное раздѣленіе шпроповъ и фигуръ. Сказавъ невнятно о метафорѣ, объ аллегоріи не упоминаешь. Иронія, синекдоха, метонимія также не удостоены порядочнаго опредѣленія; а изъ примѣровъ и десятой доли сихъ шпроповъ не видно (снр. 98, 99 и 100). О служащихъ, въ какихъ сіи украшенія могутъ быть прилично употребляемы, по мнѣнію Г. Сочинителя, какъ шо видно изъ его молчанія, знать не должно: употребляйте ихъ, гдѣ вздумаете. Въ началѣ главы, раздѣливши

красоты рѣчи на происходящія особливо отъ живаго воображенія и сильныхъ чувствованій, въ концѣ той же главы (спр. 101) раздѣляешь фигуры на *фигуры разсудка, воображенія и страстей*: но выше, два раза (спр. 97 и 100) сказано, что *всѣ фигуры* происходятъ отъ сильныхъ чувствованій.

Разборъ послѣднихъ главъ — *общихъ началъ Словесности* также предсказывалъ бы намъ многія важныя погрѣшности; но онъ такого свойства, что сами бросаешь въ глаза чинашеля. Взглянемъ на вторую и третью части Военнаго Краснорѣчія, гдѣ обѣщано новое.

*Военнаго Краснорѣчія часть вторая, содержащая частныя правила онаго.*

Въ одномъ собраніи, на слова — *появилась книга, подъ заглавіемъ Военное Краснорѣчье*, — одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: какое же Военное Краснорѣчье, сухопутное или морское? Сдѣланы были догадки о появленіи въ будущее время Краснорѣчія пѣхотнаго, кавалерійскаго, артиллерійскаго и такъ далѣе, признаюсь, не безъ смѣха, который выражалъ... сомнѣніе объ успѣхѣ книги.

Прочитавъ ее всю, дѣйствительно всякій удословѣрился, что Господинъ Сочинитель,

въ новомъ родѣ шворенія не помѣстилъ ничего новаго, а говоришь старое. И въ семь послѣднемъ, одно нейдешь къ правиламъ Краснорѣчія, напр. все, помѣщенное во введеніи ко второй части и въ III главѣ ея о нравственныхъ качествахъ подвластныхъ воинствъ (спр. 26 и до 42). Все прочее обще Военному Краснорѣчію съ другими родами Краснорѣчій. Качества военнаго Вишинъ суть качества и духовнаго и свѣтскаго Писателя. Для поучительныхъ, описательныхъ сочиненій, для сношеній и писемъ военныхъ, Г. Сочинитель не изобрѣлъ новыхъ, существенно полезныхъ правилъ: онъ предлагаетъ то же, что содержится и во всѣхъ другихъ Риторикахъ, только съ запушанностію, ему обычною, останавливаясь на правоученіяхъ, которыхъ, безспорно хороши, но въ Наукѣ о должностяхъ гражданина и чловѣка, а не въ Риторикѣ. Особеннаго во II части Военнаго Краснорѣчія, кромѣ правоученій, только то, что Г. Сочинитель часто швердитъ прилагательное — *военный, военная, военное*; что многіе роды прозаическаго слога изъ него исключены и даже не уномянуты, хотя нерѣдко употребляются военными людьми; напр. ничего не сказано о *разговорахъ, словахъ похвальныхъ, рѣчахъ судебныхъ* и проч. Г.

Сочинитель, для опличія своего шворенія ошъ другихъ, помѣстилъ еще во второй части онаго формы дѣловыхъ бумагъ, кошорья можно найши во всѣхъ Письмовникахъ, и коихъ другіе не помѣщали въ Ршорикѣ по той причинѣ, что въ Науку входящъ правила постоянныя, неизмѣнныя, между шѣмъ какъ формы сіи довольно часто, по волю Правительсшва и согласно съ обстоятельсшвами, перемѣняющъ. Не оуждаю Г. Сочинителя за помѣщеніе ихъ въ его швореніи; впрочемъ, безъ сомнѣнія, и всякій умный насшавникъ знакомшъ съ ними учениковъ своихъ, говоря имъ о дѣловыхъ бумагахъ. Но по сему одному не стоило выдумывашъ для учебной книги новое заглавіе и съ напряженіемъ выказывашъ себя изобрѣшательемъ новаго искусства.

*Военнаго Краснорѣчія часть третія, содержащая примѣры въ разныхъ родахъ онаго.*

Между примѣрами, сосшавляющими третью часть Военнаго Краснорѣчія, есть и хорошіе; но довольно и шакихъ, кошорыхъ бы не надлежало приводишъ въ образецъ молодымъ людямъ. Таковы рѣчи *Амурата III* (стр. 15), *Мамал* (стр. 16), *Дюка-Гиза* (стр. 48), кошорый, какъ видно изъ объясненія, приложеннаго Г. Сочини-

телемъ, сильно дѣйшвовалъ мечемъ, а не словомъ. Сверхъ того, Г. Сочинитель помѣстилъ въ образцахъ своихъ большею частью письма и рѣчи, прокламаціи и манифесшы. Последніе два рода сочиненій относящъ къ Дипломатикѣ, а не къ Военному Краснорѣчію; писемъ же и рѣчей мало для сего: надлежало бы предшавишъ образцы и другихъ родовъ. Примѣры помѣщены шакъ, какъ попадались Сочинителю на глаза; ни однородность ихъ, ни порядокъ во времени не приняты въ уваженіе. Сужденія о сихъ примѣрахъ не рѣдко ошибочны; ибо очень посредшвенной рѣчи приписывается успѣхъ военнаго дѣйшвія, происшедшій ошъ другихъ какихъ либо постороннихъ и сильнѣйшихъ причинъ.

О языкѣ Г. Сочинителя скажу шолько, что насшавникъ Краснорѣчія, въ учебной книгѣ, долженъ писашъ правильнѣе.

М. Т.

## АНТИЖУРНАЛИСТИКА.

Замѣчания хладнокровнаго читателя Русскихъ  
Журналовъ о Московскомъ Телеграфѣ.

(Письмо къ О. В. Б.)

Въ прошломъ 1825 году, я крайне удивлялся, что Г. Издашель Московскаго Телеграфа, въ своихъ оповѣщахъ многочисленнымъ своимъ Кришикамъ, всегда при случаѣ и безъ случая, обращался къ вамъ, и говорилъ съ вами такимъ образомъ, какъ будто бы вы были Авшоромъ всѣхъ кришикъ на Моск. Телеграфѣ. Проживая въ то время въ Москвѣ, зная лично Авшоровъ кришикъ, и будучи увѣренъ, что вы не только не участвовали въ сихъ кришическихъ сочиненiяхъ, но даже ни письменно, ни лично не были знакомы съ Сочинителями оныхъ, я не могъ постигнути причины сего вооруженiя именно противу васъ (\*). Какъ без-

(\*) Совершенная правда. Въ 1825 году, я всѣ кришическiя спашья моего сочиненiя на Телеграфѣ подписывалъ или буквами А. О., или О. В., и не участвовалъ въ Московской лишературной войнѣ, а только защищался. О. В.

пристрастный чипашель Журналовъ, я весьма сожалѣлъ, что духъ пристрастiя часто заставлялъ Издашеля Моск. Телеграфа уклоняться отъ истины и перемѣняя свой образъ мыслей и свои сужденiя по обстоятельствуспивамъ. Напримеръ: Издашель Телеграфа, въ N 3 своего Журнала на 1825 годъ, на стр. 250 и 251 распространяется въ похваляхъ издаваемымъ вами въ то время Журналамъ: *Сѣверный Архивъ* и *Литературные Листки*. „Вообще Журналь Г. Булгарина (говоришь Г. Полевой, стр. 250, строка 24) „въ короткое время догналъ старыя любимыя Журналы Русскiе и сравнялся съ ними. Мы не замѣчаемъ хорошихъ спашей въ Сѣверномъ Архивѣ прошлаго года, ибо каждая имѣешь свое отношенiе къ достоинству.“ — О Лишературныхъ Листкахъ Г. Полевой говоришь мимоходомъ, на той же 250 страницѣ: „съ половины 1825 года, Г. Булгаринъ присокупилъ къ своему Журналу особое *Прибавленiе*, выходившее въ прошломъ (ш. е. 1824) году, книжками два раза въ мѣсяць, гдѣ было много спашей забавныхъ и прiятныхъ.“ —

Вопль что писалъ Г. Полевой, avant la lettre, ш. е. прежде, нежели онъ почелъ васъ

Сочинителем кришикъ (\*) на Моск. Телеграфъ. Не шакъ онъ заговорилъ о вашихъ Журналахъ après la lettre, ш. е. послѣ кришикъ приписанныхъ вамъ.

Въ томъ же 1825 году, не далѣе, въ N 21 Моск. Телеграфа *десять* страниць (ошъ 422 до 431) мелкимъ шрифтомъ заняшы обвиненіями прошиву Издашеля *любимаго Русскаго Журнала*, какъ Г. Полевой называлъ прежде *Сверный Архивъ и Прибавленія* къ нему. Каждая спашья наименована, каждое ошдѣленіе Журнала по волоску расщипано и съ объявленіемъ, что Журналы нигуда негодны, "и что онъ (ш. е. Издашель Свернаго Архива и Литературныхъ Листковъ) „на половину не помѣшилъ обшцанныхъ имъ спашей, поучительныхъ, пріятныхъ и полезныхъ“ (\*\*). — Если бъ я хотѣлъ выписывашъ всѣ привязки и обвине-

---

(\*) Физически невозможно, чтобы я, при изданіи трехъ Журналовъ, могъ бытъ Сочинителемъ даже десятой части кришикъ, написанныхъ различными Литераторами на Московскій Телеграфъ, въ 1825 году. *О. Б.*

(\*\*) Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ то, что Г. Полевой шребовалъ ошъ меня, чтобы я въ каждой книжкѣ Журнала помѣщалъ *всѣ статьи*, о которыхъ сказано было въ программѣ, что онъ входитъ въ

нiя Издашеля Московскаго Телеграфа, по долженшвовалъ бы изъ *десяти* страниць сего Журнала, по крайней мѣрѣ, выписашъ *восемь*. Довольно указашъ мѣсто, гдѣ изданіе, расхваленное въ 3 книжкѣ М. Т., унижено до самаго *нелъзя*, въ 21 книжкѣ шого же года. Послѣ этого, какъ вѣришь безприспращнію Г. Полеваго? По крайней мѣрѣ у васъ я нахожу одинаковое мнѣніе о Московскомъ Телеграфѣ, ошъ начала онаго и понынѣ. Причины перемѣны мнѣнія Г. Полеваго очевидны, и онъ находяшся не въ книжкахъ вашего Журнала. Говоря о вашихъ собшвенныхъ произведснiяхъ, ш. е. о спашьяхъ о Нравахъ и о вашемъ слогу, Г. Полевой, въ N 8 Московскаго Телеграфа на 1825 годѣ, на спр. 335, называешъ вашъ языкъ свободнымъ и шушливымъ (спрока 17 и 18); въ N 2 Московскаго Телеграфа на спр. 143, въ спрокѣ 19—22) Г. Полевой говоринъ: „въ прошломъ году

---

составъ годоваго изданія. Если бъ это было возможно, то каждая книжка Журнала составляла бы большой томъ, и шребовала бы по крайней мѣрѣ 4 мѣсяцевъ для напечатанія. — Довольно, если одна или двѣ спашьи изъ каждаго ошдѣленія изъ упомянутыхъ въ программѣ, помѣщены въ году. — Такъ дѣлаешъ и самъ Издашель М. Т., и мы не шребуемъ ошъ него болѣе. *О. Б.*

появлялись статьи о нравах, в видѣ повѣстей, разговоровъ и описаній; въ Журналахъ, *лучшія принадлежатъ Г. Булгарину.* — Кажется, это довольно ясно и опроверженно; но въ N 21 Московскаго Телеграфа того же года, въ статьѣ, въ кошорой шараяются унизить все, написанное и издаваемое вами, на стр. 428 сказано: „объщаны статьи о нравахъ и обычаяхъ въ родѣ Аддисонова Зришеля, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи — *не было ни одной строчки.*“ — За симъ формально разрѣзаны статьи вашего сочиненія, кошорыхъ даже по названію не хопяшь причислить къ разряду нравовъ, не взирая на то, что прежде было сказано, что лучшія въ цѣлой Литературѣ принадлежатъ вамъ. — Спрашиваю, можно ли послѣ этого вѣрнѣ сужденіямъ и литературнымъ приговорамъ Г. Полеваго, кошорый уничтожаетъ однимъ почеркомъ пера то, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ превозносилъ похвалами и славилъ на высшую степень? Ссылаюсь на судъ каждаго безпристрастнаго читателя. Хладнокровныя доказательствва гораздо убедительнѣе всѣхъ пламенныхъ выходокъ — безъ доказательствъ.

Послѣ того Г. Полевой въ каждомъ Нумерѣ своего Журнала, выпечашывалъ ваше

имя, вездѣ, гдѣ только могъ сказать противное вашему мнѣнію или коснуться вашихъ изданій. — Цѣлый годъ (1826) не было ошвѣта съ вашей стороны — но Московскій Телеграфъ не охлаждалъ, и безпрестанно наступалъ на васъ и сирѣялъ и впрямь и вкось. Я удивлялся наспойчивости одной стороны и перѣвѣю другой. Пропускаю всѣ нападки на васъ, и на вашего поварича въ концѣ 1825 и въ продолженіе цѣлаго 1826 года; я удивляюсь только, какъ Г. Полевой могъ *въ такое время* заниматься крипиками. Но пословица швердитъ: что въ мушной водѣ легче ловить рыбу — и правда. Во время общей горести и вашего молчанія, Г. Полевой пописывалъ на васъ, да пописывалъ, а просподушные люди вѣрили, что шопѣ виноваты, кто молчишь. Можеть быть, они позабыли о прежнихъ похвалахъ вамъ, ошъ самого же Г. Полеваго!

Видя ваше непреодолимое молчаніе, я вздумалъ вспуниться за васъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за Словесность, и сказать мое мнѣніе о начавшейся литературной войнѣ въ семь 1827 году. Во 2 номерѣ Съгна Опечества, нѣкто, подписывающійся буквами Д. Р. К. при обзорѣ Литературы коснулся Моск. Телеграфа, показалъ намъ, какъ онъ составляется, и подкрѣпилъ свое мнѣніе примѣра-

ми или выписками изъ Моск. Телеграфа. Чшо жь надлежало сдѣлать Издашелю Моск. Телеграфа? Или замолчать, какъ вы сдѣлали, или опровергнушь замѣчанія, ш. е. доказашь, чшо называемое дурнымъ Д. Р. К. не есть дурно; чшо Д. Р. К. ошибается или не понимаетъ, и слѣдовательно ошибки или упущенія М. Телеграфа не суть ошибки или упущенія. Кажешся шакъ. Посмотримъ же теперь, какъ Издашель М. Телеграфа оправдался. — Въмѣсто шого, чшобы доказашь, чшо голубое пламя высшаго бысознанія, вѣчное могущество всякаго бытїя, во вѣсь глаза, и другїя мѣста, замѣченныя Д. Р. К. въ Телеграфѣ не дурны, а хороши, Г. Полевой началъ ошдѣлывашься *обжливостями*.

Не касаюсь постороннихъ придирокъ и косвенныхъ нападокъ на васъ въ М. Телеграфѣ. Подписывашь спашьшя прошиву Телеграфа неизвѣстный Д. Р. К., а браняшъ сперва васъ, Булгарина, а попомъ вообще Издашелей Свв. Пчелы и С. О. (\*). Въ 3 ну-

(\*) Даже не пощадили и шого, къ кому писано на Кавказъ: его называюшъ въ М. Телеграфѣ Кабардичемъ, дикаремъ и проч. Чъмъ же онъ виновашъ? Эшо все равно, если бы мы сшали обвиняшъ подписчиковъ М. Телеграфа, въ шомъ, чшо въ немъ не соблюдаешя чїстошы языка и Граммашки. *Соз.*

меръ Телеграфа сказано о письмѣ на Кавказъ: „вкусъ и совѣсть Автора сливаюшя здѣсь въ одно зашмѣние.“ Сказано, и не доказано. Впрочемъ, зачъмъ говоришь о *совѣсти*? Объ эшомъ говоряшъ въ шорговлѣ, а въ Липерашурѣ надлежало бы улчїишь Д. Р. К. въ несправедливости его показанїй, и дѣло бы обнаружилось само собою. Тамъ же въ примѣръ криводушныхъ, корысполюбивыхъ, *личныхъ* (?) мнѣнїй приведены слова изъ письма Д. Р. К., недоказывающїя однако жь, чшобы Авторъ письма на Кавказъ былъ шакъ, какимъ желашь предшавишь его Издашель Телеграфа. — Г. Полевой сказаль, чшо письмо сіе *наполнено* ошибками прошиву языка Русскаго. Сказаль, и не доказаль. Слѣдовательно, чшо долженъ думашъ чїпашель, чїпая съ одной шпороны доказашельства Д. Р. К., а съ другой въжливости Г. Полеваго на счешъ нравшвенныхъ качешвъ его прошивника, и его мнимаго и недоказаннаго невѣжештва? Невольно придешь на умъ выраженїе Г. Полеваго, употребленное имъ прошиву Альманаха Музь (см. N 7 М. Телеграфа, 1826 стр. 123).

„Ты сердїишься, Юпиперь, слѣдовательно шы не правъ!“

Напримѣръ: позволїишь ли кшо себѣ въ XIX столѣшїи, сказашъ о собрашїи своей,

Журналистахъ, то, что Г. Полевой сказалъ въ 3 номеръ М. Телеграфа на стр. 123? „Тотъ оскорбляетъ меня, кто подумаетъ, что я хоть что нибудь общаго имѣю съ Издашелями Сѣверной Пчелы и что я беру что нибудь изъ сей Газеты.“

Благонамѣренный, безприсрасный читатель не знаешь, чему удивляешься въ сихъ словахъ! Этого еще мы не видывали не только въ Словесности, но и въ обыкновенныхъ бумагахъ. — Помилуйте, Г. Издашель Телеграфа, и скажите, обдумали ли вы это выраженіе? *Хотя что нибудь общаго* съ Издашелями Сѣверной Пчелы — для васъ оскорбительно! Давно ли? По какому праву? — Но я не хочу дѣлать сравненій, чтобы не попасть на тошъ же путь личностей. На это вѣрно будутъ отвѣчать вамъ сами Издашели Сѣверной Пчелы.

Г. Полевой можешь не имѣть ничего общаго съ Издашелями Сѣверной Пчелы; по моему мнѣнію это для нихъ ни мало не оскорбительно, но это не мѣшаетъ ему побирашь Некрологию изъ сей Газеты, и представляшь ихъ въ обрѣзанномъ видѣ (\*\*).

(\*) Просимъ, напримѣръ, сказать, откуда Г. Полевой почерпнулъ Биографію Фусса, В. А. Левшина и другихъ? . . . Мы повѣримъ на слово, пусть ука-

Кромъ того многое-что и въ самомъ расположеніи заимствовано изъ Сѣвернаго Архива съ Литературными Листками? Самыя даже выраженія: *Модные обычаи* и ш. п. не въ первый ли разъ появились въ Литературныхъ Листкахъ? Ахъ, Г. Издашель Телеграфа! какъ вы забывчивы, какъ скоро отчуждались своихъ образцовъ и какъ подбиваете публику въжливостями, которыхъ она никогда не видывала въ печатномъ. За это мы обязаны вамъ и Г. Перевощикову. Опять повторю слова Г. Полеваго:

„Ты сердисься, Юпитерь, слѣдовашельно ты не правъ.“

Должно ли говорить о шуткахъ Г. Полеваго на счетъ заглавныхъ буквъ имени и прозванія Авшора Кавказскаго письма? Нѣтъ, самъ Г. Полевой говорилъ намъ прежде, что публикѣ нѣтъ дѣла ни до имени, ни до роду, ни до племени Авшора. Я не вижу ни

жешь источники. Впрочемъ лучше было бы, если бы онъ бралъ въ сокращеніи изъ Сѣвер. Пчелы, тогда онъ не сказалъ бы, что покойный Астрономъ Шубертъ имѣлъ орденъ С. Владиміра 2 степени, что онъ прекрасно игралъ на гобой, что онъ былъ Начальникомъ Ошдѣленія въ время путешествія въ Китай, и что онъ вовремя болѣзни, въ бреду, рѣшилъ важную Математическую задачу. Все это несправедливо. *Изд.*

какъ, почему буквы Н. А. П. лучше, нежели Д. Р. К. Мнѣ даже кажется, что это одно и то же. Разница въ сочиненіяхъ.

Я хочу остановиться на самомъ главномъ, а именно, на похвалѣ Московскому Телеграфу, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ же (№ 4, 1827, стр. 150—160) и почеркнутой изъ извѣстнаго Французскаго Журнала *Revue Encyclopédique*.

Г. Полевой говоритъ (стр. 158), что онъ, помѣстивъ похвалу себѣ „руководствовался не столько побужденіемъ личной суетности, сколько предположеніемъ, что читателямъ его любопытно будетъ видѣть сужденія Французскаго просвѣщеннаго Журналиста о Журналь Русскомъ.“

Если такъ, то Г. Издашело Московскаго Телеграфа надлежало бы выбрать сужденіе о другомъ Журналь, а не о своемъ. Онъ бы нашелъ для этого весьма много матеріаловъ во Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ Журналахъ. Напримѣръ: цѣлыя статьи переводились изъ Сьернаго Архива въ *Journal* и *Annales des Voyages*, *Geogr. Ephemeriden*, издаваемыхъ знаменитымъ Гасселемъ, въ *Bulletin Universel*, издаваемомъ Г. Ферриусакомъ, и похвалы сему Журналу напечатаны во многихъ книжкахъ того же *Revue Encyclopédique*. Г. Полевому это должно

быть извѣстно — если же нѣтъ, то мы сославимъ о семъ особую выписку и доставимъ къ нему съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ Московскомъ Телеграфѣ. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не перепечатано изъ М. Т., кромѣ извѣстія о Кишайскомъ лакѣ.

Далѣе Г. Полевой болѣе объясняетъ цѣль помѣщенія похвалы своему Журналу. На стр. 159 онъ говоритъ: „теперь пускай и судіи непристрастные, недоуверяющіе одному своему мнѣнію, взвѣсятъ сужденія Д. Р. К. Сына Опечесства о Телеграфѣ, и мнѣнія о немъ же соудника одного изъ лучшихъ Европейскихъ Журналовъ.“

Полно-же, Г. Издашело Телеграфа, полно-же, давно ли вы стали согласны съ мнѣніями соудниковъ иностранныхъ Журналовъ о Русской Словесности? Не съ пѣхъ ли поръ, какъ похвалили Телеграфъ (\*)? Вошь какъ вы прежде ошзывались о семъ, и какъ дорожили мнѣніями иностранныхъ Журналовъ. Я только буду ссылаться на васъ.

Въ № 16 Моск. Телегр. 1825 года, на стр. 358, въ началѣ статьи подъ заглавіемъ: *Извѣстія о Россіи и Русской Литерату-*

(\*) Ниже будетъ объяснено, какъ, почему похвалили, и на чемъ основались въ похвалахъ. *Сог.*

рѣ, помѣщаемыя во Французскіхъ Журналахъ," вы говорите: „Во Франціи и въ Германіи, безпрестанно являютя книги и Журнальныя списанья, въ которыхъ говорятъ и шолкуютъ о Россіи. Благодаримъ за вниманіе, и съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Россія весьма занимаетъ нынѣ умы Европейцевъ (?). Жаль только, что извѣстія о насъ болшею частію и вѣрны и ошибочны.“ Нельзя не припомнить здѣсь стиха изъ Федры Расина:

C'est toi qui l'as nommé!

Въ No 15 М. Т. на 1825 годъ на стр. 271, вы, Г. Полевой, смѣшаете надъ Французскимъ Журнализмомъ, который говорите вамъ о находящемся во Франціи Украинскомъ Князѣ. И по дѣламъ смѣшаете.

Въ No 18 М. Т. на 1825 годъ на стр. 165, 166, 167, вы, Г. Полевой, насмѣхаетесь надъ Издашелемъ *Всобщаго бюллетеня*, Барономъ Ферюссакомъ (\*) и Издашелемъ *Глобуса*, которые, имѣя передъ глазами книги Русскія, исковеркали собшвенныя имена Писателей и сообщили объ нихъ и о книгахъ ложныя извѣстія. И по дѣламъ; вы

(\*) Тотъ самый Баронъ Ферюссакъ, который доставилъ двѣ книжки Московскаго Телеграфа Издашелю Revue Encyclop. для похвалы! *Сог.*

правы. Въ No 11 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 173 и 174, Г. Полевой сперва опровергаетъ мнѣніе Нѣмецкаго Журналиста, который говоритъ небылицы о репертуарѣ Русскаго Театра, а послѣ того возстаешь на Рецензента перевода Басень Крылова, въ славномъ *Журналь прѣій*. И по дѣламъ. Французскій Литераторъ (хотя опличный) не умѣлъ оцѣнить по достоинству Басень нашего Лафонтена. Вообразите: самого Крылова не умѣли оцѣнить по достоинству!

Въ No 3 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 294, Г. Полевой возстаешь на Англійскіе и Нѣмецкіе ученые Журналы, сообщающіе ложныя извѣстія о Россіи, и говорите между прочимъ: „не удивляемся, если въ какомъ нибудь Журналь найдемъ *вздорныя извѣстія о Россіи* и проч.“ — Далѣе: „всего страннѣе, что этому вѣрите, ибо перепечатали эту нелѣпость въ другихъ Журналахъ, и никто не всхулился.“ По дѣламъ. — Но изъ этого видимъ, какъ мало знаютъ Русскую Литературу въ чужихъ краяхъ, когда никто не обнаружилъ нелѣпости!

Въ No 4 М. Т. на 1825 годъ на стр. 345, Г. Полевой восклицаетъ: „мы перебирали списанья, касающіяся до Россіи, и нашли множество ошибокъ!“ — Въ той же книжкѣ на стр. 385, Г. Полевой насмѣхаетъ

ся надъ Журналомъ *Revue Encyclopédique* (\*), котораго Издатели, имѣя передъ собою книгу на Нѣмецкомъ языкѣ, Г. Борга, перековеркали всѣ извѣстія и имена. Тамъ сказано, что Князь Шаховской издалъ свои сочиненія въ С. Пешербургѣ, въ 4 томахъ, заключающихъ въ себѣ Лирическія сочиненія, Романы, Баллады, Элегіи, Посланія; что его слогъ сжашъ, но смѣль и силенъ. Князь Пешръ Андреевичъ Вяземской названъ Докторомъ Философіи и Профессоромъ Словесности и Краснорѣчія, искуснымъ Криптикомъ и Переводчикомъ древнихъ (\*\*), и ш. п. По дѣламъ возсашъ Г. Полевой на *Revue Encyclopédique* и обнаружилъ его ошибки. Я иду по слѣдамъ его.

Но не довольно ли будешь доказательствъ тому, что въ иносѣранныхъ Журналахъ помѣщаются весьма невѣрныя, ошибочныя сужденія о нашей Литературѣ, о Литераторахъ, и что по словамъ самого Г. Полеваго, эшимъ свидѣтельствамъ не только не должно вѣрять, но даже не должно

(\*) Тотъ самый Журналъ, въ которомъ нынѣ хваляшь Г. Полеваго. Г. Геро тогда участвовалъ въ немъ, какъ и нынѣ. *Сог.*

(\*\*) Объ эшой ошибкѣ можно по справедливости сказать: *c'est un peu fort!* *Сог.*

удивляться ошибкамъ. Отъ чего же вдругъ сужденіе о самомъ Г. Полевомъ оказалось справедливымъ? Эшо что-шо мудрено. Удивительнѣе всего, что Г. Полевой приводитъ свидѣтельство въ достоинствѣ своего Журнала Г. Геро, который уже съ 1823 года участвуетъ въ изданіи *Revue Encyclopédique*, хотя прежде сей Журналъ, по словамъ самого же Г. Полеваго, помѣщала весьма ошибочныя извѣстія и сужденія о Русской Литературѣ. Еще удивительнѣе то, что Г. Геро произнесъ приговоръ о Моск. Телеграфѣ, имѣя передъ глазами *только депъ книжки онаго*. По двумъ книжкамъ нельзя опредѣлить достоинства изданія; въ эшомъ соизнается и самъ Г. Полевой (\*). Напротивъ того Д. Р. К. имѣлъ передъ глазами цѣлое изданіе М. Т., отъ 1825 до 1827 включительно, и всѣ свои мнѣнія подкрѣпилъ доказательствами. Кому вѣрять! Должно замѣнить, что Г. Геро судилъ именно по шѣмъ книжкамъ, гдѣ переведено *его* мнѣніе о Бас-

(\*) Г. Полевой имѣлъ догадку, прежде напечатанія похвалъ Геро своему Журналу въ началѣ сего 1827 года, напечатать похвалу самому Г. Геро въ концѣ прошлаго 1826 года, и назвать его прекраснымъ, предобрымъ и пребезириспращнымъ судьей. Умно! *Сог.*

няхъ Крылова, съ похвалами Издашеля. Не вѣшалось ли въ сужденіе Рецензента и Авторское самолюбіе?

Впрочемъ и самое мнѣніе Г. Геро о М. Т. исполнено ошибокъ, и въ похвалахъ его находящіяся много прошиворѣчій: это мы докажемъ.

Въ началѣ (спр. 150), Г. Геро говоритъ: „Московскій Телеграфъ началъ свое поприще съ 1825 года (\*), и, кажется, ему назначено (?) быть *однимъ* изъ лучшихъ Русскихъ Журналовъ. *Бѣлый обзоръ двухъ книжекъ*“ и проч. — И шакъ Г. Геро шолько кажется, что М. Т. назначено быть *только однимъ изъ лучшихъ Журналовъ*? Мало ли что намъ кажется! Г. Геро судитъ о будущей участи Журнала по *бѣглому обзору* двухъ книжекъ; — это въ буквальномъ смыслѣ значить, судить весьма поверхностно. Г. Геро не видалъ цѣлаго 1825 и 1826 годовъ — а мы ихъ видѣли! — Эшопъ присшуть я не беру за похвалу. Далѣе Г. Геро говоритъ: „Первая и впорая часть (ш. е. книжекъ М. Т., кошорыя были передъ глазами Г. Геро для *бѣлаго обзора*) *походитъ на наше отдѣленіе: Записки и Извѣ-*

(\*) Историческая истина, противу кошорой не спорю. Сог.

ствія и ш. д.; прешья часть представляеть *въ меньшемъ объемѣ наши два отдѣленія, Разборы и Библиографическій бюллетень* — и ш. д.; четвертая часть соотвѣствуетъ *нашему* отдѣленію ученыхъ Литературныхъ новостей.“

И шакъ Г. Геро въ самомъ расположеніи Телеграфа находишь *все свое*. Если бѣ онъ разсмотрѣлъ подробности и не ограничивался *бѣлымъ обзоромъ двухъ книжекъ*, шо совершенно согласился бы съ мнѣніемъ Д. Р. К., кошорый говоритъ почти шо же во 2й книжкѣ С. О. на стр. 190 и 191—194. Разница въ томъ, что Г. Геро не могъ судить объ основательности критикъ Телеграфа по двумъ книжкамъ онаго, и не имѣя предъ глазами критикованныхъ сочиненій. Впрочемъ Г. Геро совершенно согласенъ съ Д. Р. К. на счетъ четвертой части Телеграфа. Г. Геро говоритъ на стр. 151: „желательно видѣть расположеніе и выборъ *болѣе строгія, болѣе удовлетворительныя*.“ — И шакъ извѣствія, помѣщаемыя въ М. Т., не спрогаго выбора и неудовлетворительны? Не шо ли сказала Д. Р. К.; шолько другими словами?

Но вопъ ударъ! Г. Полевой вездѣ говоритъ, а особенно въ 1 книжкѣ на 1825 годъ, что онъ занялъ важнѣйшее мѣсто въ Липе-

рапуръ своимъ Журналомъ; претій годъ онъ гласитъ, что всѣ прочіе Журналы негодны, и въ доказательство своего преимущества, ссылается теперь на похвалу Г. Геро, на Французскомъ языкѣ; — что же говоришь Г. Геро? Вошь что! стр. 151, строка 15: „но главную цѣль его, кажешся, составляютъ *лѣтописи модъ*, помѣщаемыя на Французскомъ и Русскомъ языкахъ и, вмѣстѣ съ картинками, заимствуемыя изъ *нашихъ Парижскихъ Журналовъ*.“

Вошь одолжилъ по совѣсти! — И шакъ adieu Липерашура! *Гласная цѣль* — моды и модныя картинки, заимствуемыя изъ другихъ Журналовъ; а по словамъ самого Г. Воейкова, который въ Русскомъ Инвалидѣ напечаталъ похвалу Московскому Телеграфу — эша часишь несравненно лучше въ Дамскомъ Журналѣ Князя Шаликова. Одолжили!

На стр. 155, строка 6, мы читаемъ сознание Г. Геро въ слѣдующихъ словахъ: „здѣсь мы прямо ошь своего лица должны *благодарить* Издашеля Московскаго Телеграфа за переводъ *нашего* разбора Русскихъ Басень Крылова, помѣщеннаго въ Июньской книжкѣ *Revue Encyclopédique* 1825 года; переводъ явился черезъ два мѣсяца послѣ выхода (?) подлинника. Но, если вѣришь долж-

но нѣкошорымъ другимъ Русскимъ Журналамъ, эша поспѣшность, споль лестная для насъ, не позволила Переводчику довольно позаботишься о слогахъ своего перевода. Северная Пчела, издаваемая Г. Булгаринимъ, даже посвятила цѣлую колонию своего 125 Но для указанія на одну ошибку, незначительную, гдѣ слово *сто* замѣнено словомъ *пльть*.“

На эшошь періодъ ошьвѣчаемъ:

1) Рецензентъ ошь своего лица *благодарить* Издашеля Московскаго Телеграфа. Эшо ключъ для разгаданія шайны, почему, послѣ бѣлаго обзора шолько двухъ книжекъ М. Т., Г. Геро показалось, что Московскому Телеграфу *назначено* (?) бышь *однимъ* изъ лучшихъ Журналовъ.

2) Г. Полевой на 159 стр. въ спрокѣ 2, говоришь о Г. Геро, въ отношеніи къ его сужденію о Московскомъ Телеграфѣ: „Французскій Липерашоръ въ Парижѣ, знающій Русскій языкъ, судишь не по наслышкѣ, не по внушеніямъ, не за глаза (?), а съ документами въ рукахъ.“ — Какъ же эшо разумьшь, когда эшошь Французскій Липерашоръ имѣешь передъ глазами переводъ *своей* спашьи въ М. Т., и не можешь самъ рѣшишь, хорошъ ли переводъ; сомнѣваешся, и не знаешь, вѣришь, или не вѣришь сужде-

ніямъ другихъ Журналовъ? Туть что-то не шакъ. П-у-а du louché.

3) Г. Геро говоришь, что Пчела издается Булгаринымъ — ояшь не вѣрное извѣстіе; Булгаринымъ и Гречемъ.

4) Г. Геро изволишь ошибаешься, говоря, что въ 125 Но Сѣверной Пчелы цѣлая колонна посвящена одной ошибкѣ Московскаго Телеграфа. — Развертываю Но 125 Сѣверной Пчелы и вижу, что тамъ являющіяся и *Африканскіе саваны* и *Сирь Барскіе* и *Грипусье*. Впрочемъ, если это вина Издашелей Сѣверной Пчелы, что они посвятили менѣе *полустраницы* своего Журнала ошибкамъ Телеграфа, то самъ же Г. Геро обвиняешь и Телеграфа въ томъ, что онъ посвятилъ цѣлыхъ *семь* страницъ Баснямъ Г. Масловича. Квишь!

Послѣдняя *похвала* Г. Геро Московскому Телеграфу весьма основательна. См. стр. 157 и 158: „Если Изящная Словесность и Науки не могутъ процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не спанемъ на бездѣлки прашить времени, котораго недоспаешь намъ на *досуги* болѣе *возвышенныя* (\*) (???)”. Смодря съ эпой почки зрѣнія, мы упрекнемъ Издашелей Московскаго

(\*) Безъ подлинника не понимаю. *Сог.*

Телеграфа за то, что четвертое опдѣленіе и прибавленіе они занимають *пересказами* (\*) (par des on-dit), дневною хроникою или старыми анекдотами (\*\*); пущь различіе могли бы помѣщаться абрисы нравовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ Наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ спашей, въ кошорыхъ они *обшцили* бышь чуждыми, мы ошсылаемъ Авшоровъ оныхъ къ Басиъ (\*\*\*) , помѣщенной въ Но 17 Телеграфа и нравоученіе кошорой мы позволили себѣ нѣскольکو развить.“

Вошь что дѣльно, то дѣльно! Таковую идею получилъ Г. Геро о Телеграфѣ изъ

---

(\*) Это Журналистика. Не шакъ ли говорилъ Д. Р. К.? *Сог.*

(\*\*) Суцая правда! *Сог.*

(\*\*\*) Нравоученіе сей басни, впрочемъ написанной весьма душно, есть слѣдующее :

Запѣвники бумажныхъ преній!

Вы не бываше умнѣй,

Когда въ пылу шакихъ сраженій

Не виднше, что вы съ браичностью своей

Пошѣхой для однихъ безмысленныхъ судей.

Эта Басня есть то же, что извѣстная пѣсня въ Оперѣ Русалка: „Полно-ше вздорить, начнемъ-ше плясать!“ Просимъ заглянуть въ начало сей спашья. *Сог.*

двух книжек онаго, не взирая на свою благодарность и на все свое сношение. Чтò бы было, если бы онъ видѣлъ полное собраніе Телеграфа?

Результаты моего письма суть слѣдующіе:

1) Показано, какъ противоположно судилъ Г. Полевой о сочиненіяхъ и изданіяхъ Г. Булгарина въ одномъ и томъ же 1825 году. Изъ этого можно заключить о степени безприсрасія Московскаго Телеграфа.

2) Обнаружено, что Г. Полевой не опровергнулъ замѣчаній Д. Р. К. во 2 No С. О., но опдѣлался своими *сбжливостями*, неидущими къ дѣлу.

3) Выбраны доказательства изъ словъ Г. Полеваго, что иностранные Журналы часто судяшь ошибочно о произведеніяхъ Русской Словесности и Литературныхъ, и объяснено, что Русскій Журналъ не тогда хорошъ, когда Издашель иностраннаго Журнала изъ благодарности подчиваешь его вѣжливыми рѣченіями; но тогда, когда изъ Русскаго Журнала переводяшь сшашьи, а сего понинѣ не случилось съ Московскимъ Телеграфомъ.

4) Выписками изъ сшашьи Г. Геро о Московскомъ Телеграфѣ доказано, что онъ какъ ни старался прикрыть вѣжливостями

свои замѣчанія, но не могъ скрыть того, что гораздо сильнѣе обнаружилъ Д. Р. К.

Письмо мое заключаю совѣшомъ, почерпнутымъ изъ сей же сшашьи Г. Геро. „Пора также, очень пора Авторамъ и Кришикамъ оставить нелѣпныя требованія на всеобъемлющую ученость, и заняться съ большею пользою частностями. Хорошо знаютъ только то, что хорошо изучили; а въ наше время, какое знаніе не пребуешь цѣлой жизни и всѣхъ размышленій человѣка!“

Спрашиваю, не по ли безпрестанно вопорали во всѣхъ кришикахъ на Московскій Телеграфъ въ 1825 году? Не по ли говоришь Д. Р. К. въ Кавказскихъ письмахъ? И какія слѣдствія должно извлечь изъ сужденія Г. Геро (\*), когда онъ приводитъ сіе нравоученіе, говоря о Моск. Телеграфѣ? Дѣло ясно.

---

(\*) Г. Геро, человекъ почтенный и отличный Литераторъ. Онъ былъ въ Россіи и довольно хорошо знаетъ по-Русски. Напрасно Г. Издашель Телеграфа похваляется замѣчаніями Г. Геро; по двумъ книжкамъ Телеграфа онъ увидѣлъ въ отдаленіи, что мы выдали вблизи въ настоящемъ видѣ. Мы удословьрены, что когда Г. Геро разбереть подробно Телеграфъ, онъ будетъ нашего мнѣнія. *Изд.*

Во ожиданіи грозной филиппики чешь  
мью и проч.

*Ксенофонтъ Кустарный.*

*Курскъ.*

### III.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

### ПОДРАЖАНІЕ ХСІІІ ПСАЛМУ.

Отверзись, неба край святой,  
Сойди на землю, судъ правдивый!  
Низришь во прахъ кумирь нѣмой,  
И сильныхъ замыслъ горделивый!  
Яви ничтожность ихъ дружинъ  
Предъ силою швосей священной;  
Речешь! — и крѣпкій исполнишь  
Падешь, какъ вихремъ дубъ сраженный!

А вы, жестокія сердца,  
Сыны неправды! шрепещите,  
И правосуднаго Творца  
О милосердіи молише.  
Придешь, придешь ошмщенья часъ:  
Громъ грянешь! — лучъ померкнешь свѣша!  
Раздасяся Бога грозный гласъ,  
И воззовешь васъ для ошвѣша!...

И часъ сей близокъ, онъ грядетъ!  
Гошovy громы раздраженны!

Ужасная награда ждешь  
Васъ, злата узники презрѣны! —  
Небесный пламень закипнеть,  
И снидетъ Ангель испребленья;  
Вѣшь мира праведнымъ вручитьъ,  
А гордымъ — страшный мечъ ошмщенья!

Гдѣ жъ вашимъ замысламъ конецъ,  
Рабы, спрасьями омраченны?  
Когда и шронъ и гласъ сердце  
И Вѣра будутъ вамъ священны?  
Когда преспанете вѣщати  
Неправду, льштивными ушями;  
Царей законы попирашь,  
И бѣднаго играть слезами? —

Вы мыслише: — не видишь Богъ,  
Не долешяшъ къ нему моленья?  
Нѣтъ! — жизнь всему Кшо дашь возмогъ  
Единымъ перспа мановеньемъ,  
Кшо ушвердилъ моря въ брегахъ,  
Кшо положилъ всему предѣла,  
Тошъ узришь замыслъ злой въ сердцахъ,  
И сокрушишь коваршва шрѣлы!

Но шотъ блаженъ, кто правду чшишь,  
Громовъ въ безильныхъ не кидаешь;  
Съ судьбой несчастнаго мирншь,  
И гласу бѣдноспи внимаешь. —  
Онъ всюду швердъ, неколебимъ;  
Не гордъ, хотя великъ дѣлами;  
Взоръ Всемогущаго надъ нимъ,  
Онъ ошпенъ его крилами! —

Зришь естраши буйныя сердецъ  
 Несмѣнныхъ, какъ крупныя града;  
 Къ Творцу взываешь, и Творецъ  
 Даруешь щипъ отъ злобы ада.  
 И прахъ исчезъ — злодѣвъ итъ! —  
 Толпы безмысленныхъ не спало!  
 Все озарилъ собою свѣтъ,  
 И добродѣтель возсіяла! —

Гремите жъ пѣснь Царю Царей,  
 Взыграйте, струны пробужденны!  
 Да поразитъ вашъ звукъ сильнѣй  
 Жестокихъ сонмища надменны!  
 Воспоржествуй, свящый Сіонъ! —  
 Да воцарится всюду радость!  
 Живъ Богъ! — и свящъ Его законъ:  
 Неправымъ казнь — правдымъ благоспѣ..

*Фонъ-Кронекъ.*

*Кострома.*

IV.  
**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ  
 И ПОЛИТИКА.**

**Историческое и политическое обо-  
 зрѣніе происшествій 1826 года.**

( *Продолженіе.* )

Народонаселеніе *Пруссіи* быспро умно-  
 жается. При смерти Фридриха Великаго, въ  
 семь Королевствъ не было 6 миллионъ  
 жителей, въ послѣдовавшее десятилѣтіе при-  
 было 1,700,000 душъ, а нынѣ считаеися  
 всего 12,225,000 жителей, изъ коихъ болѣе  
 220,000 въ Берлинѣ, и 82,234 въ Бреславлѣ,  
 кромѣ военныхъ. Столица была безпрерыв-  
 но украшаема и распростираема. Король  
 посѣдилъ въ семь году Кенгсбергъ и про-  
 должалъ пушъ въ Померанію. Наслѣдный  
 Принцъ также посѣдилъ Померанію, другія  
 Прусскія области, Гамбургъ и Королевство  
 Нидерландское. Въ Рейнскихъ областяхъ и  
 другихъ частяхъ Государства учинены бы-  
 ли распоряженія о созваніи Чиновъ, а въ  
 первыхъ возвращены права Дворянству. Вер-  
 ховный Земскій Судъ въ Бреславлѣ приго-  
 ворилъ нѣсколькихъ членовъ такъ называе-  
 маго *Союза* юношей въ Келеникъ къ нака-  
 занію не строгому, по мѣрѣ ихъ преспу-  
 пленія. Въ Прусскихъ владѣніяхъ также по-

зволено было собирать въ пользу бѣдствующихъ Грековъ; сборъ сей былъ весьма значительнъ.

*Германскому Союзу* сданы были двѣ союзныя крѣпости Майнцъ и Люксембургъ, первая уже 15 Декабря прошедшаго года. *Баварія* все болѣе и болѣе процвѣтала подъ мудрымъ, бережливымъ и богатымъ преобразованиемъ правленіемъ великодушнаго покровителя Наукъ и Художествъ, Короля своего, который въ теченіе сего года, предпринималъ путешествіе въ Испанію. Великолѣпная столица, Мюнхенъ, была украшена новыми зданіями. Король щедро помогалъ нуждающимся Грекамъ, и позволялъ многимъ своимъ офицерамъ отправиться въ Грецію. Въ короткое время Мюнхенъ лишился трехъ знаменитѣйшихъ мужей: Сликса, Фрауенгофера и Рейхенбаха. Извѣстный Естествоиспытатель и Философъ Шеллингъ сдѣланъ былъ Директоромъ Академіи Художествъ. Ландсгутскій Университетъ переведенъ былъ въ Мюнхенъ. Въ Баваріи Дворянство нынѣ весьма многочисленно: оно состоить изъ 1384 домовъ, въ числѣ коихъ 13 Княжескихъ; число Жидовъ въ семь Королевствъ простирается до 53,402. Королевство *Виртембергское* также постепенно возрастало подъ мудрымъ и просвѣщеннымъ правлені-

емъ. Король посѣтилъ въ семь году Веймаръ и Ливорно. Государственные Чины собрались 1 Декабря. *Саксонія*, долго управляемая Королемъ своимъ, наслаждалась счастливымъ спокойствіемъ и благопріятнымъ положеніемъ финансовъ. Въ Дрезденъ счисляется нынѣ 72,000 жителей, не включая военныхъ. Въ Лейпцигѣ снова наряжены были Коммисіи, для разысканія непопулярныхъ студентскихъ обществъ. Переходъ Герцога *Ангальтъ-Кетенскаго* къ Каполическому вѣроисповѣданію надѣлалъ въ Германіи много шума. Съ другой стороны Князь Сальмъ-Сальмскій перешелъ къ Протестантской Церкви. Герцогство *Саксенъ-Готское* и *Альтенбургское*, въ слѣдствіе договора, раздѣлены были между тремя Саксонскими Герцогскими домами, *Кобургскимъ*, *Мейнингенскимъ* и *Гильдбурггаузенскимъ*. По сему раздѣлу и учиненному въ семь случаевъ размѣну, Герцогство Гильдбурггаузенское исчезло изъ числа самостоятельныхъ Нѣмецкихъ Государствъ, и на мѣсто онаго поступило Герцогство Альтенбургское. Княжество *Рейсъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфское* было зрѣлищемъ кровавыхъ явленій. Военная сила должна была укротить смирныхъ крестьянъ, непохѣвшихъ давать заологовъ въ спреховыхъ взносахъ на случай

пожара; 20 крестьянъ были убиты или умерли отъ полученныхъ ранъ, 80 были шолько ранены. Въ *Ганноверскомъ* Королевствѣ собраніе Чиновъ открыто было 23 Января, а закрыто 27 Апрѣля. Погашеніе долговъ продолжалось тамъ съ успѣхомъ, также приложено было попеченіе объ оживленіи торговли и ремесль. Осенью происходили большіе маневры близъ столицы. Въ семь году было тамъ много ужасныхъ пожаровъ, кошорые, можеть бысть, не всѣ произошли случайно. Столица Курфиршества *Гессенъ-Кассельскаго* была значительна распространена. Въ Герцогствѣ *Гессенъ-Дармштадтскомъ* Чины собрались 3 Сентября, въ Княжествѣ *Нассавамъ* 20 Февраля. Изъ числа *Имперскихъ городовъ*, болѣе всего пострадалъ отъ великаго недостатка въ денежномъ обращеніи *Франкфуртъ*, въ коемъ важнѣйшій торгъ производился облигаціями; напрошивъ того оказалась въ сію эпоху швердоссть торговли *Гамбурга*. Здѣсь ни одинъ домъ не упалъ отъ сего несчастія; вообще менѣе всего пошерѣли отъ онаго сей городъ и Парижъ. Въ 1825 году прибыло въ Гамбургъ 1863 корабля (257 болѣе, чѣмъ въ Амстердамѣ), а оплыло изъ онаго 1858. Родилось 3848, умерло 3509 человекъ. Въ Любекъ, гдѣ открытъ новый шерстя-

ной рынокъ, умерло 626, родилось 741 человекъ. Украшеніе Гамбурга и его окрестностей пошюянно продолжается съ прежнею ревностію; рядъ новыхъ строеній поднялся въ семь году между Гамбургомъ и Альтоною, а будущю весною будеть окончень новый Театръ. Американская и Вестъ-Индская торговля безпрерывно спановилась важнѣе какъ для Гамбурга, такъ и для *Бремена*, и торговыя предпріянія сихъ городовъ проспирались не шолько въ опдаленнѣйшія области Новаго Свѣта, Перу и Хили, но и въ Синкапоръ и другія воспочныя и южныя Индійскія гавани. Значительное учасіе въ сихъ предпріяніяхъ принимала *Рейнско-Вестъ-Индская Компанія*, кошорая даже снаряжаеть экспедиціи въ Кипай, и наслаждается полнымъ успѣхомъ, преимущественно полезнымъ для оживленія ремесль въ Германіи. Позволеніе ввозить хлѣбъ въ Англію и возвышеніе цѣнъ на жишо снова оживили померкшую надежду земленашцевъ въ Германіи; напрошивъ того замѣчено, что овцеводство въ послѣдніе годы тамъ шльшкомъ распространилось, такъ, что не было довольно сбыту. Двое опличнѣйшихъ Спихотворцевъ переселились въ семь году въ другой міръ: безсмертный *Швецъ Луизы* и Переводчикъ Гомера, *Юаннъ*

Гейрихъ Фоссъ умеръ 29 Марта въ Гейдельбергъ, а близь онаго въ Швейцингенъ, скончался 21 Сентября Сочинитель милыхъ Аллеманскихъ пѣсень, Гебель. — Для Германіи, кошорая въ Дашскомъ Поэзіи, Генсъ Баггезенъ, лишилась также одного изъ Корифеевъ своей Литературы, сія потеря пѣтъ чувствительнѣе, что въ числѣ 60,000 книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1814 года преимущественно по части Поэзіи и Изящной Словесности, столь обильной числомъ, мало находишся существеннаго и прочнаго: съ сего періода можно считать начало серебрянаго вѣка Нѣмецкой Словесности. Еще заслуживаютъ быть упомянутыми извѣстный Астрономъ Боде, родившійся въ Гамбургъ, умершій въ Берлинъ 23 Ноября на 80 году, и знаменитый Музыко-сочинитель, Карлъ Марія Веберъ, 39 лѣтъ, умершій 5 Юня въ Лондонъ. Открытыя въ Фрейбургъ, что въ Бригавъ, древнія гробницы общающъ распространить новый свѣтъ на древнюю Исторію Германіи.

*Данія* начала Новый годъ въ счастливыхъ обстоятельствѣхъ. Сія Монархія, кошорой нынѣ минуло 29 столѣтій и кошорая уже 378 лѣтъ находишся подъ благодѣтельнымъ правленіемъ Ольденбургскаго Дома, праздновала 14 Мая тысячелѣтніе ве-

денія Вѣры Христіанской, освященіемъ церкви при великолѣпномъ Христіанбургскомъ замкѣ, сгорѣвшемъ за три десятилѣтія, и обрученіемъ Принца Фридриха Карла Христіана (род. 6 Октябрю 1808 года), со второю дочерью Короля, Принцессою Вильгельминою Марією (род. 17 Января 1808 года). Хотя жатва въ нынѣшнемъ году была въ Даніи не весьма обильна, однако же вновь открытый ввозъ хлѣба въ Англію и потребность Швеціи подкрѣпили упавшій духъ земледѣльцевъ и уже въ семь году оказывали благодѣтельное свое вліяніе. Между пѣтъ Востъ-Индскіе острова имѣли такую богатую жатву, что оною могли покрыть недоспашокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Островъ Св. Томы опять потерпѣлъ отъ ужаснаго пожара, а Западный берегъ Герцогеншвъ отъ повальной болѣзни, кошорой однако не многіе люди сдѣлались жертвою: и шось и другая были сдѣланы жаровъ и засухи. Съ Сѣверною Америкою заключенъ былъ торговый договоръ, на основаніи важныхъ взаимныхъ услугъ. Въ различныхъ мѣстахъ западнаго берега открыты богатые желѣзные жилы. Правительство ревностно пеклось объ улучшеніи скоповодства, принадлежащаго къ важнѣйшимъ источникамъ Государственныхъ доходовъ.

Данія лишилась въ семь году одного изъ отличнѣйшихъ Стихшворцевъ своихъ, Иенса Баггезена, который, прешеривъ жесточайшіе удары судьбы, умеръ на возвращномъ пути изъ Гамбурга. Нынѣ народонаселеніе Даніи составляетъ 1,171,278, Шлезвига 323,225, Голштиніи 401,520, Лауенбурга 35,000, Исландіи на 50,000, Феррейрскихъ острововъ 5200, Гренландіи 46,000 душъ. Число жителей въ Акрѣ, важной Датской области на Золотомъ берегу Африки, которая величиною своею равняется Датскому Королевству и со временемъ, можетъ быть, заслужитъ еще большее вниманіе, какъ поселеніе преступниковъ (равно какъ и въ Ост-Индскихъ владѣніяхъ) не означено. Въ 1825 году 13,163 корабля заплащили пошлину въ Зундѣ; въ Копенгагенѣ, коего народонаселеніе полагается нынѣ въ 108,000 человекъ, родилось 3280, умерло 3201 чел.; повсюду число жителей быстро возрастаетъ.

*Швеція* имѣетъ нынѣ 2,724,778 душъ, а столица оной, Стокгольмъ, (въ которой прошедшаго года родилось 2692, умерло 2,780 чел.) 72,137 душъ. И въ семь Королевствъ мѣсяць Май возбудилъ радостнѣйшія чувства: 3 числа, любимая всеми Наслѣдная Принцесса Швеціи разрышилась ошъ бремени будущимъ Наслѣдникомъ престола,

который получилъ титулъ Герцога Шоненскаго или Сканійскаго. Въ начавшемся нынѣ году будещъ окончена исполнская работа Гетскаго канала, коего постройка началась въ 1809 году и ежегодно стоила ошъ 4 до 500,000 рейхсгалеровъ; за то въ послѣдствіи времени, ошъ будещъ доставлять величайшія выгоды для сбыту Шведскихъ произведеній. Къ достопамятностямъ сего года принадлежали ужасные лѣсные пожары, которые распространились до того, что подвергли самую столицу величайшей опасности. По причинѣ неудачной жашвы, понижена была пошлина на нѣкоторые роды жаша, и Правительство предприняло пошребныя мѣры для предупрежденія дороговизны хлѣба. Въ сѣверной *Норвегій* жашва также была не обильна въ 1825 году, но заботливость начальства ошврашила недоспашокъ; въ 1826 году, сія часть Королевства наслаждалась обиліемъ хлѣба, между тѣмъ какъ южная шерсть недоспашокъ въ ономъ. Предприняты были сильныя мѣры прошиву размноженія волковъ. Ужасный пожаръ превратилъ большую часть Фридрихсгалла въ пепель. Хрисціанія распространяется и украшается новыми зданіями; народонаселеніе сильно возрастаетъ въ сей столицѣ. Въ концѣ года, Норвегцы занимались выбо-

рами къ будущему Споршингу, на копоромъ, какъ ожидаютъ, разсуждаемо будетъ о важныхъ предметахъ. — Въ семь году скончалась супруга бывшего Короля Шведскаго, Густава-Адольфа IV, урожденная Принцесса Баденская. Шведы принимаютъ пламенное участіе въ политическихъ происшествіяхъ всего міра, въ чемъ свидѣтельствуя шамоніе публичные листки. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ и опвергнуто предложеніе спрости въ Шведскихъ гаваняхъ военные корабли для Египта.

*(Продолженіе впрѣдъ.)*

## V. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

### Н О В Ы Я   К Н И Г И .

1 8 2 7 .

- Нравственная Философія.*
13. *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты дочери своей. Сочин. Г-жи Таньской. Съ 4 (Поляскаго) изданія перевела Е. М. С.п.б., въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1827, съ заглавною вишенькою, изображающею дочь, сидящую у памятника*

матери съ книгою ея совѣтовъ. XIV — 374 стр. въ 12 д. л.

- (Эта одна изъ лучшихъ книгъ для нравственнаго образованія молодыхъ дѣвицъ. Въ ней преподаны спасительныя совѣты для сердца и разума, указаны пути добродѣтелей и означены мрачныя пропы пороковъ. Кроме сего, книга сія содержитъ въ себѣ весьма хорошія наставленія о томъ, чему молодая дѣвица должна учиться, какія знанія, какія пріятныя искусства ей приличны и нужны; какъ молодая дѣвица и молодая женщина должны себя вести въ свѣтъ и въ собственномъ семействѣ; какъ сберегать свое здоровье, завѣдывать домомъ и хозяйствомъ и пр. и пр. Переводчица удостоилась поднести свой переводъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и была осчастливлена лестнымъ одобреніемъ Ея Императорскаго Величества.)
14. *Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предмьстія, или замьчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г. Кольне, служащее продолженіемъ Французскихъ нравовъ Г. Жуи. Перев. съ Франц. А. О. Часть II. С.п.б. въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома. 1826. 145 стр. въ 12 д. л.*

(Всякое успѣшное дѣло имѣеть своихъ подражателей и послѣдователей. Эша аксіома въ особенности можеть быть примѣнена въ Лишерашурѣ. Когда въ началѣ минувшаго десятилѣтія, Г. Жуи началъ издавать своего Пустыинника, шо по его слѣдамъ начали являться во Франціи шолпы опшелъниковъ среди большаго города, бродящихъ шариковъ, неугомонныхъ говоруновъ. Почти весь они, подь предлогомъ наблюденія нравовъ, выманивали деньги и скуку чашашелей. Изъ эшой шолпы, должно однако же исключити Гг. Ружемона (Rougemont), Кольне и Г-жу Софію П.... Первый изъ нихъ въ *Бродягъ* (le Rodeur), второй въ *Пустыинникъ С. Жерменскаго предмѣстія*, и послѣдній въ *Уличномъ Писарѣ* (l'Écrivain public), показали опшличную способность въ наблюденіи нравовъ и даръ выславлять оные въ видѣ занимательномъ. Французскіе Журналы опдали полную справедливостъ симъ шрель Писателямъ, и, безъ сомнѣнія, шѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои любяшъ чашашъ кнѣги на Рускомъ языкѣ, найдутъ въ Пустыинникѣ *Сен-Жерменскаго предмѣстія*, по уму и по образу его мыслей, младшаго брата Пустыинниковъ Аншенскаго, Гвианскаго и другихъ, коихъ наблюденія переданы намъ опспроумнымъ Жуи. Русскій переводъ очень хорошъ: Переводчикъ хорошо выкинулъ въ духъ своего Авшора и весьма вѣрно подражалъ легкому, живому его слогу.)

# СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VII.

I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(Продолженіе.)

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ ЮЛИИ БЛЕНГВЕЙМЪ.

*Наканунъ моего отъѣзда изъ замка Бленгвеймъ.*

Ужасная минуша наступила! Мнѣ должно ѣхать, оставивъ жилище юныхъ дней моихъ. Оцекунъ мой прислалъ за мною карешу, шребуешъ чшобы я носѣшила заняшъ мѣсто, выпрошенное имъ для меня, сироты, ему ввѣренной. — Должно повиноваться! Чшо буду я дѣлать при Дворѣ безъ доброй пещушки, заснувшей мѣсто моихъ родителей, кошорыхъ, увѣ! я даже и не помню!... Но воспоминаніе о ней никогда не изгладится изъ сердца моего, ею образованнаго. Мнѣ кажется, чшо я еще вижу ее на одрѣ смерти, когда она, слабо держа моя руку, съ нѣжностію успремилла

на меня угасающей взорь свой. „Юлія,“ говорила она: „я тебя оставляю: о, если бы я могла и опшуда охранять тебя отъ всѣхъ опасностей, копорыми ты окружена будешь! Общай мнѣ, любезное дитя, на блестящемъ поприщѣ, куда призываетъ тебя судьба, сохранишь въ добродѣтели, копорыя спаралась я внушить тебѣ. Не полагайся никогда на себя, на свою чувствительность. Общай мнѣ, Юлія, всякій вечеръ, прежде нежели ты ляжешь спать, отдавай опщешь совѣсти своей во всѣхъ своихъ мысляхъ и поступкахъ въ продолженіе дня, и въ то же время описывай ихъ.“ Я дала ей слово, и сдержу его. Дай Богъ, чшобы мнѣ никогда не случилось писать ничего такого, чшó бы могло огорчить душу ея, наслаждающуюся ненарушимымъ спокойствіемъ. Любезная пешушка! безцѣнный другъ мой! Дай Богъ, чшобы Юлія пребыла навсегда достойною любви швоей! Опъ г-жи Нагелинь, моей надзирательницы, взяла она обшцаніе никогда не оставлять меня: ахъ, она заботилась обо мнѣ, какъ о родной своей дочери! Опекунь мой изьявляетъ мнѣ въ письмѣ доброе расположение свое и супруги своей. О, я надюсь, чшо вездѣ найду друзей и покровителей: однако, оставляя шихое сіе обшцище и

вступая въ шумный свѣтъ, кошь и привлекательный для меня, сердце мое опщуетъ чшо-шо горестное: радосшь и печаль, спрахъ и надежда, превожашъ мою душу: не знаю, копорому изъ сихъ чувствъ должна я болѣе предаваться.

*Въ день моего пріѣзда.*

Неужели я въ самомъ дѣлѣ нахожусь въ столицѣ, за 30 миль отъ Бленгейма?... Мнѣ кажется, чшо это сонъ!... Дорогою, я почти безпрестанно думала, чшо это жилище совсѣмъ не будетъ сходно съ шѣмъ, копорое я оставила; но, къ чему послужили всѣ мои разсужденія? Существенность превзошла все, чшо я могла вообразить. Правда, добрая моя г-жа Нагелинь приготовляла меня къ новымъ предметамъ, рассказывая дорогою о всемъ шомъ, чшó я увижу, о названіи улицъ, о многихъ извѣстныхъ зданіяхъ, и о шомъ, какую жизнь ведутъ здѣсь знашные люди. Удивленіе мое, когда я слушала, было смѣшано съ какою-шо робосшію и непрерывіемъ видѣшь все поскорѣе; но чшо значило оно въ сравненіи съ шѣмъ чувствомъ, копорое овладѣло мною, когда мы провзжали разныя улицы, прежде, нежели достигли великолѣпнаго зданія, въ копоромъ

живеть мой опекунъ; когда я видѣла мно-  
жество экипажей, спремѣющихся одинъ за  
другимъ, полны женщинъ и мужчинъ, дерзко  
заглядывающихъ въ нашу карету: ахъ, по-  
гда съ шрудомъ могла я удерживать свои  
слезы!... Всѣ предметы, встрѣчавшіеся гла-  
замъ моимъ, были для меня шакъ новы!...  
Безспыдное любопытство незнакомцевъ  
оскорбляло меня. Врожденно, удивленіе мое,  
смѣшанное съ какимъ-то непріятнымъ чув-  
ствомъ, ясно изображалось на лицѣ моемъ,  
ибо я видѣла, что многіе, взглядывая на  
меня, улыбались, и это самое умножало  
мое смущеніе. Уградскихъ воровъ повстрѣ-  
чалась намъ карета владѣтельнаго Герцога,  
ошправляющаяся въ увеселительный замокъ:  
въ ней сидѣла Герцогиня, при видѣ кошо-  
рой почпаліонъ нашъ снялъ шляпу и пово-  
рошилъ въ сторону. Съ восторгомъ разсма-  
тривала я блестящій экипажъ; въ шу же  
минушу подумала, что сама въ скоромъ вре-  
мени буду ѣздить въ немъ, и гошова была  
сообщить почпаліону о радостныхъ моихъ  
надеждахъ. Въ самую шу минушу провхалъ  
мимо насъ молодой человекъ, верхомъ. Кра-  
сивый мундиръ его и пріятная наружность  
засшавили меня взглянуть на него. Онъ по-  
клонился мнѣ весьма учштиво. Я пришла въ  
смущеніе, покрасилъа и немедленно спряща-

лась въ карету. „Эшо нашъ Герцогъ,“ —  
сказалъ почпаліонъ. Боже мой! какъ я ис-  
пугалась!... Что подумаешь онъ обо мнѣ?  
Мнѣ должно было ему поклониться, а я,  
вмѣсто того ошворопилась.

Здѣсь, у опекуна моего, оказывають  
мнѣ много вниманія. Когда я прѣвхала, онъ  
самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу: я дрожала  
и съ удовольствіемъ приняла его руку. Онъ  
привелъ меня въ мою комнату. „Ошдохни-  
ше, любезная Юлія,“ сказалъ онъ мнѣ ласко-  
во: „я сей часъ пришлю къ вамъ Графиню.“  
Онъ ушелъ. Г-жа Нагелинъ намѣревалась  
шакже удалиться; со слезами просила я ее  
не ошавлять меня, но она ошвѣчала, что  
пора уже мнѣ привыкать обходиться безъ  
нее, чего пребовало и свѣское приличіе.  
Мнѣ казалось, что она не очень была до-  
вольна пріемомъ, намъ сдѣланнымъ. „Эшо  
г-жа Нагелинъ,“ сказала я съ робостію  
опекуну моему, когда, при встрѣчѣ его со  
мною, выходила изъ кареты. „Да, я знаю,  
она ваша надзирашельница,“ и — послѣ  
шого не сказалъ онъ ей ни слова. Какъ  
мнѣ жаль, что при первомъ шагѣ моемъ  
сюда, огорчили шакъ мою пріятельни-  
цу! — Неужели этому шакъ бытъ должно?

Можешь бышь, свѣшу неизвѣстно дружесиво... За всѣмъ гнѣмъ, эпо кажешся мнѣ весьма дурнымъ предзнаменованіемъ.

Обращеніе Графини Винфельдъ не очень мнѣ нравишся. Ея холодность... но, можешь бышь я ошибаюсь. Она мнѣ говорила, что часто бываешь больна; я этому вѣрю, пошому, что лице ея шакъ блѣдно. Г-жа Нагелинъ думаешь, что эпа блѣдность происходитъ отъ излишняго упошребленія румянъ, необходимыхъ для придворныхъ дамъ. „Меня ужъ не принудашъ къ этому“ сказала я ей. Она засмѣялась: „теперь и не зачьмъ,“ отвѣчала она: „пошому что цвѣшь лица вашего шакъ еще хорошь; но когда суешливая придворная жизнь испребишь его, шакъ вѣдь должно же будешь замѣнишь недоспашокъ искусшвомъ?“ Боже мой! шакъ эпо-шо называюшь свѣтскими удовольствіями?... Ахъ! какъ справедливо описывалъ ихъ добрый нашъ Пасторъ!... Такъ, здѣшь-шо бываюшь недовольны сами собою: уже я на себя испышываю. Графиня приказала мнѣ ишши за нею въ гостиную и рекомендовала меня многимъ дамамъ и мужчинамъ, которые шупъ находились; спрахъ и смущеніе свдзывали мой языкъ; я молчала, и

думаю, что пошупъ моя, поклоны и всѣ шѣлодвиженія должны были казашся неловкими и смѣшными; къ шому же лице мое разгорѣлось и конечно было безобразно: волосы шакъ расшрепались... Раземашривая красивую прическу дамъ, бывшихъ у Графини, смущеніе мое увеличивалось, а мысль, что эпо происходишь, можешь бышь, отъ гордости, чрезвычайно меня огорчала. Дай Богъ, чтобы впредь подобныя движенія никогда не возникали въ душѣ моей!...

*Спустя девять дней.*

Какіе полезные и пріятные предметшы являюшся глазамъ моимъ! Какъ весело смошрѣшь на разныя вещи, изобрѣшенныя умомъ человѣческимъ! Какова же должна бышь премудрость Всемогущаго, когда и человекъ, швореніе рукъ Его, можешь выдумашъ споль много хорошаго! Великій Боже! даруй, чтобы я никогда не забывала величія Твоего и милосердія!... Но что я говорю? Можно ли позабышь ихъ, когда всѣ предметшы, меня окружаюшце, безпреспанно возбуждаюшь сердце мое къ наслажденію и благодарности?

Вчера я была въ церкви и слушала духовный концертъ. Ахъ! и шеперь еще эта музыка раздается въ душѣ моей: мнѣ казалось, что я была на небесахъ и внимала хору Ангеловъ. Тушъ, въ первый разъ видѣла я старую Герцогиню и Владѣшельнаго Герцога; въ семь послѣднемъ шотчасъ узнала шого молодого челоувѣка, котораго видѣла у градскихъ воровъ; вспомнивъ, какъ я шогда ошъ него спряшалась, я покраснѣла, конечно и ошъ не позабылъ шого, пошому, что взглянувъ на меня, улыбулся; пошомъ безпреспанно смотрѣлъ на меня: большіе черные глаза его прекрасны, но мнѣ не нравился ихъ выраженіе. Графинѣ невозможно было предспавить меня Герцогинѣ въ церкви; я шолько поклонилась ей издали. При звукахъ шоржешественной музыки, увидѣла я шѣхъ, ошъ которыхъ будешь зависѣшь моя учась: дай Богъ, чшобъ это было хорощимъ предзнаменованіемъ! Какъ расшрогало меня чувшво набожншши, виднное мною на лицахъ всѣхъ придворныхъ! Нельзя было не замѣшшь вниманія и усердія молящихся. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь люди наиболѣе должны прибравъ къ помощи Всевышняго; Ошъ шолько Одинъ можешь успокоить души ихъ, шоль часто возмущаемыя мірскимъ шреводненіемъ. Въ деревнѣ, добрые поселане,

по бѣльшей части швердо уже увѣренъ въ милосердіи Божиемъ, и пошому молишва ихъ бываешь спокойна. Образъ набожншши сихъ послѣднихъ шрогаешь мое сердце, но чувшво благоговѣнія первыхъ совершенно увлекаешь и возвышаетъ мою душу. Завтра я буду предспавлена Герцогинѣ: какъ спрашшь меня мысль объ этой минутѣ! Только сего дня Графиня разговаривала со мною о обязанншсахъ Спашсъ - Дамы: она сама исправляла эту должншшь двадцать лѣтъ. Когда же, назадъ пому нѣсколько мѣсяцевъ, она вышла за Графа, шо Герцогиня спросила, нѣшь ли у него въ родствѣ какой дѣвицы, которая могла бы засшупить ея мѣсно; ошъ говорилъ обо мшѣ, какъ о дочери его друга, имѣ ему вѣренной, и Герцогиня согласилась взять меня къ себѣ. Такъ - шо и всегда бываешь на землѣ: на мѣсно удающаго лшсточка, произраспаешь другой. Чашю случается, чшю непредвиднныя обшшюшельства дѣлають положеніе наше совѣмъ ошлччнымъ ошъ шого, которое, по видшмому, судьба для насъ назначала. Все шроисходштъ по изволенію Божию. Надобно, чшобы я попала къ Двору. Ахъ, какъ бы я желала, чшобы чась предспавленія моего шамъ уже миновался! И ошнѣ видѣ двorca, сего древлшго зданія, шриводшшь меня въ

ужась. По ушпру, когда мы капались вмѣстѣ съ Графиней и проѣзжали мимо, она указала мнѣ на два небольшія окошка и сказала: „вошь швое будущее жилище, Юлія; оно было и моимъ: дай Богъ, чшобъ шы проводила въ немъ время споль же пріятно, какъ я, и съ шакими же радостными чувшвами его оставила!“ Мнѣ показалось, что она произнесла эши слова съ какимъ-шо увыніемъ: вдругъ предшавилось мнѣ, что эшо жилище будешь моею гробницею, и чувъ было я не заплакала. Ахъ! зачѣмъ опекунь мой рекомендовалъ меня Герцогинѣ?..... Я чувшвую себя совершенно неспособною къ придворной жизни.

---

*На другой день моего представленія ко Двору.*

Какъ смѣшенъ кажешся мнѣ вчерашній спрахъ мой! Право, я никакъ не воображала, чшобы все шакъ скоро и хорошо кончилось. — Добрая Герцогиня! какъ она меня обласкала!..... Взоры ея ободрили унылый духъ мой.... я съ нѣжностію поцѣловала ея руку; она посадила меня возлѣ себя на шабурешъ, и распрашивала, какъ проводила я время въ деревнѣ и чѣмъ шамъ занималась. Думаю, что мои отвѣсы были со-

вершенно прошивны придворному пону. Герцогиня съ Графиней часшо посмашривали другъ на друга; первая улыбалась, по улыбка ея изъявляла добродушіе. Пошомъ повела она меня по комнашамъ и показывала мнѣ разныя каршины, шашуи, и фамилные поршрешы. Я видѣла шуть разныя вещи и, между прочимъ, часы съ музыкою: ахъ! какъ эшо прекрасно! Герцогиня подарила мнѣ маленькую золоную пшичку; когда допронешся до пружинки, подъ крыломъ, шо пшичка поешъ, какъ живая. Какъ благодарна я Герцогинѣ за шакой прекрасный подарокъ! Какъ привлекательшо ея обхождение! какъ хороши, какъ пріятны всѣ слова ея! Съ какимъ нѣжнымъ чувшвомъ говорила она о сыновьяхъ своихъ, указывая мнѣ на ихъ поршрешы. Младшого изъ нихъ, Принца Карла, здѣсь нѣшь; при гоа уже, какъ онъ ошправился, съ войскомъ, въ Восточную Индію. Долго смошрѣла я на его изображение: онъ показался мнѣ споль же хорошъ, какъ и брашъ его, шолько взоры Принца, одушевленные какою-шо нѣжностію, дѣлаюшь его гораздо пріятнише; глаза же Герцога изъявляюшь нѣчшо гордое, мрачное и даже злобное....

---

Скоро мнѣ можно будетъ свободнѣе разсмащривать фамильные поршреты и всѣ картины; чрезъ нѣсколько дней, надобно вступитъ въ назначенную мнѣ должность: Герцогиня не намѣрена опсрочивать долге; правду скажешь, я и сама съ нешерпнѣемъ ожидаю этой минушы. Какъ непостоянно сердце человѣческое! Теперъ я чрезмѣрно желаю, чего прежде такъ спрашила; однако я чувствую, что не щиславие мое, не великолѣпие, виднное мною во дворцѣ, вскружили мнѣ голову; нѣшь, добродушие Принцессы, ласковое обхождение ея, уврпенность въ ея покровительствѣ и сладостная надежда заслужитъ ея благоволеніе; вощ что перемѣнило мои мысли! Но — теперъ уже я не думаю, чтооь онѣ могли еще разъ перемѣниться. Сохрани меня Боже ошь шакого легкомыслия: я довольна настоящимъ моимъ положеніемъ, и ничего не желаю болѣе.

*Слуста нѣсколько дней.*

Баронесса Габріель конечно меня спарфе: это показывается и лице ея и поступки; однако она всегда хочешь во всемъ равняться со мною. Если я украшаю волосы моей розовою гирляндю, на другой день Баронесса надъваетъ шочно такую же; когда

я бѣгу по лѣспнищѣ, въ наши комнаты, Баронесса также спѣшитъ, чтообы не опснать ошь меня. Третьяго дня я была очень виновата передъ нею: я побѣжала нарочно скорѣе обмкновеннаго; она пошоропилась, и такъ запыхалась, взбѣжавши на верхъ крыльца, что не могла произнести ни слова, и сильно кашляла. Я взглянула и засмѣялась. О! какъ сурово посмошрѣла она тогда на меня, и я замѣчаю, что съ шѣхъ поръ она какъ будто спарается при всякомъ случаѣ сказать мнѣ что нибудь непріятное. Ахъ! какъ она досадила мнѣ вчера: Герцогъ пришелъ навѣститъ мать свою; Герцогиня, чтообы занять его, предложила каждому изъ бывшихъ шупъ, взять роль какой нибудь особы изъ Исторіи, Романа, или изъ театральннй піесы, и въ продолженіе вечера выдерживать ее: она надѣялась, что такая забава послужитъ развлеченіемъ для всѣхъ. Никто не осмѣлился опсказаться ошь ея предложенія: я шрепешала и не знала, какое лице должна буду взять на себя и какъ говорить, представляя его: мнѣ казалось это чрезвычайно спраннымъ. Смущеніе мое спановилось примѣшнымъ; какъ вдругъ Баронесса съ громкимъ смѣхомъ сказала мнѣ: „что вы такъ задумались, Графиня? Не вспомните ли волшеб-

ныя сказки, какія слыхали въ деревнѣ ошъ своихъ нянюшекъ, чшобы выбрать для себя какую нибудь ролю? . . .“ Эпи слова умножили мое замѣшательство: я покраснѣла; слезы вышупили изъ глазъ моихъ. Въ самую ту минушу Герцогъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ и, помнился, сказалъ сѣдующее: „конечно Графиня Юлія возьметъ для себя роль Сандрильоны, кошорая, подобно разцвѣтшей розѣ, явилась, зашмила красошою своею старшихъ сестеръ и самого Царя зашвила преклонить предъ собою колѣна.“ Баронесса поблѣднѣла, а я, ободренная такими словами, осмѣлилась взглянуть на всѣхъ и увидѣла, чшо Герцогиня, бросивъ сердитый взглядъ на Баронессу, посмошрѣла на меня, но уже не съ обыкновеннымъ добродушіемъ. Не знаю, въ чемъ провинилась я предъ нею . . .

Игра прервалась въ самомъ началѣ, чему и весьма обрадовалась. Герцогъ, казалось, былъ чѣмъ-шо недоволенъ. Герцогиня находилась въ замѣшательствѣ, выдумывала другія забавы, но ни одна не состоялась; наконецъ всѣ рѣшились заняться музыкою. Баронесса пѣла, и похвалы громкому ея голосу наградили ее за маленькое недовольствіе, нанесенное ей прежде. Я шак-

же хотѣла сказать ей чшо нибудь лестное, но никакъ не осмѣлилась.

Добрая моя Г-жа Нагелинъ качала головою, когда я рассказывала ей это приключеніе. Взоры ея показывали неудовольствіе. „О, какъ бы я желала,“ сказала она: „чшобы моя Юлія никогда не возбуждала подобной ревности! Когда мы оскорбляемъ чье нибудь шщеславіе, шо въ обиженномъ лицѣ дѣлаемъ себя непримиримаго и самага опаснаго врага. Гордость, моя милая, наиболѣе вкрадывается въ сердца женщинъ. Намъ все хоченся, чшобы предпочитали насъ другимъ особамъ нашего пола. Ахъ! Юлія! Юлія! прибавила она, обнимая меня, старайся охранять сердце свое ошъ безразсуднаго шщеславія!“ — О, конечно я послѣдую этому совѣшу, завтра же пойду къ Баронессѣ, извинюсь передъ нею въ моихъ просшупкахъ; скажу, чшо еще не привыкла къ обычаямъ свѣтскимъ; буду просить у нея насшавлений, и если все это не возвращишь мнѣ ея пріязни, шо по крайней мѣрѣ, совѣшь моя меня успокоишь.

*Въ первые дни карнавала.*

Когда я, живши еще въ деревнѣ, читывала шешушкѣ описанія различныхъ празднествъ, по всегда думала, что это одніе только выдумки Историковъ и Поэтовъ; а теперь ясно вижу, что заключенія мои были очень несправедливы. Вчера, напримѣръ, въ Оперѣ, я гошова была въришь, что музыка и декорации суть дѣйствіе волшебства. Въ восторгѣ, я не замѣчала даже Герцога, который давно уже былъ въ нашей ложѣ. Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихо: „неужели прекрасная Юлія способна заниматьея только чувствами вымышленными? Неужели существенныя не могутъ прогнать юнаго сердца?“

Эти слова привели меня въ смущеніе. „Милосивѣйшій государь,“ сказала я ему почтительно: „я думала, что находясь здѣсь, должно и заниматьея только представленіемъ оперы?“

— „Конечно,“ возразилъ онъ съ живостию: „если только это удовольствіе вамъ нравится. Вы стремишесь къ забавамъ и не хощите думать о несчастномъ...“ Уже я намѣревалась прервать слова его и сказать, что не понимаю ихъ, какъ вдругъ Герцогиня подозвала меня и велѣла сѣсть позади нея. На вопросы ея, каково казалось мнѣ

новое для глазъ моихъ зрѣлище, я должна была изъяснить чувствуемое мною удовольствіе, и такимъ образомъ избавилась отъ разговора Герцога, который мнѣ очень не нравился. Между шѣмъ, онъ, какъ нарочно, находилъ всегда случай сказать мнѣ что нибудь непріятное. Недавно, въ представленіи Трагедіи Отелло, жалобы несчастной Дездемоны распрогали меня до слезъ. Герцогъ примѣтивъ, сказалъ мнѣ, какъ будто съ насмѣшкою: „вы жалѣете о шой, кошорой обманчивыя прелести возягли неугасимый огонь въ сердцѣ несчастнаго? Ахъ! жалѣйте лучше онемъ: пламень спраски снѣдаетъ все чувства его: онъ не можетъ болѣе владѣть собою. — Что значать,“ прибавилъ онъ: „женскія слезы въ сравненіи съ внутреннимъ; безмолвнымъ спраданіемъ мужчины? О! будучи на мѣстѣ Венеціанскаго Мавра, я бы, кажешся, былъ раздраженъ еще болѣе, нежели онъ!“

Отъ послѣднихъ словъ его я содрогнулась. Произнося ихъ, онъ смотрѣлъ на меня шакъ спрашно, шакъ спрашно, какъ будто бы я была Дездемона, а онъ . . . бышенный Отелло. Съ трудомъ могла я послѣ дослушать Трагедію. Зачѣмъ эношь дерзкій, гордый человекъ оправляетъ все мои удовольствія? Что значать все слова его?

Право, я не понимаю ихъ, а не смѣю просить его объясниться!..“

Дня черезъ два будетъ маскарадъ; давно уже говоряшь о томъ. Мысль объ этой забавѣ спрашиваешь меня, а между тѣмъ я такъ желаю бытъ поскорѣе участницею собранія, для котораго наряжаюсь въ различные костюмы и надѣваюшь маски!... Лишь бы только Герцогъ оставилъ меня въ покоѣ...

Сегодня по утру, Баронесса Габриель относилась ко мнѣ со многими вопросами, которые показались мнѣ очень спранными. Она говорила что-то о скрытной довѣренности, о подозрительномъ шептаньи, о немѣстныхъ чувствахъ, надеждахъ... упоминала о Герцогѣ и успрямляла на меня глаза съ особеннымъ вниманіемъ. Боже! Тебѣ извѣстно, какъ спараюсь я избѣгать и присущствія его и разговоровъ! Научи меня поступать такъ, чтобы никакое несправедливое подозрѣніе не могло очернить меня!... Неужели они не замѣчаютъ, что Герцогъ, видя, сколь мало извѣстно мнѣ свѣтское обращеніе, спарается нарочно приводить меня въ замѣшательство... Удивляюсь, какъ можешь это забавлять его?...

### Послѣ маскарада.

Гдѣ была я вчера?... Какія пространныя и богатоубранныя залы!... Какое множество людей собиралось въ одно мѣсто! Что за спранныя одѣянія! У меня и теперь еще такъ кружилась голова... Герцогинѣ хошѣлось, чтобы я была одѣша Типанию, Королевою Индійскихъ волшебницъ; голову мою украсили бриллианшевою короною, изъ подъ которой висѣло длинное флеровое покрывало; платье мое было свѣтло-голубаго цвѣта, вышитое серебромъ; алмазный поясъ и шакія же серги довершали нарядъ мой. Въ правой рукѣ держала я золотой скиптръ, а въ лѣвой букетъ цвѣтовъ съ береговъ Ганга, вмѣстѣ съ пальмовою вѣтвью. Вотъ каковъ былъ мой костюмъ для маскарада! Сердце мое забилось отъ удовольствія, когда, нарядившись, я подошла къ зеркалу. Какъ ни спыдно мнѣ сказать, что въ это время я восхищалась сама собою; какъ ни горько сознавалась въ безразсудномъ шщеславіи, но это еще не все, въ чемъ должна я обвинять себя предъ собою... и такъ лучше говоришь прямо, что я не помнила себя отъ радости; какія-то темныя надежды волновали мою душу: я желала скорѣе явиться на балъ. Горничная надѣла мнѣ на лице черную полу-

маску, и я отправилась въ комнату къ Герцогинь.

Она долго смотрѣла на меня, хвалила, и попомъ задумалась: можешь быть въ минушу она вспомнила опсуществующаго сына... Она вздохнула, и вскорѣ мы повѣхали.

Какое смѣшеніе различныхъ одеждъ!... Видь нѣкоторыхъ костюмовъ наводиль на меня страхъ, и я ни на минушу не опходила опъ Баронессы Гебриель, которая смѣло прохаживалась по залѣ. Она была одѣта въ черное плашье, на Испанскій манерь, и оппощъ цвѣшь увеличиваль бѣлизну лица ея.

Одежда Герцога состояла шолько изъ Венеціанскаго плаща, надѣшаго сверхъ чернаго плашьа; на голову у него была маленькая шляпа, съ загнутыми къ верху полями и съ перьями, прикрѣпленными брилліаншовой пряжкою: шакой костюмъ чрезвычайно шель къ высокому росту его и гордому виду. Онъ былъ безъ маски. Взоры его смущали меня безпрерывно. „Зачѣмъ желаешь ты, прекрасная Тишанія,“ сказалъ онъ, подходя ко мнѣ: „владычествовать шолько надъ духами? Явись очамъ смершныхъ, и они все гошовой будуще шель покориться. Но берегись обмануться въ выборѣ! Волшебницамъ извѣсны сердца человѣческія:

умѣй же отличить шого, кто болѣе всехъ шель любить.“ Въ продолженіе этой рѣчи, на кошорую опъ замѣшательшва я не могла опвѣчать ни однимъ словомъ, сдѣалось въ залѣ нѣкоторое смѣшеніе. Все спѣшили къ одной сторонѣ. Мы съ Баронессою невольнo успремилась въ слѣдъ за шолопою любопытныхъ, и вдругъ, кто-шо высокога росша, величественной осанки, замаскированный, одѣтый въ костюмъ Индійскаго Брамна, являешя нашимъ взорамъ! Брамниъ посмашриваль на всехъ, и конечно мой нарядъ возбудиль въ немъ любопытштво. Вѣрояшно, онъ спросиль обо мнѣ: я вслушалась, чпо кто-шо изъ присутствующихъ сказалъ ему: „это Юлія, Графиня Блейндгеймъ, Спашсь-дама Ея Высочества.“ Тогда онъ подошелъ ко мнѣ, подаль руку и вѣжливо попросиль проводить его къ Герцогинь, которая сидѣла въ залѣ на возвышенномъ мѣстѣ. Когда мы подошли къ ней, онъ, почтительно поклонясь, сказалъ, указывая на меня: „эша юная волшебница привела меня изъ знойнаго опчещства моего дышашь благорасшвореннымъ воздухомъ вашей спраны: сбрасываю одежду свою и покорюсь вашимъ законамъ!...“ Брамниъ въ самомъ дѣлѣ сбросиль съ себя длинное верхнее одѣаніе, и вдругъ являешя пре-

краснѣйшій Кавалеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ бросаеця на колѣни предъ Герцогинею и восклицаетъ: „машушка, машушка!“ — „Сынъ мой! Карль! шебя ли я вижу?“ вскричала Герцогиня, обнимая Принца, ибо это былъ онъ. — „Принцъ Карль прѣхаль! Принцъ возвратился изъ Индіи! вошь что раздавалось во всѣхъ залахъ. „Прелестная волшебница!“ сказала мнѣ попомъ Герцогиня, обнимая меня — „благодарю шебя! ты привела моего сына!..“ Принцъ также говорилъ мнѣ много лестнаго, и особенно на счетъ нашихъ съ нимъ костюмовъ. „Но гдѣ же брашь мой,“ спросилъ онъ у мапері: „гдѣ Герцогъ?“ Герцогъ находился не далеко и, прислонясь къ колоннѣ, съ досадою смотрѣлъ на насъ. По призыву Герцогини онъ подошелъ; Принцъ Карль хотѣлъ было его обнять, но, по видимому, холодные, даже суровые взоры брата смутили его: онъ остановился и поклонясь, сказалъ ему что-то тихимъ голосомъ. „Ты уже прѣхаль, Карль?“ возразилъ Герцогъ съ холодностію, просширая къ нему руку: „право, мы шебя еще не ждали...“ — „Въ неперѣннѣи возвратишься скорѣе въ отечество и увидишь моихъ родныхъ,“ отвѣчала Принцъ: „я обогналъ войска наши, которыя шеперь распушены, и спѣшилъ

сюда: прѣхавши, я узналъ, что вы и машушка на балѣ, и вздумалъ сдѣлать вамъ нечаянность...“ — „И нашли здѣсь покровительствующаго генія,“ возразилъ Герцогъ, съ яростію взглянувъ на меня. Я шрепешала, и ясно видѣла, что появленіе Принца для него весьма непріятно. Какая была причина? Неужели онъ позавидовалъ, что Герцогиня шакъ ласково приняла его, но это пошому шодько, что она столь давно не видалась съ нимъ; а Герцогу конечно уже извѣстно, что самого его она всегда предпочипашеть Принцу. Что до меня касаетя, я не могу понять, ошь чего шакое предпочиеніе? Говорятъ, что Герцогъ лицемъ лучше своего брата; я не нахожу. Въ Карлѣ шощчасъ видна нѣжность и сердечная доброта, а Герцогъ? ... О! какіе страшные у него глаза!...

Принцъ взялъ меня танцовать и просилъ бытъ къ нему списходительною въ семь случаевъ, говоря, что совсѣмъ почши забылъ это искусство. Какъ онъ обманывается! Никого еще не видала я, кто бы танцовалъ съ шакою пріятностію. Теперь увѣрилась, что Живописецъ ни сколько не польспилъ ему. Когда я танцовала съ нимъ, Герцогъ прошелъ мимо меня. „Юлія, не забудьте Ошедло,“ сказалъ онъ, съ бѣшен-

спвомъ взглянувъ на меня. Я содрогнулась. Когда Принцъ повелъ меня къ ужину, я сняла съ себя маску, онъ взялъ ее и просилъ подарить ему. „Она будешь напоминать мнѣ,“ говорилъ онъ: „минушу, въ кошорую прелестная Тишанія привела меня въ объяшя мащери.“

„Позволили ли вы мнѣ оставить ее у себя?“ повспорилъ онъ, смощря на меня съ нѣжностію. Я не могла ошказашъ ему, и онъ съ восхищеніемъ прижималъ ее къ своему сердцу. Теперь мнѣ очень спыдно, что я поступила шакъ опромешчиво; совѣсь меня упрекаешъ. Боюсь, не подумалъ ли Принцъ, что его учшivosни пріашны были для моего самолюбія, но право, не онъ заставили меня согласишъся на его желаніе. Герцогъ часно говоритъ мнѣ ласкашельства, называешъ прелестною Юлією, но эшо никогда не бываешъ мнѣ пріашно, а Принцъ... За всѣмъ шѣмъ я очень чувствую, что дурно сдѣлала, опдавъ ему маску, а какъ одинъ просшупокъ всегда почши влечешъ за собою и другой, шо при вопросѣ Герцогини, я пришла въ смущеніе, и принушдена была солгашъ, что пощеряла ее. О! какъ мысль, что я солгала, щерзаешъ мою душу!...

*Черезъ иѣскольго недѣль.*

Давно уже не принималась я за перо, давно уже не ввѣрляла бумагъ мыслей моихъ и чувствованій. Да и что могла передашь ей?... Великій Боже! въ какомъ смяшеніи душа моя! Все уже для меня кончилось!... Спокойствіе мое пощериано невозвратно!... Любовь, кошорой одно описаніе приводило прежде меня въ пренешъ, пынѣ совершенно овладѣла моимъ сердцемъ. Увы! къ кому ее пишу? Къ человѣку, кошорому никогда принадлежалъ не буду: къ сыну моей благодѣшельницы! Сколько горестей причиняешъ мнѣ эшо сознаніе! Ахъ, если бѣ я могла ошкрышъся Герцогинѣ! Но нѣтъ, не смѣю на шо рѣшишъся! Развѣ Графиня? Она больна, никого не принимаешъ: только онѣ могли бы спасти меня, но, за какую цѣну! Не видашь его болѣе! Какъ щерзаешъ мысль сія мое сердце! Г-жъ Нагелинъ... я знаю, что она будешъ сожалѣть обо мнѣ, осуждашь меня и вмѣстѣ извиняшь. Но что можешъ она для меня сдѣлать? Ахъ, не даромъ замирало сердце мое, когда мы собиравались на охошу въ замокъ Шарфштейнъ! Но пощомъ я шакъ развеселилась, да и въ самомъ дѣлѣ мнѣ очень пріашно было въ такой ясный день лешѣть въ саняхъ, кошорыхъ лошади управлялись рукою Принца

Карла. Не помню, что говорил он мне дорогою: вѣжностъ взоромъ его и самые звуки голоса приводили меня въ замѣшательство. Позади насъ ѣхала Герцогиня, также въ саняхъ; Герцогъ самъ правилъ...

Завтракъ, пригосовленный въ замкѣ, соединилъ все общество: Герцогиня вспомнила, сколько пріятныхъ дней провела она съ покойнымъ своимъ супругомъ. Эта мысль ее расстрогала. Она указала Герцогу на поршрешъ отца его, весьма сходный, и на свой собственнѣйшій: она была написана въ видѣ Діаны. Съ умиленіемъ спросила она его пошомъ, не пора ли и ему ушѣвши ея и всѣхъ подданныхъ бракомъ съ какою нибудь Принцессою? „Нѣтъ, мапушка,“ возразилъ онъ: „сердце мое опвергаешъ узы брачныя; въ немъ свирѣпствуетъ пламя Эшны, но... я бы желалъ,“ прибавилъ онъ насмѣшливо: „чтобы Карлъ ушѣвшилъ васъ поскорѣе своею женишьбою“...

Герцогиня посмощрѣла на него горестно. Въ эту минушу взоры Принца повспрѣчались съ моими. Я шрепешала... Не понимаю, что происходило тогда въ душѣ моей... Вдругъ послышался звукъ роговъ; это былъ знакъ, что охоша началась. — Герцогиня и всѣ дамы поспѣшили въ лѣсъ. „Исполнишь ли Юлія шю, что обѣщала взорами счастли-

ливому Браминцу?“ сказала шихо Принцъ, помогая мнѣ сѣсть на лошадь. „Непремѣнно!“ — отвѣчала я, и уже поздно подумала о послѣдствіяхъ, какія могушь произойти отъ этого необдуманнаго слова... Увы! кто знаетъ, куда оно можетъ завести меня!... Лишь только сѣла я на лошадь, какъ вдругъ подѣхалъ Герцогъ и сказалъ брашу своему, что Герцогиня его ожидаетъ. Онъ удалился, изъясляя мнѣ взорами, какъ не хотѣлось ему меня оставить. Уже я и сама думала присоединиться къ Герцогинѣ, какъ Герцогъ, схвативъ лошадь мою за узду, повлекъ меня въ густошу лѣса. Какія ужасныя слова я отъ него слышала!... И шеперь еще, помышляя о нихъ, содрогаюсь... По счастью, охошники подѣхали къ лѣсу. „у Графини взбѣсилась лошадь,“ сказалъ онъ имъ, она испугалась, надобно опвесити ея въ карешу,“ и съ сими словами поскакалъ впередъ. Ахъ, я въ самомъ дѣлѣ была въ ужасномъ испугѣ; не помню, что происходило со мною послѣ и какъ очутилась я въ карешѣ возлѣ Герцогини. По ея словамъ, нѣсколько часовъ была я безъ чувствъ, и она думала, что я въ самомъ дѣлѣ испугалась бѣшенства лошади. Какъ можно мнѣ было вывести ея изъ заблуденія? сказалъ, что Герцогъ, любимый изъ сыношей ея... Нѣтъ,

нѣшь, онъ не любилъ меня; чувства, въ копорыхъ изъяснялся онъ мнѣ въ дѣсу, совсѣмъ не сходны съ тѣмъ, какое пишаемъ мы съ Принцемъ... Добрый, чувствительный Карль! и опъ себя должно скрывать это объясненіе!... Ужели на пути жизни сей готовяшся мнѣ одни мученія?... Дни спокойствія, дни радости и безопасности, куда вы опъ меня сокрылись?...

*Черезъ полгода.*

Когда я перечитываю эти листки и мысленно переношусь къ той счастливой эпохѣ, въ копорую они начаты, то всегда думаю, что, все случившееся со мною съ тѣхъ поръ, было — сонъ: сполько-то перемѣнъ произошло въ это время!... Какъ дорого заплашила я за сіи первые, сладостныя движенія моего сердца!... Куда двалась краска лица моего, признакъ здоровья и спокойствія душевнаго?... Гдѣ восторгъ, съ копорымъ взирала я на свѣтъ и на всѣ его удовольствія?... Теперь является онъ глазамъ моимъ въ собственномъ его видѣ... Жершву власни и любви безнадежной, кто поддержитъ меня въ моемъ опчаяніи?... Нѣшь у меня ни родственниковъ, ни друзей... Та, копорая прежде, по видимому,

мнѣ доброжелательствовала, нынѣ обходяшся со мною такъ холодно... Чѣмъ все это кончилось и что будешь со мною?... Тщепно Герцогъ спарается скрывать пламень, его пожирающій, и вмѣстѣ свою ярость: и взоры и слова ево безпрестанно ему измѣняютъ; мой Карль не можешь побѣдип ревности... Соспрананіе и гордость борющая въ сердцѣ Герцогини: она уже сказала мнѣ черезъ Графиню Винфельдъ, чтобы я наблюдала лучше за своими поступками, или бы опасалась ея гнѣва и опрѣшенія опъ должности... Я уже просила о позволеніи удалиться на нѣсколько мѣсяцевъ опъ Двора, и получила въ отвѣтъ, что о томъ подумаютъ. Однако ни опекуль мой, ни его супруга, ни сама Г-жа Нагелинъ, не одобряютъ моего намѣренія: они полагаютъ, что это всего болѣе можешь обезславипъ меня. Сама же Герцогиня, опасаясь Герцога, не рѣшилась изгнать меня опсюда. Ахъ, когда она не смѣешь поступать противъ его воли, то какъ же мнѣ не спрашишся его бѣшенства!... Мой Карль! я шренещу, чтобы и ты не сдѣлался жершвою онаго... О, я очень вижу, что ты и самъ съ шрудомъ можешь удерживать непріязненное къ нему чувство... Если бъ ты зналъ, какое предложеніе осмѣлился сдѣлать онъ той,

которая гордится своею любовію, и которая его презираетъ; ахъ, я не знаю, на что бы ты тогда не рѣшился!... Дай Богъ, чтобы это навсегда оспалось шебъ неизвѣстнымъ, чтобы горестныя предчувствія мои никогда не сбылися, и чтобы ты во вѣкъ не сомнѣвался въ любви моей и вѣрности! . . .

Какъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ совершилось то, что казалось мнѣ столь невозможнымъ?.... Любовь претовала опъ меня шакого доказательства, любовь заставила рѣшиться!.... Но неужели я въ самомъ дѣлѣ шеперь супруга безцѣннаго моего Карла?.... Безнадежная спрашь моя неужели сдѣлалась нынѣ священной, пріятною обязанностію моею?.... Такъ, вчера мы шайно обвинчались за городомъ, въ церкви Св. Маріи.... Добрая моя Г-жа Нагельнъ была шому свидѣтельницею. Чрезъ двѣ недѣли мы опшравимся въ Индію, и тогда-то я буду совершенно счастлива, буду съ нимъ неразлучна!.... А ты, о нѣжный другъ мой! конечно не спашешь сожалѣшь о почестяхъ, шобою оставляемыхъ: Юлія швоя будешь съ шобою!.... Все, что до сихъ поръ намъ угрожадо.... Я не могу про-

должать... Герцогиня меня спрашиваетъ... она одна.... Что это значитъ?.... Неужели она узнала?... Боже! подкрѣпи меня!....

Герцогиня ни о чемъ еще не извѣстно; а я, увы! могла ли опкрышь ей?.... Какъ распротали меня ея слезы!.... Она шакъ добра и великодушна, а я, сколь я виновна передъ нею!.... Она посадила меня возлѣ себя. — „Юлія,“ сказала она мнѣ съ нѣжностію: „милое дитя, возвраши душъ моей спокойствіе, кошорымъ наслаждалась она до сего времени!.... По неопытности швоей, ты невольню сдѣлалась причиною моего несчастія. Невинность швоя можешь погубить и саму себя. Сынъ мой Карлъ оказываешь къ шебъ привязанность; ты вѣришь, и думаешь, что онъ любитъ тебя опъ всего сердца; шакъ знай же, что если бы любовь его была истинна, онъ никакъ не рѣшился бы внушить шебъ чувство, кошорое ни до чего, кромѣ стыда и раскаянія, довести себя не можешь!.... Прежде я спрашила, чтобы оплчиче, какое всегда оказывалъ шебъ Герцогъ, не зашавило шебя возгордиться и не сдѣлало шебя на вѣкъ несчастливою; но шеперь вижу, что для невиннаго сердца швоего любовь гораздо опаснѣе шщеславія: подумай, любезная Юлія,

какъ можешь унизишь тебя спрашь, ко-  
шорую пипаюшь къ тебѣ мои сыновья!...  
Они готовы возненавидѣшь другъ друга, и  
сердце мое содрогається ошь сей мысли. Юлія,  
дочь моя, и во всешь полагаюшь на швое  
благоразуміе, на швою добродѣшель, и — на-  
конецъ, на швою ко мнѣ привязанность!...  
Неуже ли я обманушь въ тебѣ?..." — Я  
бросилась къ ногамъ ея: признаніе гошовой  
было излешѣшь изъ ушь моихъ, но, могла  
ли я рѣшишь на шо безъ согласія Кар-  
ла?... — Эша мысль меня ошпановила... —  
Сердце мое шерзалось!... Герцогиня под-  
няла меня; въ молчаніи цѣловала я руки ея  
и обливалась слезами. „Слезы швой меня  
успокоиваюшь, милая Юлія, продолжала она,  
спунай въ свою комнату; не разспроивай  
себя и подумай о томъ, что я тебѣ гово-  
рила: ты можешь возврашшь мнѣ сыновей  
моихъ!“... Съ шрудомъ дошла я до своей  
комнаты... — Совѣшь шерзала мою ду-  
шу... О! какъ я виновна!... Я приняла  
руку, кошорая никогда не должна была при-  
надлежать мнѣ!... Я обманула слезами мои-  
ми и молчаніемъ шу, кошорая во мнѣ увѣ-  
рена. Она называла меня своею дочерью?...  
О, для чего не могу, хошь однажды, назвашь  
ее священнымъ именемъ матери, прежде, не-  
жели неизмѣримось Океана разлучишь

нашь!... Но достойна ли шого па, кошо-  
рая лишаеешь ее на вѣки сына?... Уже я  
вижу, чувствую ея негодованіе, можешь  
бышь прокляніе ея послѣдуешь за мною...  
Какъ шягопишь сердце мое шайна, кошо-  
рую должна я скрывать!... О! если бы  
шошь, кошорого почти не смѣю называшь  
супругомъ моимъ, находился въ сію минушу  
со мною!... Его присушествіе конечно бы  
уменьшило грушь мою... Но, я уже нѣ-  
сколько дней его не вижу... Правда, передъ  
глазами моими его поршрешъ... Прежде,  
одинъ взглядъ на него вливалъ ошраду и  
ушьшеніе въ мое сердце, а шеперь изобра-  
женіе Карла умножаеешь горешшь мою и вмѣ-  
стѣ желаніе увидѣшь его скорѣ... Я про-  
сила Герцогиню о дозволеніи не ходишь къ  
ней ввечеру... Она согласилась; нѣшь,  
нѣшь, я никакъ не могу видѣшь Карла и  
скрывать свои чувства... Можешь бышь,  
онъ... Такъ, я слышу шумъ, кшо-шо идешь  
по лѣшницѣ... Эшо Карль! эшо Карль!...

*Черезъ два часа.*

Боже мой! Не Карль приходилъ сюда,  
а браншь его, Герцогъ! Какъ онъ осмѣлил-  
ся!... Увидя его, я вскрикнула ошь удивле-  
нія, и не могла сойти съ мѣста.

„Конечно вы меня не ожидали,“ сказаць  
онъ мнѣ обыкновеннымъ своимъ, насмѣшли-

вымъ шюномъ: „Нужды нѣтъ; мнѣ надобно поговорить съ вами: Юлія, согласны ли вы меня выслушать?“

Я дрожала, и не въ состояніи была произнести ни слова.

„Вы нездоровы“ — продолжалъ онъ съ видомъ участія и взявъ охладѣвшую руку мою: „Нѣтъ, вы не можете теперь опѣвать мнѣ. О васъ самихъ, о вашемъ счастьи, хотѣлъ было я говорить съ вами: общайше выслушайте меня, когда вамъ будетъ лучше: можете ли вы дать мнѣ въ помѣть общаніе?“ — Знакомъ головы изъвила я согласіе: мнѣ хотѣлось шолько, чшобы онъ скорѣе оставилъ меня... И онъ, онъ одинъ могъ бы еще поправить... Но нѣтъ, я ничего не могу ожидать отъ сего человека... Онъ властолюбивъ, злобенъ... Уходя изъ моей комнаты, онъ взглянулъ на шоль, увидѣлъ поршреть Карла, которій спаралась я отъ него скрышь, и — покраснѣвъ отъ гнѣва, „вошь кто оспориваетъ у меня ваше сердце!...“ вскричалъ онъ съ яростію: „Но не думайте, Юлія, чшобы удалялся отсюда, я оставилъ васъ съ моимъ соперникомъ. Мнѣ очень пріятно имѣть поршреть любезнаго моего брата; я беру его съ собою.“ И — въ мигъ исчезъ онъ изъ глазъ моихъ. — Увы! зачѣмъ онъ похитилъ

у меня драгоценное изображеніе?... Чшо намреть съ нимъ сдѣлать?... Карлъ! любезный Карлъ! чшо будетъ съ нами?... Сей часъ написала я къ нему о всемъ случившемся; о шомъ, чшо видѣлась съ маперью его, и о посщеніи Герцога: хочу, чшобы все было ему извѣстно; теперь я не могу ничего скрывать отъ него; заклнала его поспѣшишь нашимъ опѣздомъ и какъ можно удаляться отъ непріятностей съ братомъ. Для чего ему досадовать на чувشو, которое никогда не было раздѣляемо? Добрая г-жа Нагелинь общала дожидаться, когда Карлъ пойдетъ изъ дворца, и вручитъ ему мое письмо. Дай Богъ, чшобы оно предупредило несчастіе, котораго я шолько спрашусь!....

*На другой день.*

Гдѣ мечты объ опѣздѣ, о счастьи?... Все кончилось!... Насъ разлучили на вѣки!... Г-жа Нагелинь ждала до полуночи. Всѣ уже удалились изъ дворца; Принцъ оставался еще у своего брата; какъ вдругъ онъ выйдшь въ сопровожденіи чиновника гвардіи и многихъ вооруженныхъ жаидармовъ: Нагелинь видѣла, какъ мой Карлъ безъ всякаго спрошвленія съль въ карепу, которая отправилась въ Шарфшпейнъ, шуда, гдѣ получилъ онъ отъ меня признаніе въ люб-

ви... О Карль! возможно ли, чтобы ты могъ въ ней сомнѣваться!... Говорящъ, что вчера ввечеру онъ пришелъ въ такую запальчивость, что облилъ шпагу свою прошиву Герцога. Злополучный Карль! конечно ты знаешь, что онъ давно уже спарается лишить тебя сердца, обладаніе которымъ цѣнилъ ты столь дорого!... Слышно, что онъ сошелъ съ ума, и что давно уже примѣшны были въ немъ признаки помѣшательства. Боже! вошь какъ называютъ истинную любовь!... Но, какая мнѣ нужда до этихъ слуховъ?... Ахъ! если бы онъ только былъ со мною!...

*Черезъ нѣсколько дней.*

Какъ могу изяснить то, что чувствовала, и что теперь чувствую!... Боже милосердый! какая участь ожидала меня! а теперь!... Буду все описывать: можешь быть, нѣкогда спроки си, орошаемыя моими слезами, дойдушь до моего Карла...

Г-жи Нагелинъ нѣтъ дома; она спарается развѣдать что нибудь о несчастномъ плѣнникѣ; узнаешь, не можно ли съ нимъ увидѣться: ахъ, по крайней мѣрѣ, если бы я могла увѣрить его въ постоянствѣ чувствъ моихъ!... Съ какимъ неперпѣиємъ

я жду ея возвращенія!... Я одна, совершенно одна, все меня убѣгаютъ... Герцогиня не допускаетъ меня къ себѣ; можешь быть она сокрушается о злополучномъ сынѣ... Опекуна моего нѣтъ въ городѣ, жена его нездорова: на что мнѣ рѣшишься въ горестномъ положеніи моемъ?... Если бы Герцога... Можешь быть онъ бы смягчился, когда бы узналъ, что лишилъ меня супруга: для чего ему писать спросить безъ надежды?... Злосчастная Юлія! у тебя нѣтъ иной надежды, какъ на жесточайшаго врага своего!... Что я вижу?... Это самъ онъ!... Я пренешу... Великій Боже! укрѣпи меня Твоею силою!...

*Ввечеру.*

Нѣтъ никакой надежды! Неужели я существую?... Такъ, я еще дышу — для горести. Онъ былъ здѣсь; какъ могъ онъ сносить взоры мой, которую, судя по словамъ его, шакъ любишь, и между тѣмъ дѣлаешь столь несчастною?... Я очень желала съ нимъ увидѣться и ожидала того, но при всемъ помѣ видѣ его привелъ меня въ пренесть...

„Не проклинаете ли вы меня, Юлія?“, спросилъ онъ съ необыкновенною нѣжно-

стію. Я не могла говорити и въ молчаніи просперла къ нему руки.

„Несчастливая!“ продолжалъ онъ свирѣло: — „что ты съ нами сдѣлала?“ Онъ замолчалъ и посмопрълъ на меня съ яростію. „Однако“ — прибавилъ онъ, какъ бы въ борьбѣ съ самимъ собою: „я могу проспити, ежели вы рѣшились раскаяться и забыть все прошедшее.“ Онъ хопѣлъ взять мою руку, я ошпила ее и гошова была его оспавишь. „Юлія,“ продолжалъ онъ: „не забудьте, что кромѣ меня, вамъ не на кого надѣяться: я одинъ могу возвращити вамъ счастье, которое вы опвергнули. Послушайте: Карлъ ни для кого уже теперь не существуети; онъ потерялъ разсудокъ и лишень свободы: вы никогда уже съ нимъ не увидишь. Къ чему послужити для васъ хранити къ нему чувства иѣжности? Когда еще при томъ всѣ гошовы за нихъ презирашь васъ, оспавишь... Но все еще можете поправити, ежели вы...“

— „Ежели вы будете великодушны, милосивѣйшій государь,“ вскричала я, упавъ къ ногамъ его: „ахъ! возвратити мнѣ его, соединити насъ, дозволити намъ удалити отсюда и вкушати счастье въ странѣ чуждой!...“ Онъ горько улыбулся, поднялъ меня и посадилъ въ кресла. „Юлія,“ ска-

залъ онъ мнѣ пошомъ: „я люблю васъ, обожаю, и хочу спасти. Опкажешь опъ любви къ бѣшеному, кошорый самъ опвергаешь васъ. Обѣщайте соединити со мною, и, я гошовъ презрѣвши всѣми предразсудками моего званія. Машъ моя назовешь васъ дочерью, народъ Государынею, а я обожаемого супругою! Теперь, Юлія, судите, умѣю ли я любить и достоинъ ли сердца, кошорое хопити вы ошданъ безумцу, способному къ величайшимъ преступленіямъ—кошорый...“

— „Замолчите,“ вскричала я, не въ силахъ будучи владѣть собою: „не говорити ничего болѣе о томъ, кому, у подножія алтаря, я поклялась въ любви, вѣрности и почтеніи!... Я не вѣрю словамъ вашимъ; но пусть они и справедливы, Карлъ, супругъ мой, шѣмъ не менѣе будетъ мнѣ любезенъ. — Я гошова раздѣлять съ нимъ неволю, и опвергаю предложеніе ваше!...“

„Юлія,“ прервалъ съ яростію Герцогъ: „если это правда, если рука швоя уже ошдана, то — ты погибла!... Но все еще можете, ежели рѣшити, быть счастливою!...“ Я запрепешала. Онъ посмопрълъ на меня презрительно и поспѣшно удалити изъ комнаты. Я осталась одна, бросилась на колѣна и умоляла Всевышнее Существо, ушитишь волненіе моего сердца, и не оспа-

вишь безпомощнаго Карла. Послѣ молишвы я сдѣлалась спокойнѣе.

Г-жа Нагелинъ возвратилась. Она ничего не могла узнать. Маршенъ, камердинеръ Принца, покушался было его увидѣть, но въ Шарфшнейнъ никого не пускають. Вѣрный служитель спрашалъ у себя разныя вещи, принадлежащія несчастному Карлу, въ ожиданіи случая доставить ихъ ему; въ томъ числѣ Флейшу его и полумаску, первый залогъ моей вѣжності, копорая всегда лежала на его столѣ. Онъ взялъ также къ себѣ Поллукса, любимую собаку Принца. Злополучный супругъ! все средсва къ разсѣянью у тебя опіяны... Увы, швоя Юлія не услышавъ уже звуковъ гармоніи, копорая споль часто пѣвляла слухъ ея! Ахъ, я почти принуждена желаю, чтобы съ поперею разсудка, онъ позабылъ и все прошедшее! Такія воспоминанія могутъ еще болѣе его распримавать. Опекунъ мой прѣхалъ. Онъ присылалъ ко мнѣ сказать, что завтра увидишься со мною. Ахъ, какъ боюсь я и вмѣстѣ желаю того! Зачѣмъ, зачѣмъ призвалъ онъ меня ко Двору?....

*На другой день.*

Онъ былъ у меня; я ничего опъ него не скрыла; ему извѣстно теперь опайномъ бракъ моему; я пересказала даже и послѣдній разговоръ мой съ Герцогомъ. Добрый Генераль сожалѣеть обо мнѣ и, зная бывшій нравъ Герцога, спрашивае послѣдствій и за меня и за себя самого. Я не могу опаваться здѣсь долѣе. Должна вѣхаться. Опекунъ мой желаетъ, чтобы я удаллась въ Англію, и только на семь условій общаетъ пребыть навсегда другомъ моимъ и покровителемъ. Онъ будетъ доставлять мнѣ проценты съ денегъ, копорыя опашоюся у него; самъ проводитъ меня до корабля, на копоромъ удалюсь я изъ опечесшва и опъ себя, возлюбленный Карлъ мой! Ужасная мысль! я вду, не зная, увижусь ли еще съ нимъ въ сей жизни!...

Герцогиня прислала мнѣ увольненіе съ Баронессою Габріель, и не изъявляетъ желанія просииться со мною. Какъ несносно было для меня посѣщеніе гордой Баронессы и все насмѣшки ея!... Она упрекала меня, что я, опвѣшивуя спраши Герцога, спаралась между шѣмъ понравиться и Принцу.... О, Карлъ! неужели и тебя увѣрили въ опомъ?... Я не могла ничего опвѣчать ей. Молчаніе мое ее оскорбило: уходи, она

сказала, что оно служило доказательством предосудительных поступков моих... Так, я виновна; но зачем подозревать меня в оказании взаимности к чувствам Герцога?... Неужели и ты, мой Карль, могшь тому поверить!...

*Въ домѣ Графа Винфельда,  
моего опекуна.*

Я оставила дворецъ. О если бы я никогда въ него не вступала! За нѣсколько минутъ до моего отъѣзда, я получила письмо отъ Герцога. Что могла отвѣчать на такую унижительную для меня предложеніе? Онъ не вѣрится, чтобы Карль былъ въ самомъ дѣлѣ супругъ мой: такой бракъ, пишешь онъ, не можешь быть признанъ законами; онъ снова убѣждаетъ меня, но уже не къ браку, а чтобы я согласилась остаться при Дворѣ подъ его покровительствомъ, обѣщая возвратить мнѣ благоволеніе Герцогини и проч. и проч. Низкій человекъ! какъ приятно мнѣ отъ себя удалиться!... Опекунъ мой спрашивается всего и съ непереносимымъ ожиданьемъ минутой, въ кошорую я поѣду. Я отправляюсь въ сію же ночь. Графиня изъявляетъ мнѣ дружество, sospраждаетъ... О, сколько нужно для меня это посоль-

нее чувство!... Я удаляюсь отсюда и — увы, не имѣю и поршреша любезнаго Карла!... Жестокій Герцогъ всего лишилъ меня. Безцѣнный супругъ! швое изображеніе вѣчно сохранился въ моемъ сердцѣ!...

Прости, любезное опечесство!... не могу сожалѣть о себѣ... Скоро, скоро позабудешь всѣ несчастную и виновную Юлію... Виновную, но и наказанную споль жестоко!... Боже! прости меня!... Спасишь мой! Ты правосуденъ, но вмѣстѣ и милосердъ; Ты лишилъ меня блага, кошорымъ, можешь быть, я хошѣла обладать безъ Твоего соизволенія; я покоряюсь десницѣ Твоей: успокой же сердце мое и не лиши меня Твоей помощи!...

Прости, милый, злополучный супругъ мой! Ахъ, я чувствую, сколь хипро запущанъ ты въ сѣти обмана, и не могу обвинять себя въ несправедливости! Помышляя, до какого прешужденія довела тебя злоба ихъ, я должна сожалѣть о себѣ еще болѣе, нежели о себѣ самой. Опекунъ мой обѣщаетъ непременно доставить къ себѣ сіи листочки; тогда, ты узнаешь истину; тогда не будешь болѣе презирать Юлію, возвратишь ей любовь, сердце и — тогда-то, соединимся мы новыми узами!... Только съ сею надеждою могу я еще сносить бремя

жизни и разлуку съ побою... Ахъ, Карль! теперь пусть нашъ будешь продолжительно, нежели какъ мы предполагали; но, — рано или поздно, мы достигнемъ берега: смерть соединишь насъ, и мы будемъ неразлучны!... Вошь мои надежды, вошь мое упование!... Еще нѣсколько минушь и — я поѣду. — Прости, Карль, проспи счастье, котораго...

(Окончаніе впереди.)

## II.

### К Р И Т И К А

Нѣсколько замѣчаній на статью Геерена о Рамайянь и переводъ оной, помѣщенный въ 4 No Московскаго Вѣстника.

Весьма порадовались мы, увидѣвъ въ Русскомъ Журналѣ переводъ Рамайяни или, почите сказать, содержанія оной, помѣщенный въ ученомъ сочиненіи Геерена. Не входя въ размашриваніе, какъ важна Поэма сія въ отношеніи къ Литературѣ и Мифологіи Индійской, что весьма ясно и подробно изложилъ А. В. Шлегель въ проспектѣ о семь

пвореніи, приложенномъ къ повременному изданію его: *Индійская бібліотека*, мы сдѣлаемъ только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній на счетъ труда самого Геерена и его Русскаго Переводчика. Мы рѣшились это сдѣлать не съ нѣмъ намѣреніемъ, чтобы выставить себя за знапока въ Индійской Литературѣ, напрошивъ шого охотно сознаемся, что языкъ Санскрипскій намъ совершенно незнакомъ и ни мало не приписываемъ себя шого, что будешь сказано нами. Источники, откуда мы заимствовали, какъ и въ прежней спашѣ нашей, будешь со всею точностію выставлены и здѣсь, — мы выбирали шѣ только, коихъ достоинство и вѣрность признаны ученымъ свѣтомъ. Желаемъ, чтобы сія спашейка послужила къ пользѣ Науки, а не къ бранчивой и бездоказательной крипикѣ, которой превосходный образчикъ помѣщенъ въ 24 No Московскаго Телеграфа прошедшаго года, на спашью, за нашу подпись, напечатанную въ Сынѣ Ошечества.

Геерень, въ предисловіи своемъ къ шрешь-ему отдѣленію объ Индійцахъ, (I), сознаешся, что онъ, при обзорѣ сего края, и его

(1) См. Jdeen über die Politik, den Verkehr und den Handel и проч. Erster Theil, dritte Abtheilung.

липературныхъ богашствъ, руководствовался пособіями, изданными на языкахъ Европейскихъ, копорыя у него и исчислены. Сохраніе Рамаианы заимствовано имъ изъ Англійскаго перевода въ прозѣ Гг. Карей и Маршмана. Имѣя нѣкоторыя изъ книгъ, служившихъ источникомъ Г. Геерену, мы не разъ удивлялись точности, съ каковою онъ передаетъ намъ своихъ руководителей; и хотя сего Англійскаго перевода въ рукахъ нашихъ и нѣтъ; но мы вправѣ заключимъ, что переводъ его и въ семь случаевъ есть самый близкій и вѣрный; а пошому и неправильности, копорыя мы изрѣдка въ ономъ встречаемъ, преимущественно въ именахъ собственныхъ, относясь не къ нему, а къ его подлиннику. Всякій, кто только изучаетъ какую либо иностранную Литературу, въ особенности народовъ Восточныхъ, знаетъ, какая важность заключается въ правильномъ выговорѣ именъ собственныхъ, и какъ желательна, чтобы сіи имена, бывши однажды правильно введены, сдѣлались въ такомъ видѣ общепопребительными. Сіе наиболее нужно въ Литературѣ Индійской, копорая не только сливается, но даже имѣетъ въ основѣ свою Мифологію, по исполненію исподлинскую. Еще и понинѣ сія Литература осматривается почти неразработан-

ною, — и не удивительно! Кромѣ трудности самаго языка, копорый изучаютъ небольшое число любителей, — многихъ осматривавъ недоспапокъ въ учебныхъ пособияхъ, начавшихъ появляться въ Европѣ весьма недавно, — большая часть въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; наконецъ отдаленность самаго края, ибо немногіе имѣли случай бытъ въ Индіи, и хотя Европа уже давно была съ нею знакома по сношеніямъ торговли, но долго никому не входило въ голову, чтобы спрана, населенная народомъ извѣженнымъ и по наружности слабоумнымъ, могла заключать въ себѣ сокровища познаній, во многихъ отрасляхъ неоткрытыхъ. Первую честь шаковаго открытія приписываютъ В. Джонесу, неутомимымъ и просвѣщеннымъ прудамъ копорого обязаны мы весьма многимъ по сей часѣ. Саконпалъ, Гишпадеза, Законы Ману и другіе его переводы съ языка Санскрипскаго, вмѣстѣ съ прекрасными переводами съ языковъ Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго, приобрѣли ему всегдашнее право на признательность нашу (\*).

(\*) Сей знаменитый Оріенталистъ, не знаетъ, по какой причинѣ, навлекъ на себя гнѣвъ Г. Издашеля Моск. Телеграфа. Онъ даже сердился, когда на сего

Тѣ же причины, кои замедляли услѣхи въ Литературѣ Индійской, необходимо должны были оспанавливать особь и въ изысканіяхъ относительнѣо Мифологіи, Исторіи и Археологіи сего народа, шюль шьсно съ нею связанныхъ. Сверхъ того первыя свѣдѣнія, въ послѣдствіи намъ сообщенныя, были шакъ шемны, шакъ нешчны и сбивчивы, чшо чшпашель, незнающій языка Санскрипскаго, невольнѣо долженъ былъ представлять себѣ все, до нихъ касающееся, въ особеннѣости ихъ Мифологію и безъ того уже гигантскую, не иначе, какъ въ видѣ хаоса. Развершываемъ, для примѣра, пушешествіе Соннера по Индіи и Китаю (2). Здѣсь найдемъ мы, стр. 147, чшо Предвѣчнымъ прежде всего сотворены Бирма, Биспну и Сеибъ; на стр. 81, Брума, Вишну, Шивень; на стр. 158, Бермалъ, Биспну и Сеибъ. Кшо бѣ не счель боговъ сихъ за совершенно различныхъ между собою. Кшо бы могъ подумать, чшо Бирма, Брума и Бер-

Писателя ссылаюшя. Не смѣемъ совѣшовать Г. Полевому прочесть его; но не можемъ не подивиться, ошъ чего произошла у него шакая вражда съ Писателемъ, по видимому, ему незнакомымъ. Ужь не по наговорамъ ли?

(2) Voyage aux Indes Orientales et à la Chine, par M. Sonnerat. Paris, 1806, T. 2.

малъ ешь никто другой, какъ Брама, чшо Биспну и Вишну — ешь Вишну, второе лице Индійской проишвеннѣости, и наконецъ Шивень и Сеибъ — Сива, споль много прославляемый во всей Индіи. Если мы находимъ шакое множешво проишворчій въ одной книгѣ, шо какъ должны были разнишься между собою мнѣнія двухъ или нѣсколькихъ Писателей! Въ послѣдствіи, когда ученые Европейцы, занимавшіеся Санскрипскою Литературою, сами замѣшили шакую странную необходимѣость, и увидѣли изъ несчастнаго примѣра Вильфорда (3), съ какою ошорожнѣостию должны они впередъ принимашъ свѣдѣнія, сообщаемыя имъ Браминами или правильнѣе Браманами (4), когда они умошрѣли, сколь слабы и незначительны будущъ ихъ усилія, если не будущъ руководшвуемы свѣшомъ заравой криштики, шогда и шруды ихъ приняли видѣ болѣе правильнѣый, шемноша и сбивчивѣость

(3) Любопытные могутъ чшпашъ подробно о семъ случаѣ въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Januar. 1827.

(4) Слово Браминъ ешь испорченнѣе, и безъ сомнѣнія впервые было въ шакѣмъ видѣ введено Французскими Миссіонерами. Писать должно Браманъ. См. примѣчаніе на сіе слово: A. W. Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

начали мало по малу разсѣиваться, уступая мѣсто ясному и почному изложенію предметовъ и понятій, и въ семь отношеній многіе Писатели Англійскіе, въ особености Кольбрукъ, Вильсонъ, Нѣмецкіе Шлегель, Козегаршень, Бопъ, Французскіе Шези, Лангесъ и другіе, преимущественно заслуживающъ нашу благодарность.

Но какое же произношеніе будетъ самое вѣрное? На чемъ можно основаться и чѣмъ доказать, что оно должно бытъ писано такъ, а не иначе, когда намъ неизвѣстенъ языкъ Санскрипскій? — Вотъ вопросы, кошорые можешь сдѣлать всякій. — Въ эшомъ случаѣ, какъ мы сказали выше, должешь насъ руководствовашъ примѣръ достовернаго Писателя. Козегаршень, въ переводѣ своемъ съ подлинника на Нѣмецкій языкъ Индійскаго Стихотворенія Нала, составляющаго эпизодъ знаменитой Магабарашы, указываетъ на способъ, какимъ образомъ сіе исполнишь. Самъ онъ въ предисловіи къ сей книгѣ говоритъ, что, въ произношеніи имени, онъ слѣдовалъ неспорченному выговору Бенгальскому, но первоначальному, чистому выговору, кошорый приняли Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ и почти всѣ Англійскіе Филологи. Преобразовавшійся и шолько въ нѣкошорыхъ

областяхъ употреблемый Бенгальскій выговоръ языка Санскрипскаго, по замѣчанію Кольбрука (5), совсѣмъ неизвѣстенъ въ Южной Индіи. Онъ перемѣняешъ, напр. крашкое Санскрипское *a* на *o* и *y*, совершенно отбрасываешъ его при концѣ словъ; измѣняешъ *c* на *ш*; такимъ же образомъ поспуаешъ онъ въ именахъ и словахъ Арабскихъ и Персидскихъ. Онъ шого Санскрипскія имена: Магабараша, Дасараша, на Бенгальскомъ выговорѣ сшановяшся: Могабарошъ (Магабарашъ), Дошорошъ (Душа-Рупа); равномѣрно и Арабскія имена: Ахмедъ, Могаммедъ — Ухмудъ, Могуμμудъ. Сіе испорченное произношеніе, какъ замѣчаешъ далѣ Козегаршень, введено Англичанами; ибо они первоначально изучались въ Бенгалѣ, а пошому необходимо заняли и выговоръ, въ шомъ краю употребительный. „Желашельно,“ прибавляешъ онъ: „чтобы съ распространяющимся знаніемъ языка Санскрипскаго, употреблялись впередъ собшвенныя имена сего языка въ своей первородной чистощъ.“

Мы пошому, можешь бытъ издшше, распространились о семь предметѣ, что въ эшомъ заключаешся главная ошибка Гее-

(5) Asiatic Researches. 8. London. 1806—1818. Vol. 7. f. 224, 228.

рена — ошибка, въ кошорую, какъ мы сказали выше, вовлекъ его шекешъ, кошорому онъ слѣдовалъ. Почти всѣ имена, встрѣчающіяся въ его опривкѣ о Рамайянь, выспавлены неправильно, и для насъ Русскихъ, начинающихъ шолько знакомиться съ симъ богатымъ достояніемъ народа, намъ совершенно чуждаго, но любопытнаго, такая неправильность весьма важна, и должна быть оспановлена при самомъ началѣ. Выпишемъ имена сии въ шомъ видѣ, въ какомъ они помѣщены у Геерена, и предложимъ наспоющую форму каждаго. Мы будемъ выспавлять ихъ въ шомъ порядкѣ, въ каковомъ оныя намъ встрѣчаются въ Русскомъ переводѣ.

Спр. 304. *Рамайянь* и *Магабаратъ*, пишашъ должно: Рамайяна и Магабарата, см. Vorrede zur Nala, aus dem Sanskrit übersetzt von Kosegarten.

*Тамъ же*: *Маркандай-Пурана* — Маркандей-Пурана (6). Книги, извѣстныя подъ названіемъ Пуранъ, суть содержанія испорико-миеологическаго. Ихъ числомъ осмьнаццашь (7). Пурана значить Исторія, сказаніе (8).

(6) См. Langlès Catalogue des Manuscrits Sanscrits.

(7) Journal Asiat. T. 7, p. 194.

(8) Asiat. Res. Vol. 8.

Спр. 305. *Равуна Князь Ракиусовъ*, пишашъ должно: Равана Князь Ракшасовъ. Ракшасами называющаея злые духи, кошорые старающаея всячески вредить людямъ, въ особенноти мѣшашъ имъ во время жершвоприношеній (9).

Спр. 306. *Улджя*, чип. Айодія (Ayodhya); такъ называешся городъ, лежащій въ спранѣ Козала, на берегу рѣки Сарайу (Sarayu), построенный первымъ Царемъ людей — Ману. Онъ имѣлъ, какъ сказывающъ, сорокъ Англійскихъ миль въ окружности, естъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ, упоминаемыхъ въ древней Испоріи Индійцевъ, и безъ всякаго сомнѣнія былъ столицею древнѣйшаго Индійскаго царства. Нынѣ онъ зовешся Уде или Ауде (Oude). Развалины сего города, находящіяся вблизи Фицабада или Фенсъ-Абада, столицы Могаммеданскихъ владѣльцевъ, подтверждаютъ преданіе о его бывшемъ величій (10).

*Тамъ же*. *Душа-Рута* — пишашъ должно Дасарата. См. прим. на *Рамайянь* и *Магабаратъ*.

(9) Works of Will. Jones. London 1807. См. Мещу сар. 3 и. 11.

(10) См. Indische Bibl. von A. W. Schlegel. T. 1. и Sakontala übers. v. Forster.

*Тамъ же. Мену* — Ману. См. прим. на слово *Уадгил*.

Стр. 303. Ужвamedу — Асвameda (11). Переводчикъ неясно предсавилъ это мѣсто; чинная Русскій переводъ, подумаешь, чшо жершва приносится какому-шо Ужвamedу, между шьмъ, какъ это есть собственное названіе жершвы, и. е. приношеніе коня. Она иначе называлася Гаямедa, Ваджимедa, есть величайшая и самая пынная изъ всѣхъ жершвъ, и совершалась только одними Царями въ случаяхъ важныхъ, съ необыкновенными издержками. Приготовляемый для сего жершвоприношенія конь долженствовалъ бытъ, за нѣсколько дней до онаго, выпущенъ на волю, и пошомъ снова бытъ найденъ. Полное описаніе сего обряда, находящееся въ началѣ Рамайяны, можешь подать намъ средшво къ сравненію онаго съ пакимъ же приношеніемъ на жершву коня въ Скандинавіи (12).

*Тамъ же. Дочь Царя Шанты*, должно писать Санша. См. примѣчаніе на слово *Рамайяны*. Кромъ того мы находимъ здѣсь ошибку въ переводѣ: не Царь назывался

(11) Description de l'Assua-Meda ou le grand sacrifice du cheval, par l'Abbé Dubois. Paris. 1825.

(12) Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

Шанша или Санша, а дочь его, ибо имя Царя есть Дасараша, кошораго, какъ мы замѣтили выше, Гееренъ неправильно называетъ Душа-Рупа.

*Тамъ же: вызвать Ришю Шрингу*; не Ришю, а Риши; это слово означаетъ свяшой, равно какъ *Муни* — мудрецъ. Такія высокія проименованія обыкновенно давались нѣмъ людямъ, кошорые, уклонясь отъ шума свѣша, уединялись во глубину лѣсовъ, и тамъ проводили жизнь согласно съ предписаніями Мену, совершая благочесивые обряды, подвергая себя строгому покаанію и въ безмолвномъ созерцаніи. Отъ сего настоящее имя ихъ *Ванапраста* — живель лѣса; а при возрастающей власни надъ самими собою: *Сангяси*, *Брамчаря* и *Йоги*. Въ новѣйшія времена, *Гозейны* предсавляютъ родъ людей, нѣсколько сходныхъ съ ними, но весьма во многомъ уже измѣнившійся (13). Касательно имени Шринги, мы ничего не могли найти: должно полагаешь, чшо это есть испорченное отъ Сринга; но мы за сіе не ручаемся.

*Тамъ же: супругъ Жанты*, вм. Санты. Опечатка Геерена ввела въ ошибку Перевод-

(13) Nala übers. v. Kosegarten. in Journal Asiat. t. 7, p. 48.

чика; въ первомъ случаѣ онъ перевелъ слово сіе Шанпа, а во второмъ Жанпа. Чшо жъ касаешся до примѣчанія его, чшо лопось есть растение священное на Воспокъ, по и эшого мы не можемъ сказать утвердительно. Не во всемъ Воспокъ, гдѣ оно опчастити служитъ прелестною аллегорією несчастнаго любовника (14), (хотя въ Коранѣ и упоминаешся сіе имя, но шамъ подъ лопосомъ, какъ замѣчаешъ Джелаледдинъ, понимаешся не цвѣшокъ, а дерево *набкѣ*, сохраняющее всегдашнюю зелень) (15), но преимущественно въ Индіи цвѣшокъ сей играешъ весьма важную ролю. *Брама* имѣешъ очи лопоса. *Вишну* весьма часно изображаешся спящимъ на Океанѣ. Голова его покоишся на развернушемся лопосѣ; онъ поддерживаемъ извивающимися кольцами змѣи, коей головы образуютъ надъ нимъ родъ балдахина (16). — Знамя, блистающее на Вадшайянти, небесныхъ черпогахъ Индры, имѣешъ голубой цвѣшъ, подобный лопосу — голу-

(14) См. *Les oiseaux et les fleurs*. Trad. par Garcin de Tassy. f. 19.

(15) См. *Le Coran trad. par Savary T. 2. Ch. LIII l'Etoile*.

(16) См. *Indische Biblioth.*

бая шроспъ, украшенная злапомъ (17). Но высчитывашъ всѣ мѣсна, гдѣ цвѣшокъ сей упоминаешся, было бы и долго и бесполезно.

Спр. Зог. *Туда стекаются дѣвы и тлѣ мудрецы небесные*. Здѣсь въ переводѣ опечашка; должно писашъ *Девы*, чшо значишь *боги*; чшо жъ касаешся до мудрецовъ небесныхъ, шо едва ли эшо не опечашка у Геерена; ибо въ Индійскихъ вымыслахъ находимъ шолько чешыре рода свяшыхъ или *Риши*, кошорыхъ поспешенное повышеніе есть слѣдующее: *Радшарши* — свяшые племени Царскаго, *Магарши* — великіе свяшые, *Брамарши* — изъ кашы Брамановъ, и *Деварши* — свяшые, богамъ подобные или божественные. Здѣсь скорѣе, полагаемъ мы, можно чинашъ *Wesen*, а не *Weisen* — существа небесныя, каковы сушь: 1) *Гандгарфы* — пѣвицы и пѣвицы небесные или духи звуковъ, воспѣвающіе свои пѣснопѣнія въ міръ Индры (18); 2) *Ансарасы* — небесныя шанцовщицы, кошыхъ числомъ шесшъ миллионовъ. Прелестныя дѣвы; но не принявъ очищенной, предписанныхъ закономъ, пребывающъ незамужними. Онѣ возникли изъ млечнаго моря (*kchira*

(17) *Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel übers. von Bopp.*

(18) *Res. v. 1. и Journal Asiat. t. 7.*

самойта) (19), въ то время, какъ боги взбалтывали оное, чтобы получить Амришу или пишье безсмертія. Главнѣйшія между ними Урвази, Рамба, Менаки и другія (20). 3) *Якша* или полубоги, обитающіе въ горахъ, и пламеняющіе любовью къ Апсарасамъ. Знаменистый Калидасъ основалъ на семь мифъ свое прекрасное стихотвореніе Мега-Душа или облаковъспидкъ (21). Сін-по шри рода небесныхъ существъ, съ многими другими, конхъ мы шеперь не припомнимъ, обыкновенно препяшсвуютъ при совершеніи жертвоприношенія, ибо они повинуются Индръ, для кошораго всякой ус-

(19) См. Exposé de quelques-uns des principaux articles de la théogonie des Brahmes par l'Abbé Dubois.

(20) См. Vorr. Ardschuna's Himmelfreise. Ges. 11, гдѣ онь, исчисляя ихъ, заключаешь:

Diese und andre noch tanzten, Nymphen mit holden Lächeln dort,

Welche der Sidha's Herz fesseln, Lotos-ähnlich von Augen all,

Mit starken Hüften, voll Liebreitz, und mit schwellenden Brüsten auch,

Durch verstohlenen Blick, Tändeln, fesselnd Sinn, und Verstand und Herz.

(21) The Mega Duta or cloud Messenger transl. by Wilson.

пѣхъ людей въ благочесивыхъ начинапіяхъ гибеленъ (22).

Тамъ же:

отъ *Кушумли* должно писашь Каусали.

*Лукшумли* — — — — Лакшамана.

*Шутругна* — — — — Сапругна.

*Бурута* — — — — Бараша (23).

Всѣ имена сіи находящіяся въ опривкѣ Рамайяны, переведенномъ Козегаршеномъ. Онь изображаешь бракосочетаніе четьрехъ сыновей Царя Дасарашы. Сей обрядъ довольно люболышенъ; но весь приводитъ его будешь слишкомъ длинно. Мы постараемся передатьшь только то, что касается до Рамы, сохраняя размѣръ перевода; но прежде починаемъ нужнымъ замѣнить: самое важнѣйшее въ семь поржесствъ у Индійцевъ заключаешь въ томъ, что женихъ беретъ руку невѣсты, и обходитъ съ нею вокругъ священнаго огня: ошь сего и самое слово *паниграганамъ* — взятіе руки, означаешь бракосочетаніе. Здѣсь говорившя про Царя Джанаку:

(22) См. Journal. Asiat. v. 1. l'Ermitage de Kandou, par Chezy.

(23) См. примѣч. на слово *Рамайянь*.

И когда онъ ввелъ Зишу, изукрашенну пышной одеждою,  
 Предъ огнемъ велѣлъ спашь онъ ей, напрошивъ сына  
 Рагу прекраснаго,  
 Тушь сказала Царь Джанака, Каусалии къ сыну любезному,  
 Къ лопосо-окому Рамѣ, алшаря на воспокъ споласчю:  
 Эшо дщерь моя Зиша, швоей доблесши нынѣ сопупница,  
 Возьми жъ руку ея ты своєю рукою, о Рагу сынъ!  
 Она сердцемъ вѣрна, за шобю какъ шѣнь будешь слѣдовать.  
 Царь сказалъ и кропиль ихъ водою, овященною Маншрою.  
 „Славно! славно!“ взгремѣло изъ устъ и боговъ и божешвенныхъ,  
 Звукъ раздался лшавръ, дождь цѣшновъ съ сводовъ неба посыпался,  
 Когда Зишу вручилъ онъ, чрезъ Маншру водою овященную.

*Стр. 311. Вишва-митра* чшш. должно: Висва-мишра (24).

*Тамъ же: Вушиста*, вм. Васишша. Бригу, Апри и Васишша супъ знаменитѣйшие мудрецы древней Индii. Они причисляюшся къ десятии праопцамъ рода человеческого (25).

(24) См. Works of W. Jones. Menu c. 10. v. 108.

(25) Works of W. Jones. См. Menu. c. 10 v. 108.

*Стр. 312: съ горы Гималая. У Геерена* гора сiя пишется *Гиммалайя*. Настоящее названiе сей горы естъ *Гимаванъ* (Himavan — сивжная, зимняя, Нiма естъ Греческое *Хемъ*, Лашинское *hiems*). Новѣйшие Писатели весьма часшо называютъ гору сiю, образующую сѣверную границу Индii, *Гималайя* (жилице или мѣсто сивга) (26).

*Стр. 313, Юнука* вм. Джанака (27).

*Стр. 314, Упмила* вм. Урмила (28).

*Стр. 318, островъ Ланка:* эшо одно изъ прозванiй оспрова, называемаго по-Санскришски *Sinhala Dwipa* (оспровъ людей, подобныхъ лвамъ). Джонезъ полагаешъ, чшо сей оспровъ естъ нынѣшней Цейланъ (29).

*Стр. 319.* Одинъ изъ великихъ Муниевъ — не лучше ли Муни? См. примѣч. на слово Риши.

Вопъ нѣкопорыи изъ неправильностей въ именахъ, усмошрѣнныи нами у Геерена. Имѣя въ виду единшвенно пользу Науки, мы весьма будемъ благодарны шѣмъ, кто дополнишъ наши замѣчанiя; будемъ призна-

(26) Indische Biblioth. T. 1. и Langlès Analyse des Mémoires contenus dans le XIV vol. des Asiat. Resear. p. 50.

(27 и 28) Nala übers. von Kosegarten.

(29) Sacontala übers. v. Forster.

шельны и тогда даже, если кто намъ покажетъ наше, можетъ быть въ иныхъ случаяхъ, ошибочное мнѣніе. Теперь скажемъ нѣсколько словъ на счетъ Русскаго перевода. Слогъ онаго довольно чистъ и ясенъ; но не вездѣ шакъ шочень, какъ мы бы желали при спашь шакого рода.

Напр. на *стр.* 305, переведено: „можемъ обозръшь и все цѣлое: сначала (передъ пятымъ отдѣленіемъ) помѣщено содержаніе Поэмы“ и проч. Въ поддѣлникѣ совершенно другая мысль; тамъ сказано, что эта Поэма начинается съ пятаго отдѣленія, и что первыхъ чепырехъ отдѣленій недоспашь, а шолько приложено ихъ содержаніе.

*Тамъ же.* „Но всякая Поэма спановипись аллегорическою не шолько ошь предмета, шолько ошь *описанія.*“ — Здѣсь *Behandlung* скорѣе можно перевести *исполненіе.*

*На стр.* 306. „Рама оспашь побдишелемъ, низлагашь Равуну и возвращашь на *свои небеса* и проч.“ У Геерена сказано на свое небо. Только Индра, одинъ изъ числа осьми міродержашелей и повелишель низшихъ боговъ, имѣеть при неба, что свидѣтельспвуешь слѣдующій спихъ, заимспвованный нами изъ небснаго пуше-

шеспвія Арджуны, гдѣ являешь посоль ошь Индры къ прелеспной Урвази, говоря: Vom Beherrscher des Drei-Himmels, der deiner Huld sich freuet stets (30).

*На стр.* 304. „Въ Уядгіѣ не было чесполобца.“ Мы полагаемъ что эшо опечашка вмѣсто сребролюбца — *Weißhals.*

*На стр.* 308 сдѣланъ пропускъ: говорись о жершвоприношеніи коня, что оно шполь многшрудно, что пребуешь многшльшнихъ пригошвлений. — Каждая мелочь, касающаяся до древностей и въ особенноспи до чудесной Мшологіи Индійцевъ, заслуживашь вниманіе. Надобно было перевести: по предписаніямъ *Састраезъ* шполь многшсложное, что шребуешь многшльшнихъ пригошвлений.“ — *Састрасами* называшься собраніе замѣчаній и комментарій, сдѣланыхъ Индійскими мудрецами на книгу Мену (31).

*Стр.* 310. „Сии обезьяны сушь шакже высшаго пронохождения, сущеспва между звѣрами.“ Полагаемъ, что и эшо опечашка, вмѣсто: божеспва между звѣрами.

(30) См. Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel von Bopp. 4 Ges.

(31) См. Heeren Ideen über die Politik. 1. Th. 136 S.

*Тамъ же.* „Тогда къ Царю *Душѣ-Ру-тѣ*, приходишь мудрецъ поколѣнія Царскаго, очистиившій себя поспому долговременнымъ, возвышенный до степеня свяшаго и Брамина.“ — Здѣсь будешь ксташи замѣшишь ошибку Г-на Переводчика, каковую воспрѣчаемъ въ спашь его нѣсколько разъ: имена собственыя, соспавленныя изъ двухъ словъ, склоняются шолько въ послѣднемъ, а первое остаешся безъ перемѣны. Правило сіе принято почши во всѣхъ языкахъ просвѣщенныхъ народовъ; да и припому, ужели будешь яснѣе, если мы скажемъ Душѣ-Рупѣ жежели Душа-Рупшѣ, или правильнѣе, Дасарашъ? Эшо не шолько не пояснешь, но еще болѣе измѣнешь имя, которое надобно спарашься передавашь какъ можно ближе къ его первоначальной формѣ (\*).

Въ приведенномъ нами мѣспѣ у Геерена сказано, что сей мудрецъ былъ Висва-мишра. Въ переводѣ мы онаго не видимъ; но главная погрѣшность заключаешся здѣсь прошивъ духовныхъ понятій Индійцевъ. Че-

(\*) Вошь, наприм. у Г-на Издателя Моск. Телегр. на эшо есть свое особое правописаніе: Гафицъ пишешь онъ *Гаафицъ*; Саади — *Сади*, какъ будто съ умысла на выворотъ. Ошдаемъ полную справедливость его энциклопедическимъ познаніямъ!

ловѣкъ обыкновенный (но шолько причисленный къ одной изъ прехъ первыхъ кашъ, ибо чешвершая, къ коей принадлежашь Судрасы или земледѣльцы, лишена сего преимуществва), посредствомъ спрогога покаянія, чрезъ воздержаніе опъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, и самооприцанія, можешъ и при жизни переродиться — сдѣлашья святымъ Браманомъ, наконецъ похитишь власъ у самого Индры. Укажу на одинъ примѣръ пущыинника Канду (32).“ Здѣсь надобно было перевести: чрезъ покаяніе возвысившійся до степеня Брамина, и проч.

*На стр. 311.* „Онъ приходишь къ Царю Душѣ-Рупшѣ просишь у него сына Рамы.“ — Кшо не подумаешь, что здѣсь дѣло идешь о внука Царя Душа-Рупы или Десарашы, между шьмъ какъ у Герена сказано: сына Раму.

*На стр. 317.* „Брама присылаешь тысячу дѣвъ пляшущихъ.“ Также не совсѣмъ вѣрно. Брама присылаешь штысячу убранныхъ дѣвъ и шанцовщицъ. — Кшо не узнаешъ въ сихъ дѣвахъ и шанцовщицахъ Гандгарфъ и Апсарасъ, населяющихъ небо Индры?

Желаемъ, чшобъ Г-нъ Переводчикъ воспользовался нашими замѣчаніями при своемъ

переводъ Магабарашы, который онъ общашь сообщашь намъ; ибо и прекрасный переводъ, при недоспашкѣ въ шочности, весьма много шеряешъ. Мы бы желали шакже имѣшь, прежде Магабарашы, хопя маленькій взглядъ на Миѳологию Индйцевъ, пошому, что имена: Брама, Вишну, и другія, копорыя еще гораздо чаще будущъ встрѣчашься въ Магабарашъ, не будущъ объяснены, много опнимающъ иншереся у Поэмы.

Чашя шакже, наприм. на стр. 314, что Висва-мишра, изъ кашпы Кешри, заслужилъ бышь принятымъ какъ свяшой въ кашпу Браминовъ, мы никакъ не можешъ догадашься, въ чемъ заключаешься эшо повышешье, между шѣмъ какъ раздѣленіе на кашпы весьма важно въ Индйской Ишторіи. Сочинешье Робертсона: Disquisition on India могло бы доставашь для сего прекрасные машеріалы, и вполне удовлешворашь любопытшество чашашеля.

*Делибюрадеръ* (\*).

(\*) Поразшешрѣвъ спашейку нашу, мы увидѣли, что въ ней, по большей частш дѣло ишетъ объ *именахъ*, а шакъ какъ и наше собственное имя

## III.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## I O B Ъ.

*Свободное преложешье* (\*).

## I.

Господъ вѣщаль *клетнику*:  
„Ты видѣль ли мое шворенъе:  
Мои громады высшихъ звѣздъ,  
Мои негаснуція солнцы?...  
Прошелъ ли землю? зрѣль ли шы,  
Какъ люди, слабыя созданья,  
Творашъ разумныя дѣла:  
Ты видѣль ли, какъ рабъ мой *Ювъ* —  
Покорный, вѣрный Богу рабъ  
Живешъ правдиво, безъ коварштва,

обращило на себя ученое вниманіе Г-на Издателя Моск. Телеграфа (см. 24 Но 1826 года); шо мы почитаемъ себя обязанными посвяашшь ему слѣдующія шпроки: что наше имя, *Делибюрадеръ*, не благозвучно, эшому виною языка Персидскій, опразившійся *Татарскимъ* въ ухахъ Г-на Издателя. Оно состоашъ изъ двухъ Персидскихъ словъ: دل и در, первое означаешъ: сердце, душа; швторое — брашъ. См. Richardson's Dictionary Persian, Arabic and English. Oxford. MDCCCLXXVII.

(\*) При семь преложешіи, Славянской текешъ Библии сличешъ съ шекспами на иносшранныхъ языкахъ.

И, ненавидя зло и грѣхъ,  
 Меня, какъ сынъ, душою любяшь?“  
 „Я видѣлъ, Господи! его“ —  
 Творцу губитель ошвѣчаешь:  
 „Но онъ меня не удивилъ:  
 И мудрено ль ему быть вѣрнымъ,  
 Когда, Всещедрый, на него  
 Дождишь Ты лучшими дарами?  
 Пустыни дальнія шумяшь  
 Его богатými спадями:  
 На нивахъ прибыль, въ домъ миръ;  
 Семья цвѣтешъ, за пиромъ пиръ,  
 Сыны другъ къ другу вѣдая въ госпи:  
 И самъ онъ здравъ и у него  
 Опъ счастья шучишь кошпи...  
 Дозволь мнѣ, Боже, испыташь  
 Тобой хвалимаго: я знаю —  
 Снъ жильцы Твоей земли,  
 Адама грѣшнаго попомки,  
 Лукавяшь всъ передъ Тобой:  
 Они смиренны и покорны,  
 Пока дождишь на нихъ добро;  
 Но суешны въ своцхъ желаньяхъ  
 И горды грѣшники снъ!  
 Они смиряюся и славяшь  
 Тебя, доколь Ты нуженъ имъ;  
 Но ихъ шерстьнѣ — паушина!  
 И упованье на Тебя  
 Пришворство жалкое; — цушь глянешъ  
 Въ лице имъ смерть или бѣда,  
 Тогда увидишь ихъ смяшене  
 И дѣшскій страхъ... такъ всъ они,  
 Таковъ и вѣрный рабъ Твой *Иовъ*...“

Но Богъ въцалъ *клеветнику*:  
 „Я дозволяю испытанье...  
 Иди, при Ангелахъ моихъ:  
 Они свидѣтелями будутъ,  
 Свирѣпшуй, испощай всю злость  
 На все, что моему рабу  
 Я далъ въ земное наслажденье;  
 Но не коснись его души  
 И сохрани его мнѣ шло  
 И духъ его не огорчай!...“

## II.

Пируютъ Иова сыны,  
 У брата старшаго веселье;  
 И счастливъ Папріархъ съдой  
 Живою вѣрой, упованьемъ.  
 Вдругъ вѣшникъ: „Гибель и бѣда!  
 Твои воли паслися мирно,  
 Мы ликовали, какъ всегда,  
 Вдругъ шуча пыльная намчалась  
 И пылъ еще не улеглась —  
 А нашихъ паствъ не спало боль:  
 Разбойники чужихъ долинъ  
 На куци съ воплемъ наскакали,  
 Все порубили, похваляли,  
 И я передъ побой — одинъ!“ —  
 Еще не кончилъ эшотъ рѣчи,  
 И новый вѣшникъ: „Господишь!  
 Гроза и гибель... Было шихо  
 И тысячи швоихъ овецъ  
 Паслися въ раздоляхъ пустыни,  
 Вдругъ смерклося — мчашся облака,  
 Густяшся, рдѣюшь, раскалились,

И вопшь... о чудо!... огонь дождемъ  
 Посыпашь на овецъ, на пажышь:  
 Горышь руно, заплълся лугъ,  
 Пылаешь ближняя дуброва;  
 И наши бѣдныя спада  
 Напрасно мечушя въ пошоки;  
 Вездѣ огонь и зной — и все,  
 Чшо зеленѣло, чшо дышало,  
 Все добычью пожара стало  
 И я свидѣшель бѣдъ — одинъ!“ —  
 Лишь кончиль сей, вдругъ *новый*: „Гибель!  
 Халдеевъ рашныхъ при толпы,  
 Какъ при весенніе пошока,  
 Вломилсь въ паспырскій нашъ станъ  
 И шабуны швоихъ верблюдовъ  
 Угнали въ плѣнъ — я лишь одинъ!“  
 Не кончиль эшошь — *новый* вѣспникъ:  
 „О горе! горе! семь сыновъ  
 И дочери швои младыя  
 Семейный ошправляли пиръ;  
 И при сестры цвѣли, какъ пальмы;  
 И, какъ пуспынные орлы,  
 Твои сыны, легки и здравы,  
 Вкушали сладкіе плоды,  
 Млеко и сошь — и въ аромахахъ  
 Тошили юные власы  
 И, подъ напѣвъ и муссибію,  
 При звукъ виночерпныхъ чашъ,  
 Носились гости въ легкихъ пляскахъ,  
 Какъ вѣспрь пуспынный по цвѣшамъ...  
 Вдругъ буря взыва... вихоръ зльный,  
 Какъ коршунъ, съ размаху, на пшицъ  
 Напалъ, ударилъ въ домъ веселья

И съ корнемъ вырвалъ домъ, пряхнулъ  
 И смьялъ и раздавилъ — и спрашно  
 Обезобразиль вѣхъ!.. Теперь  
 Одни раздавленные шрупи  
 Дымяшя въ собственной крови:  
 Твоихъ дѣшей не стало болъ,  
 И, вѣспникъ горя, я одинъ!“  
 Тупъ Іовъ всшалъ, безъ слезъ, но скорбный,  
 И вопшь свои одежды самъ  
 Онъ раздираетъ... и, повон  
 Сорвавъ съ главы безвласой, наль  
 И поклонилъ передъ Богомъ...  
 И, по молчаньи, возопиль:  
 „Нагой, изъ маперняго чрева  
 Пришелъ я, Господи, на свѣшь,  
 Нагимъ и возвращащъ я въ землю.  
 Ошець! Ты много далъ мнѣ — и  
 Свои дары берешъ обрашно!  
 Такъ шы благоволилъ, мой Богъ:  
 Блажу Твою свящюю волю!  
 О, будь благословенъ! я Твой!  
 Твори, чшо хочешъ надо мною!“  
 Такъ спарець скорбный вопяль,  
 Но не ропшалъ на Промысль Вышній.

## III.

Господь вѣщаль клеветнику:  
 „Чшо жъ испышалъ ли человекъ  
 И видѣль ли шеперь, каковъ  
 Мой рабъ, мой вѣрный, крошкій *Іовъ*?  
 Онъ нравомъ простъ и чистъ душей,  
 Не шерпишь зла, боишя Бога,  
 И въ грѣшномъ мѣрѣ, онъ умѣлъ,

Спаси, сберечь невинность сердца,  
 Почто жь ты гнусной клеветой  
 Меня подвигъ къ жестокой мъртвѣ,  
 Спраданьемъ кротость испыташь? —  
 „Что за спраданье, Боже правый?  
 Ты ошная ложако што, что даль;  
 А человекъ лукавъ и любящъ  
 Въ себѣ себя: за я свое  
 Онъ промѣняешь все и даже...  
 Но повели мнѣ разъ еще  
 Ошведать вѣры и шерьня  
 Тобой хвалимага раба!  
 Дозволь косшей его коснуться!  
 Лишь крѣпкія Твоей руки  
 Съ него сними на часъ зашпичу:  
 Тогда увидишь Самъ!“... „Иди!  
 Иди!“ въчалъ ему Всевышній:  
 „Я предаю его шебѣ,  
 Терзай на немъ земное шѣло,  
 Но не коснись его души!“

## IV.

Въ пустынь видѣнь людній градъ;  
 Тамъ дѣшея мѣна и купля;  
 Шумишь на шоржащѣ полна.  
 Вошь длинной шеей помавася  
 Верблюды — живой корабль пустынь,  
 И роешь землю конь игривый  
 Подъ спашнымъ смуглымъ вѣдокомъ,  
 И съ перелешнымъ вѣшеркомъ  
 Играють космы черной гривы;  
 Надулись ноздри и въ очахъ  
 Горишь какой-то дикій пламень.

И пушь же смирная споишь  
 Ословъ навьюченныхъ спаница.  
 Блиспають шкани песпрошой,  
 Кушцы ихъ цѣнность выхваляють  
 И въешь понкій аромашъ  
 Ошь мурры, масшикъ и алоя,  
 И все шумишь, вездѣ расчещъ;  
 Градь полонъ жизни... Надъ пустыней  
 Взшло ужъ солнце высоко,  
 И шѣнь уже у корня пальмы.  
 Бѣжишь и шадо и паспухъ  
 Укрыишь въ доль за сѣнью кедровъ.  
 Но кто, спрадалецъ, въ шяжкій зной  
 На кучѣ гноя исчезаешь?  
 Кого, безшѣнаго, палая  
 Лучи пустынного свѣшила?  
 Надъ кѣмъ жужишь сей зыбкій рой  
 До крови жадныхъ насѣкомыхъ?  
 Какъ онъ ужасно искаженъ:  
 Глаза запухли, спрушь и раны  
 Одѣян шѣло, какъ кора.  
 И весь онъ, какъ подъ пеломъ бѣлымъ,  
 Лежишь въ проказѣ... Кто сей мужъ?  
 Кто эшошь человекъ? сей нищій?  
 Никшо о немъ не поболитъ,  
 Никшо! — Онъ выброшенъ изъ града  
 И въ шяжкомъ недугѣ своемъ  
 Поверженъ, какъ мертвецъ безгробный:  
 И по былъ Ювъ!.. онъ молчалъ.  
 Но вошь пришла къ нему супруга,  
 Не съ шѣмъ, чибобъ въ сладосныхъ слезахъ  
 Излишь поль-сердца надъ спрадалецемъ;  
 Нѣшь! изъ ея холодныхъ усь

Летишь упрекъ: почто, безмольный,  
 Напрасно землю шагнешь?  
 Молись, вопи, чшобъ Богъ свой слышалъ,  
 Чшо ты, полусогнившій пруть,  
 Желаетъ смерти, смерти просишь.“  
 Сспрадалецъ, съ мукою, привсталъ,  
 Воззръвъ на небо и, въ ошвъшь ей:  
 „Ты говоришь мнѣ, какъ одна  
 Изъ женъ безумныхъ. . . Можно ль Бога  
 Тревожишь праздною мольбой  
 И малодушнымъ, дѣшскимъ воплемъ?  
 Я Божій весь! и жизнь моя  
 Въ Его рукъ. Моя супруга!  
 Не самъ ли Богъ насъ надблялъ  
 Такъ щедро лучшими дарами?  
 Когда жъ благое ошъ Него  
 Мы принимали съ услажденьемъ,  
 То примемъ и сосудъ скорбей  
 И вышьемъ все съ покорнымъ сердцемъ.“

## У.

Семь знойныхъ опшымали дней,  
 Семь разъ серебряныя звѣзды  
 Являлись радостью очей  
 На черномъ Аравійскомъ небѣ,  
 Съ шѣхъ поръ, какъ *трое* изъ друзей  
 Пришли объ Ювъ провѣдашь,  
 И были шѣ друзья — Цари  
 Или властшители — и первый  
*Элабазъ* былъ Оеманинъ;  
*Валдадъ*, властшитель изъ Савхеи,  
 И шрешій былъ завѣшный другъ  
*Софиръ* — и шо былъ Царь Минейскій.

И скорбь уша нмъ заперла:  
 Не смѣли ушѣшать спрадалца;  
 И чѣмъ ушѣшишь? чшо сказашь?  
 Но расперзавъ свои одежды,  
 Насыпавъ пепель на главы,  
 Семь дней и семь ночей сидѣли  
 При дружномъ ложѣ на землѣ.

## VI.

Воззръвъ спрадалецъ на друзей  
 Возспалъ, и вешкія одежды  
 Оправиль. . . Но, себя спрашась,  
 Поникъ головой на перси. Тяжко  
 Вдыхалъ скорбящій, и онъ былъ,  
 Какъ кедръ, надломленный грозою,  
 Ни мершвымъ, ни живымъ. — Но вдругъ,  
 Ошдавшись ропошу, онъ громко  
 Осиплымъ гласомъ возопилъ:  
 Погибни день, когда изъ чрева  
 Я вышелъ въ сей злосчастный свѣшь!  
 „Погибни ночь, когда сказали:  
 „Се, въ чревѣ зачатъ человекъ!“  
 И я записанъ въ книгу жизни! . . .  
 Угасни въ вѣчности сей день!  
 И ночь, изъ времени, исчезни!  
 О, выкинь, Господи! сей день  
 Изъ лѣтъ, изъ круга годового!  
 И въ шой ночи, да не горяшь  
 Ушѣха взоровъ звѣзды неба;  
 Не будь у шой ночи ушра!  
 Не убирай ее, младая,  
 Своими розами — заря! . . .  
 Зачѣмъ шопъ день, зачѣмъ съ шой ночью

Мнѣ дали сей увидѣшь свѣтъ ?  
 Зачѣмъ я не родился мершвымъ ?  
 Зачѣмъ не умеръ я — родясь?  
 Почто ты на свои колѣни,  
 Меня, о машер! приняла?  
 Почто меня писали перси?  
 Меня бь закинула, чшобъ пропала  
 Я въ пеленахъ, еще безъ смысла!  
 Теперь давно бь уже я спалъ  
 Спокойнымъ сномъ въ глубокомъ лонѣ  
 На общемъ сходбищѣ — въ землѣ!  
 Тамъ всѣ равны: рабы и Князи;  
 Богачъ бохъ о бохъ съ нищимъ легъ;  
 Для всѣхъ одинъ счастливый ошдыхъ  
 Подъ хладнымъ черепомъ земли;  
 А здѣсь, а въ сей палищей жизни,  
 Въ сей бездорожной шемношѣ,  
 Мы только бродимъ какъ слѣпые...  
 Зачѣмъ ты свѣпишь, Божій день!  
 Чшобъ намъ показывашь, какъ люди,  
 Спрадаюшь, плачущъ и грусящъ!...  
 А я, я мученикъ безвинный,  
 Рыкаю громче гладныхъ львовъ  
 И, какъ пошокъ на двѣ кремнистомъ,  
 Въ моей груди кишишь шоска:  
 Онъ шяжкою налегъ горою  
 На перси мнѣ, холодный страхъ:  
 Я обяшь имъ, чего боялся  
 Увы! со мною все сбилось!  
 Но развѣ я роншалъ доселѣ,  
 Подъ шяжкимъ нашискомъ скорбей?  
 Не сохраняя ли я молчанья,  
 Когда мой недугъ прогрызаль

Ошпатки гибнущаго шѣла  
 И видѣль коспи я свои!  
 Но былъ спокоенъ я, доколъ  
 Меня проникнулъ Божій гнѣвъ!“

## VI.

Тогда Элиафазъ Оеманскій,  
 Въ ошвѣтъ на ропошную рѣчь:  
 „Сказашъ ли мнѣ, но я боюся,  
 Чшо горькому шебъ, горька  
 Покажется бесѣда правды;  
 Но можно ль чувсиво удержашъ?  
 Оно кипишь и просишь слова —  
 И я скажу: ты былъ мудрець;  
 Бывало, помнишь, ты совѣшомъ  
 Соединялъ сердца людей;  
 Ты шашкимъ въ мысляхъ былъ подпорой,  
 Скользящихъ словомъ укрѣпляя;  
 Но самого едва коснулася  
 Бѣда пролешная персшомъ,  
 Ты и разслабъ и палъ какъ мертвый!  
 И хоть привстанешъ, но за шѣмъ,  
 Чшобъ жребій смершнаго злорѣчиш!  
 Гдѣ жъ спрахъ Господній? Гдѣ шощъ духъ,  
 Который радуешся скорбью,  
 Расшетъ въ шерпѣни и — булашь,  
 Въ огнѣ спраданья закаленный,  
 Идешъ на муки, какъ на пирь?...  
 Господь правдивъ! Когда карашь,  
 То Онъ карашь за грѣхи;  
 Всесилень Богъ: одно дхновенье  
 Изъ усшь Его, какъ хрупкій листъ,  
 Съ земли смешаешь нечеспивыхъ...

Звенѣлъ гласъ лвиный по зарямъ,  
 И шигра ревь смущалъ пустыню;  
 Но шонъ и оный — мертвецы!  
 Ихъ семьи сгибли, въ ихъ вершеняхъ  
 Засѣли сумракъ съ пустошю!...  
 И я однажды, въ шайнѣ ночи,  
 Послышалъ нѣкакій глаголъ;  
 Онъ, мнѣ казалось, какъ украдкой,  
 По слуху моему скользнулъ,  
 Но сердце глубоко прорѣзалъ.  
 И было шо въ шакой ужъ часъ,  
 Когда дневное все стихаетъ  
 И сходящѣ спрахи съ пишиной;  
 Меня вдругъ обнялъ ужасъ. Спращно  
 Мои всѣ кости запряслись  
 И побѣжалъ по жиламъ холодъ:  
 Когда жъ духъ ночи проходилъ,  
 Во мнѣ все сжалось... волосъ дыбомъ!...  
 И кто-то спалъ передо мной,  
 Незримъ, безличенъ, безшлесенъ,  
 Но мнѣ, онъ какъ-то видѣнъ былъ  
 И гласъ его ко мнѣ повѣялъ,  
 Какъ изъ могилы шонкій хладъ:  
 „Уже ли можно челоуѣку  
 Предъ Богомъ справедливымъ бышь?  
 И можно ли, чшобы шворене  
 Явилось чище, чѣмъ Творецъ?  
 И близкіе къ Нему не чисы!  
 И въ свѣшлыхъ Ангелахъ своихъ  
 Нашелъ Онъ пашна! что же люди,  
 Скудельныхъ храмннхъ снхъ жильцы?  
 Они — приросшіе къ земному —

Обезображены грѣхомъ,  
 Какъ шкань, извѣденная молю!...“

( *Продолженіе имѣеть бытъ.* )

Федоръ Глинка.

1827 г. Марта 21.

г. Петрозаводскъ.

#### IV.

### СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзоріе происшествій 1826 года.

( *Продолженіе.* )

Прошекшій годъ былъ для Поршы Ош-  
 шоманской роковымъ годомъ и еще рѣши-  
 шельнѣе будетъ слѣдующій, въ которомъ  
 должны оказаться плоды шараній, приложен-  
 ныхъ въ печеніе прошедшихъ лѣтъ. Новый 1826  
 годъ озарилъ Конспаншинополь ужаснымъ  
 пламенемъ: въ ночи съ 3 на 4 Января, сви-  
 рѣлспивалъ въ предмѣстіи Галашъ пожаръ,  
 коего добычею сдѣлались 1000 лавокъ и 1500

домовъ; причиненный онымъ уронъ цѣнился въ 25 милліоновъ піаспровъ. Султанъ Магмудъ полагалъ въ семь году, что напустила благопріятная минуша для приведенія въ дѣйство уже за 18 лѣтъ пріутошованнаго проекта преобразованія войскъ по-Европейски, и уничтоженія Янычаръ, спрашнхъ для Турецкаго престола. Слѣдствіемъ того было ужасное возмущеніе сихъ послѣднихъ, возгорѣвшееся 15 Іюня; они преобладали голову Великаго Визиря, Аги-Паши и Муфтія, котораго, вмѣстѣ съ Рейсь-Эфендіемъ, почитали главными виновниками новаго успройсхва въ войскъ. Султанъ Магмудъ оказалъ въ семь случаевъ великую рѣшительность и неуспрашимость: онъ вошелъ въ сераль, и лично предводительствуя Топчіями или арпиллерисшами, приказалъ выспашишь Санджакъ-Шерифъ или знамя Пророка, и созвалъ Улемъ и толпу народную къ защитѣ онаго. Воспоследовало ужасное кровопролитіе на Эшмейданской площади; нѣсколько тысячъ Янычаръ погибли или на мѣстѣ сраженія, или въ казармахъ своихъ, гдѣ искали убѣжища, и сдѣлались жертвою пламени; большая же часть оныхъ лишилась жизни въ казняхъ, продолжавшихся дено и ночью, всенародно и втайнѣ. Янычары были опмѣнены на вѣки; ихъ котлы

разбиты и имя ихъ проклято Муфтіемъ. Говорящъ, что въ сей кровавый день сторгло нѣсколько тысячъ Янычаръ и всего съ обѣихъ сторонъ погибло болѣе 10,000 человекъ. Безпрерывныя казни еще значительно умножили сіе число; также сосланы были изъ Констанщинополя въ заоченіе болѣе 20,000 человекъ, которые находились въ связяхъ съ Янычарами, пакъ, что народонаселеніе столицы въ семь году, включая опустошенія, произведенныя моровою язвою и нѣсколькими большими пожарами, должно было значительно уменьшиться. Съ болзнію ожидали извѣстій изъ Азіи, какъ тамошніе многочисленныя и сильныя Янычары примушь сію вѣсть, однако не смотря на многія извѣленія неудовольствія, нигдѣ не произошло важнаго мятежа. Между тѣмъ Султанъ безпреспанно обучалъ и умножалъ новую свою милицію, которою онъ начальствовалъ лично, и неуспынно продолжалъ приводить въ дѣйство начатое предпріятіе. Сначала онъ выманилъ опасныхъ Ямаковъ, помогавшихъ ему дѣйствовать противъ Янычаръ, разными обѣщаніями изъ ихъ Босфорскихъ замковъ; потомъ уничтожилъ сословіе Боссанджіевъ, ввелъ строжайшія полицейскія мѣры противу дерзкихъ рѣчей, приказалъ запретить большую часть 40,000 кофейныхъ до-

мовъ внутри и около Константинополя, запретилъ брадобрѣямъ угощать кофеемъ и табакомъ, а съ другой стороны повелѣлъ открыть питейныя дома, и всѣ сіи учрежденія, противныя законамъ и обычаямъ Мусульманъ, освященіемъ рѣшеніемъ Муфтія, что Султанъ есть Намѣстникъ Пророка, коему подобаешь слѣпо повиноваться, даже если бы онъ повелѣлъ сжечь Коранъ. Продажею вина, и всякими другими способами Султанъ старался скопывать деньги. Всеобщее уныніе народа при видѣ сихъ мѣръ, ежедневныхъ казней и убійствъ, къ чему еще присовокупился неспершимый зной и моровая язва, поспешенно возрастало, и скрытое неудовольствіе наконецъ обнаружилось въ страшномъ пожарѣ, кошорый 31 Августа, въ шопъ самый день, когда хошѣли внести въ Сераль знамя Пророка, опять превратилъ въ пепель осьмую долю города, около 6000 домовъ, и въ семь числъ множество дворцовъ и сокровищъ богатѣхъ вельможъ. Греки не могли бы съ бѣльшимъ оспервеніемъ свирѣпствовать противу вражеской столицы, какъ несповствовали Турки противу главнаго своего города. Въ продолженіе пожара, Султанъ военною силою обуздывалъ недовольныхъ, и 2 Сентября, знамя Магомета об-

рашно перенесено было въ Сераль. Снова умножились спогія мѣры и казни, и снова вспыхнулъ пожаръ 11 Октября: оный пошупень мяжежъ кровію возмутишелей, и въ шожѣ время открылъ заговоръ, пуспившій множество отпраслей. Ужасно было положеніе столицы въ концѣ Октября, когда пожары, язва и казни были ежедневнымъ зрѣлищемъ, и въ каждую минушу ожидали начашія новой борьбы. При сихъ обспояшельствахъ и совершенномъ недоспащкѣ въ деньгахъ, Порша не можешъ сильно вести войну въ Греціи, шѣмъ болѣе, что и Египешъ, съ помощію коего она воевала въ печеніе двухъ послѣднихъ лѣтъ, вскорѣ переспанешъ снабжашъ ее войсками и денежными пособіями, и пошому върояшно безъ большихъ затрудненій согласился на шребованія великихъ Европейскихъ Державъ. Отказываясь отъ всякаго пріобрѣшенія, онъ соединенными силами сдѣлали сильное предспавленіе Поршѣ, и шребуюшъ, чтошобы она прекратила бесполезное кровопролитіе и даровала Греціи права, подобныя шѣмъ, коими пользуются Молдавія и Валахія, по кошорымъ она будешъ управляема Начальникомъ, подобнымъ Господарямъ, и сосшояшъ подъ верховнымъ управленіемъ Порши и подъ зашщитою великихъ

Державъ. Если Порша не согласится на ихъ требованія, то Державы, кошорыхъ флотилліи расположены въ Архипелагъ, спанушъ преняшсшвовашъ высадкь новыхъ экспедицій на берега Греціи. — Сверхъ того, Англія потребуешъ вознагражденіи за взятіе или разореніе Англійской собственности на островъ Хіосъ и въ другихъ мѣстахъ.

*Греки*, уведомленные о намѣреніяхъ великихъ Державъ, съ радостнымъ довѣріемъ вспрѣшшили наступающій годъ. Въ семь году они также отличились въ различныхъ морскихъ сраженіяхъ, и преимущественно геройскою защпшою Миссолонги оказались досшойными великихъ предковъ и даруемыхъ имъ нынѣ правъ, кошорыя безъ сомнѣнія не только приведушъ ихъ иькогда къ независимости, но и сдѣлаюшъ ихъ досшойными оной. Въ то же время они представили и новые примѣры коренные пороки своего внутренняго несогласія, безъ коего древняя Греція не такъ легко пошеряла бы, а новая давно уже пріобрѣла бы свою независимость.

Въ концѣ 1825 года, Турція обратила все усилія свои на ограду Греческой свободы, крѣпность Миссолонги, кошорая тогда уже прешерцѣла 4 осады и болѣе 70 приступовъ, и къ кошорой 25 Ноября прибылъ

Капшанъ-Паша съ 31 Турецкимъ, 5 Алжирскими, 4 Трипольскими, 27 Европейскими, 26 Александрійскими кораблями и 10 бригадами, всего съ 133 судами. Въ то же время два Полномочные высокога званія, Неджибъ-Эфенди и Гусни-Бей опшправлены были для всшунленія съ Греками въ переговоры, кошорые однако же оспались безъ успѣха, хощя положеніе послѣднихъ подавало поводъ къ важнымъ опасеніямъ, пошому, чшо почти весь Пелопоннесъ былъ завоеванъ войсками Ибрагима, и только еще Коринѣъ, Навплія, Малвазія и Майнскія горы находилсь въ рукахъ Грековъ, кошорые здѣсь могли пославишъ одни легкіе опряды, и опасались нападенія на Идру и Спецію. Съ другой стороны, Греки, подъ начальствомъ Гуры, пріобрѣли при Салонѣ нѣсколько выгоя, кошорыя ослабили предпріяшя Турокъ противъ Миссолонги. Также и Міаули одержала 8 Января побвду при мысѣ Папѣ 76 кораблями противу 98, въ числѣ коихъ было 2 линійные и 14 фрегатшвъ; овъ лишился 4, Турки 18 кораблей, и послѣдніе спасались подъ Лепаншскія башшарей. Повшоренные пристушы Решидъ-Паши къ Миссолонги, изъ коихъ второй, сдѣланъ въ концѣ Декабря пшшнадцашштысячнымъ корпусомъ, были опражены. Колокошронцъ, на-

именованный Генералиссимусомъ, взявъ Триполицу приступомъ, и при опыта Ибрагима Паши подвинувшись впередъ, были тщательны. Греческое Правительство также не оставалось въ бездѣйствіи: оно издало постановленія о продажѣ національныхъ имуществахъ, привело въ порядокъ Юстицію, учредило мирныя, провинціальныя и апелляціонныя Суды и Верховное Судилище въ Навплии. По взятіи, 3 Февраля, шрехъ Турецкихъ военныхъ и одиннадцати транспортныхъ судовъ, удалось Миаули доставить нѣсколько припасовъ въ крѣпость Миссолонги, которая уже 10 мѣсяцевъ была осаждаема съ моря и съ суши, и пропавъ коей Ибрагимъ-Паша, наименованный Главнокомандующимъ вмѣсто Решада, и Пашаскимъ Комендантомъ вмѣсто Юсуфа, направилъ все силы свои. Тогда возгорѣлась война съ большею жестокостію. 21 Января, Гура съ 9000 Грековъ сразился съ Египетскимъ войскомъ въ 15,000 человекъ подъ начальствомъ Ибрагима; въ семь кровопролитномъ бою, Магомешане (вѣроятно по преувеличенному извѣстіямъ), лишились ошь 6 до 7000 человекъ, а Греки 2500 человекъ. Палатка и сераль Ибрагима были завоеваны, и Маринскій монастырь съ 1700 Турокъ взятъ на воздухъ. 27 Января Гре-

чекскій флотъ вступилъ въ сраженіе съ Турецкимъ, и послѣдній въ безпорядкѣ обратился въ бѣгство, чему виновникомъ былъ Капишанъ-Бей, котораго немедленно смѣнили; однако же флотъ вкорѣ потерялъ еще другое сраженіе подъ начальствомъ самого Капишанъ-Паши. Сіе не препятствовало Ибрагиму, сосредоточившему войска свои, пѣсье осадить Миссолонги и учинить при новыхъ приступахъ, 28 Февраля, 1 и 2 Марша, въ которыхъ Турки и Египтяне потеряли 500 человекъ, а Греки завоевали вышнія ихъ башшарен. Между пѣмъ, увеличивался недостатокъ въ съѣстныхъ и боевыхъ припасахъ въ Миссолонги, и когда Ибрагиму удалось, послѣ отчаяннаго сопротивленія, овладѣть островомъ Василади, а вкорѣ пошомъ 13 Марша и островомъ Анашолито, то безъ вышней помощи не было спасенія для города, все болѣе и болѣе спѣняемаго. Не смотря на то, геройскій гарнизонъ отразилъ еще два приступа, 23 Марша и 6 Апрѣля; и когда уже нельзя было болѣе помышлять о защищеніи, и шрехдневный голодъ ужасно измучилъ ихъ, тогда оба начальника, Ношо Боццари и Киццо Тцавелла, рѣшились оставить городъ, и, въ сопровожденіи женъ своихъ, неожиданно пробившись ночью сквозь Турецкій лагерь. По-

сѣдняя защита города предоставлена была шарцамъ и раненымъ, кошорые, въ минушу крайности, должны были поднять порохомъ на воздухъ Миссолонгскія развалины. 22 Апрелья въ 8 часовъ вечера, растворились вороша священнаго для Греціи города. Но къ величайшему удивленію, готовившійся выйти гарнизонъ увидѣлъ непріятелей, расположенныхъ въ боевомъ порядкѣ. Сей видъ не усстрашилъ Грековъ: они бросились на шипки и башарей Египтянъ, и послѣ ужаснаго кровопролитія, въ кошоромъ пало множество героевъ и бѣлая часть женъ и дѣшей ихъ, они сломили всѣ ряды непріятелей, спаслися въ горы, отдохнули часа два, и опсправились въ числѣ 1800 человекъ въ Салону, откуда переведены были въ Навплию. 23 Апрелья Турки вошли въ Миссолонги, покинутый защитниками; но и здѣсь должны были на жизнь и смерть сразиться съ оставшимися, которые наконецъ, посредствомъ проведенныхъ по различнымъ направленіямъ минъ, подняли себя на воздухъ вмѣстѣ со многими входившими въ городъ Турками. Въ сей день и въ предшествовавшую ему ночь, Турки лишились еще 5000 человекъ, и въ рукахъ ихъ осталась громада пепла, кошорая болѣе прославляетъ

геройство Эллиновъ, чѣмъ блистательнѣйшій побѣдный памятникъ.

Греческое Народное Собраніе въ Пиадь, на мѣсто смѣненнаго стараго Правительства, избрало два Временныя Правленія, Исполнительную Депушацию и Законодательное сословіе Народнаго Собранія, кошорыя 29 Апрелья имѣли торжественный въѣздъ въ Навплию. — Колокошпони были утверждены въ качествѣ Главнокомандующаго, а Маврокордато удалился. Народное Собраніе рѣшилось просить Англійскаго Посланника, чшобы онъ примирилъ оное съ Поршою, подъ условіемъ признанія Греціи, и шакъ какъ Дмирій Ипсиланши изъявилъ свое несогласіе на сіе посредничество, шо его объявили неспособнымъ ни къ какому почешному званію. — Идра была позорщемъ великихъ безпокойствъ: шакъ просшой народъ пропившися опъезду богатыхъ жишелей. — Вся надежда Грековъ обращена была на экспедицію Лорда Кокрена, написавшаго вызовъ на брань къ Вице-Королю Египетскому; къ нему долженствовало присоединиться экспедиція Американскихъ военныхъ кораблей и 2000 человекъ венотгательнаго войска подъ начальствомъ Геперала Лаллемана. Вся вспомошательная сила должна была состоять изъ разныхъ Ан-

гаійскихъ большихъ пароходовъ съ Перкинсовскими 68 фуншовыми пушками, нѣсколькихъ небольшихъ военныхъ кораблей, 4 Американскихъ пароходовъ и 2 Американскихъ фрегатовъ о 64 пушкахъ, которыя, вмѣстѣ съ 30 Эллинскими бригами и множествомъ мелкихъ военныхъ кораблей и брандеровъ, сославили бы флотъ, ошъ кошораго, по мужеству и искусству Греческихъ, Англійскихъ и Американскихъ мореходцевъ, подъ начальствомъ Адмирала, каковъ Кокренъ, можно было ожидать удивительнѣйшихъ послѣдствій. — Однако же сія надежда все еще не исполнилась. Правда, что Лордъ Кокренъ уже 12 Мая отправился изъ Фальмута, но все еще не прибылъ въ Грецію, и въ концѣ года находился въ Марсели. При построении Англійскихъ пароходовъ, сдѣланы были такія важныя ошибки, что надобно было значительнѣе исправить или даже совершенно перестроить ихъ; одинъ пароходъ *Картерія* (Посшоанство) прибылъ въ Навилію и купленъ Греческимъ Правительствомъ, однако же постройка и прочихъ нынѣ продолжается съ болѣею поспѣшностію. Въ Нью-Йоркѣ изготовлено было прекрасное 74 пушечное военное судно и готовилось къ отплытію; и если война не

прекратится, то Лордъ Кокренъ, который уже теперь служилъ страшилищемъ для Турокъ и Египтянъ, безъ сомнѣнія вскорѣ появившійся въ Архипелагъ и приметъ начальство надъ Эллинскимъ флотомъ; но вѣроятно, что Англійскіе Министры уведомили его о намѣреніи великихъ Державъ предупредить дальнѣйшую вражду, и эшимъ легко объясняется его бездѣйствіе. Въ слѣдствіе жалобъ, принесенныхъ многими Европейскими Державами, а болѣе всѣхъ Австрією, на увеличивающіеся морскіе разбои, которыя конечно по большей части производимы были подъ Греческимъ флагомъ Славонцами, Киликіянами и другими прибрежными жителями Средиземнаго моря, Народное Собраніе, для прекращенія оныхъ, издало прокламацію. Также объявило оно, и вѣроятно зашѣмъ, чтобы не показатъ разногласія съ правилами Европейскихъ Державъ, ходатайствующихъ въ пользу Греціи, готовность свою къ принятію со временемъ Монархическаго образа правленія. По завоеваніи Миссолонги, Ибрагимъ-Паша, коего войско весьма уменьшилось, пробылъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи, и попомъ обратился свои нападенія прошиву храбрыхъ Майноповъ, никогда еще непобѣжденныхъ и

защищаемыхъ своими горами, пошомковъ древнихъ Спаршанцевъ, но прижды былъ ими ошраженъ съ большою пошерю. Въ то же время Сераскирь Решидъ - Паша двинулся съ 10,000 человекъ войска къ Аѣшиамъ; памошняя крѣпость защищаема была храбрымъ Гурою. Здѣсь Французскій Полковникъ Фавье далъ ему нѣсколько сраженій, въ коихъ войска, обученныя Европейской тактикой, весьма оплчилились ошъ необразованныхъ войскъ Греческихъ. Гура былъ убиенъ во время вылазки изъ Аѣнской крѣпости, и храбрый Гризиоши засунулъ его мѣсто. Между тѣмъ удалось подкрѣпить Аѣнскій гарнизонъ, и предположено до крайности защищать Акрополисъ, а если оный не можеть болѣе держаться, взорвать его на воздухъ. — Карашассо опустошала оспровъ Эвбею или Негропоншъ, куда уже передъ тѣмъ Фавье предпринималъ экспедицію, чшобы тѣмъ принудить Омера - Пашу, вмѣстѣ съ Решидомъ ушѣснявшаго Аѣны, возвратиться въ Пашалыкъ свой. Въ Кандіи также продолжались сраженія съ непокоренными еще Горцами. Трижды Капишанъ - Паша пышался сдѣлать высадку на оспровъ Самось, и прижды прешерпѣлъ поражение ошъ Адмирала Сахшурѣ; въ одномъ изъ сихъ

сраженій, мужественный Канари тяжело раненъ. Такъ и въ семь году Турецкій флотъ долженъ былъ возвратиться въ Дарданеллы, не покоривъ ни одного оспрова. Онъ готовился къ новому походу, равно какъ и Египетскій, кошорый долженъ былъ доставить Ибрагиму подкрѣвленіе войскомъ и разными припасами, въ коихъ онъ имѣеть крайнюю нужду; за первымъ наблюдаеть Сахшурѣ, за вторымъ Коландруццо, а между тѣмъ можеть прибыть по крайней мѣрѣ часть Кокреновой экспедиціи, если, какъ выше сказано, великія Европейскія Державы не предупредять всякаго дальнѣйшаго предпріятія прошиву Греціи. — Нынѣ, по достовернѣйшимъ извѣстіямъ, живуть въ Моревъ 700,000, въ Сѣверной Греціи 800,000, въ Архипелагѣ 300,000 душъ. Государственный доходъ Греціи простираеться до 8,500,000 франковъ; Государственный долгъ въ 1825 г. сосавлялъ 25 милліоновъ франковъ. — 30 Мая умеръ знаменитый Германъ, Архіепископъ Папрасскій, кошорый въ Апрель 1821 года подалъ первый знакъ къ возстанію, продолжающемуся нынѣ уже шестой годъ. — Междоусобные раздоры вспыхнули снова съ шакою силою, чшо въ концѣ Октябрю, въ самой столицѣ, Навплин, замокъ Паламиди,

заяпный Сулюшамн , кошорые въ городъ играють ролу господъ , н укрьплене Бурци при въздъ въ гавань , сѣдалище членовъ Правленія , переспръливались между собою. Аѣнскія древности, преимущественно изящное произведеніе Парѣенона , весьма пошерпѣли ошь бомбардировки; однако же говоряшь, что Сераскирь, въ сраженіи 3 Октябрю, былъ совершенно разбишь н пресладуемъ на 7 миль ошь Аѣннъ. — Въ Констаншинополѣ все еще продолжается соспояніе безначалія; считають, что съ 23 Октябрю до половины Ноябрю, казнено около 6000 человекъ, не включая нѣсколькихъ тысячъ ушопленныхъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

## СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

### Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

#### *Политическая Экономія.*

15. Une nation doit-elle être exclusivement agricole? Par N. Demidoff, Conseiller d'Etat actuel etc. etc. (*Долженъ ли какой либо народъ исключительно заниматься земледѣліемъ?* (Соч. Н. Демидова, Двѣстств. Спаш. Совѣшн. и пр. и пр.) С. П. б. 1827 года. Въ шипогр. Депарш. Народнаго Просвѣщенія, 34 стр. въ 8. (См. No 34 Сѣв. Пчелы.)

#### *Изящная Словесность.*

16. Пиндаръ , переведенный съ Греческаго лзыка Иваномъ Мартыновымъ , съ примѣчаніями Переводчика. Часть I. С. П. б. 1827. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 285 стр. въ 8.  
(Благодаря шрудамъ Г. Маршънова , мы скоро будемъ имѣть полное собраніе Грече-

скихъ Классиковъ, копорые уцѣляли отъ  
 шльна въковъ и отъ книжнаго пожара Але-  
 сандрійскаго. Переводъ Пиндара соста-  
 вляетъ 21 часть сего собранія. Трудъ по-  
 хвальный и полезный, ибо симъ, незнающіе  
 Греческаго языка знакомятся съ лучшими  
 произведеніями Поэтовъ, Орашоровъ и Бы-  
 пописателей древней Эллады; а учащіеся  
 языку сему, находятъ вѣрное пособіе къ ура-  
 зумнью мѣстъ затруднительныхъ, что еще  
 болѣе облегчается примѣчаніями, коими по-  
 чтенный Прелагатель обогатилъ свои пе-  
 реводы. )

## I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

## А Р Е С Т А Н Т Ъ.

( *Окончаніе.* )

Ю л і й к ѣ Ф е л и к с у .

Тутъ было еще нѣсколько спрокъ, но  
 я не могъ разобрать ихъ; онѣ спершы сле-  
 зами. И эти слезы служашъ оппечашкомъ  
 чувствованій сердца нѣжнаго, чистаго....  
 Ахъ, Феликсъ! по прочтеніи сего журнала,  
 мысли мои о свѣтѣ и людяхъ совершенно  
 перемѣнились!... Я въ шакомъ смяшеніи...  
 не знаю, какъ явиться къ Принцу... Боже  
 мой! что такое значить жизнь наша, какъ  
 не безпрестанное, горестное бореніе съ за-  
 блужденіями, проспунками и раскаяніемъ?..

Какъ отецъ мой былъ опекуномъ Юліи,  
 то я увѣренъ шеперь, что прекрасная и  
 несчастливая шешушка, копорая часто пи-  
 сывала къ машушкѣ и за копорую машуш-  
 ка зашавляла меня молишься, должна бытъ  
 не дная кто, какъ Графиня Юлія. Ахъ! Фе-

ликсь, если бы ты могъ понять, что такое еще я предполагаю!.. Сердце мое шакъ полно... Я шеряюсь въ догадкахъ и заключеніяхъ... О другъ мой! ежели бы предумшвія мои меня не обманули!..

*На другой день.*

Было уже поздно, когда Принцъ прислалъ за мною. Я нашелъ его сидящаго на софѣ. У ногъ его, по обыкновенію, лежала вѣрная собака. Когда я вошелъ, онъ устремилъ на меня взоры свои, какъ будто бы желая узнать изъ глазъ моихъ, какое впечатлѣніе произвело во мнѣ чтеніе журнала Юліи, и по видимому, онъ скоро угадалъ движеніе моего сердца. „Садись, милый Юлій,“ сказалъ онъ пошомъ: „я долженъ многое рассказать тебѣ.“ Я сѣлъ возлѣ него. Онъ задумался: казалось, ему очень горько было приводить себя на память все прошедшее. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ склонилъ голову на грудь мою и началъ говорить слѣдующее:

„Не знаю, до какой степени можно иногда вѣрять могуществу злаго духа; но, нельзя ошвергать истины, что иногда, какая-то необходимая сила можешь влечь насъ ко злу. Кажешся, что злобный геній рошеть

землю подъ ногами нашими и — мы попадаемъ въ бездну. Что было бы съ нами, если бы милосердая десница Предвѣчнаго не управляла врагами нашими шакъ, что они спановяшся орудіемъ къ собственному нашему избавленію?..“ Принцъ замолчалъ, взявъ мою руку и, прижимая ее къ груди своей, продолжалъ: „я былъ ошъ природы крошкаго и нѣжнаго характера; но, долговременное пребываніе мое въ спранѣ, гдѣ я совсѣмъ почти не видалъ женщинъ, непрерывныя занятія военными дѣлами, и собственные усилія мои содѣлали на вѣкъ, какъ я думалъ, сердце мое неприсшупнымъ любви: возвращаясь въ отечество, я зналъ ее только по названію, но, при первомъ взорѣ на Юлію, сердце мое не могло пропшivosшояшь силъ ея: я покорился и — вмѣшъ съ тѣмъ лишилъ спокойствія шу, кошорой, до шого времени, могущество спрашти совершенно было еще неизвѣстно. Юлія меня любила, и сердце мое, увѣренное въ нѣжныхъ ея чувстввахъ, не должно было бы нишашъ никакихъ подозрній; однако я былъ чрезвычайно ревнивъ: самая невинность ея, опкровенность и совершенное незнаніе обычаевъ свѣнскихъ, наиболее возбуждали во мнѣ эшу гибельную спраштъ. Сообщники Герцога спарались умножать ее во мнѣ;  
\*

злостная, завидливая Баронесса Габриэль непримѣнно раздувала пламя ревности въ моемъ возмущенномъ воображеніи; даже и манушка моя, обманувшись ложными догадками, внушеніями окружающихъ ее, и самымъ участіемъ своимъ въ положеніи Юліи, думала, что есть какое нибудь тайное сношеніе между Герцогомъ и ея молодою Шшашь-Дамою, и что будто Юлія только потому и казалась внимательною къ моей нѣжности, чтобы удобнѣе скрывать существенную спрассь свою. Долгое время боролся я съ этою мыслию; часто Юлія успокоивала меня однимъ словомъ, и съ каждымъ днемъ, я привязывался къ ней болѣе. Чтобы быть совершенно удостовѣреннымъ въ истинѣ чувствъ ея, я предложилъ ей соединиться со мною тайнымъ бракомъ: она согласилась. Это меня совершенно успокоило: я блаженствовалъ; но вскорѣ злобный геній, меня преслѣдовавшій, возбудилъ во мнѣ подозрѣніе и къ тому, что она рѣшилась такъ скоро на дѣло, о кошоромъ надлежало бы хоть нѣсколько ей подумать. Спрассная любовь моя къ женѣ дѣлала меня ревнивымъ до бѣшенства; сердце мое перзалось сомнѣніемъ; и часто впадалъ въ ужасную задумчивость, надъ кошорою брашь мой всегда вздвѣвался съ жеспочайшею злобою. Мы

очень рѣдко видались съ Юліею на единѣ: разъ ввечеру я узналъ отъ Баронессы Габриэль, что Герцогиня призывала ее къ себѣ, и что послѣ продолжительнаго разговора, Юлія вышла отъ нее, рыдая. „Графиня нездорова, прибавила она, мы сегодня ее не увидимъ.“ Слова ея повергли меня въ смущеніе; уже покушался я немедленно пойти къ Юліи, но манушка, подзававъ меня къ себѣ, какъ будто нарочно удерживала разговоромъ, и мученіе мое было неизяснимо. Но какъ описавъ тебѣ мое чувство, когда Баронесса, подойдя ко мнѣ, сказала въ полголоса: „успокойсье, Ваше Высочество; Графиня конечно лучше, она приняла Герцога; онъ и шеперь у ней.“ Съ ужасомъ посмотрѣлъ я вокругъ себя: Герцога въ самомъ дѣлѣ не было въ залѣ. Пламя ревности снѣдало мое сердце; я былъ виѣ себя, молчалъ и закрывъ лице руками, предавался ужаснѣйшимъ мыслямъ, и даже совсѣмъ не примѣчалъ, что происходило вокругъ меня. Герцогъ возвратился; манушка удалилась, а послѣ того и все обществое разсѣялось. Почувствовавъ наконецъ, что въ залѣ сдѣлалось тихо, я взглянулъ: одинъ только брашь мой оставался со мною.

„Карль,“ сказалъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею холодноспію: „пора уже кон-

чипь всю эту комедию. Безразсудная спрасшь скоро сведешь себя съ ума: мы стремились къ одному предмету и почти уже спали ненавидшь другъ друга, и за что жь? За гордую, въшреную кокешку, кошорой хопшьлось шолько, я думаю, выйши за кошорого нибудь изъ насъ!... Теперь моя опасность миновалась; умй и шы послѣдовашь моему примѣру: люби, будь счастливъ, наслаждайся и — ничего далье! Прекрасная Юлія исполнила весь мои желанія; право я уже гошовъ уступитъ ее тебѣ: и въ доказательство истинны словъ моихъ, опдаю тебѣ швой поршрешъ, кошорый получилъ отъ нея въ замѣнъ моего собшвеннаго.“ Съ этими словами онъ подалъ мнѣ поршрешъ. Отъ природы я не слишкомъ былъ склоненъ къ гнѣву, и во всю жизнь мою не испыывалъ такого бѣшенства, въ какое повергли меня его слова. Кровь закипѣла въ жилахъ моихъ: я вскочилъ, шопшаль ногами поршрешъ свой и обнаживъ шпагу, бросился на Герцога. Съ холодноштію опдалилъ онъ оружіе, управляемое дрожащею отъ гнѣва рукою. — „Опомнись, брашь! что ты дѣлаешъ?“ сказала онъ, и — услышавъ это названіе, я безъ чувствъ упалъ къ ногамъ его. Когда пришелъ я въ себя, никого не было со мною въ комнатѣ; дверь заперта была двойнымъ

замкомъ. Не могу объяснишь тебѣ, въ какомъ положеніи я тогда находился: оно походило на безчувственность. Вскорѣ ударило 12 часовъ; я услышала спукъ кареты, осшановившейся у подъезда. Вдругъ опворяющся двери; входитъ военный чиновникъ и подаетъ мнѣ прочитайшь повелѣніе Герцога, чтобы я немедленно ѣхала въ замокъ Шарфштейнъ. Я повиновался, почти не понимая, чего отъ меня шребующъ: душевное спраданіе мое дѣлало меня ко всему равнодушнымъ. Я потерялъ уваженіе ко всемъ людямъ вообще: мое бѣшенство, и все шѣ, кошорые умѣли во мнѣ возбудитъ его, были шому причиною. Вместе съ шѣмъ я презирала самого себя и даже Юлію, кошорую любилъ шакъ спрасшно. Нечувствительно ослабѣли во мнѣ и моральныя и физическія силы: жизнь моя, въ это время, не могла называться существованіемъ. По ненависти моей къ людямъ, лишеніе свободы казалось мнѣ благодаріемъ: нѣсколько дѣтъ провела я въ шакомъ состояніи. Но шо, кошорое за нимъ послѣдовало, было еще ужаснѣе: съ возвращеніемъ здоровья, несчастіе мое сдѣлалось для меня ошущительнымъ: ненавистъ къ брату, равно какъ и ко всему шому, что было причиною нашей ссоры, умножилась въ сердцѣ моемъ въ шы-

сячу красть болѣе прежняго. Безпрестанно помышлялъ я, какъ бы освободиться изъ неволи и опомститься Юліи. Всякое средство къ достиженію сихъ желаній казалось мнѣ позволительнымъ; я готовъ былъ рѣшиться на все; мысли мои неслуханно меня перезали: ни днемъ, ни ночью, не имѣлъ я покою. Мученіе мое усиливалось, и наконецъ, при рода ослабѣла. Я сдѣлался очень больнъ; думаю, что смотритель сообщил о томъ Герцогу: ко мнѣ явился Докторъ. Я не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и спросилъ, чтобы, вмѣсто нихъ, не дали мнѣ яду. Не смотря на заключеніе, жизнь была мнѣ драгоценна; я утѣшалъ себя надеждою, что участь моя со временемъ переменится. Она въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась, и эта перемѣна была гораздо прочнѣе для будущаго, нежели та, какую произвела бы свобода. Болѣзнь моя миновалась; но выздоровленіе было продолжительно, и въ это время удобіе мнѣ было разсуждать о непріязненныхъ чувстввахъ, которыми предавалась душа моя. Я помышлялъ о братѣ моемъ, о преступномъ моемъ покушеніи на жизнь его, и часто благословлялъ Всевышняго, Котораго милосердая десница поддерживала меня на краю бездны; сердце мое смягчалось отъ раскаянія; я примирился со

всеми, даже и съ Юліею. Воспоминаніе о ней, вмѣсто того, чтобы приводить меня въ бѣшенство, какъ это было прежде, сдѣлалось для меня пріятнымъ; я покорился участи своей, какъ наказанію, справедливо мною понесенному. Вскорѣ я почувствовалъ, что спокойствіе спановилось не чуждо душѣ моей, и чтобы не терять его, я старался удалять отъ себя воспоминаніе о прошедшемъ, которое казалось мнѣ ужаснѣйшимъ сномъ.

Тогда попросилъ я смотрителя замка доставить мнѣ, для развлечения, какое нибудь живописное; мнѣ принесли сего попугая. Лишь только посадили его въ клетку, онъ закричалъ: *прости, прости, прощай, прощай!* что вы уже слышали: Я еще и до сихъ поръ не знаю, кто и съ какимъ намѣреніемъ выучилъ его говорить эти слова; но мнѣ казалось, что сама виновная и раскаивающаяся Юлія умоляла меня ими о снисхожденіи и прощалась со мною навѣки. Слыша крикъ попугая, я всегда былъ распроганъ, какъ бы его голосомъ, кошорой и безъ того отзывался безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Тогда же вспомнилъ я о флейшѣ, звуки кошорой приводили некогда въ умиленіе мою возлюбленную, и поспребовалъ ее. Къ величайшему удивленію моему, вмѣстѣ съ флейшою

я получила почти и всё вещи, оспававшіяся въ моемъ кабинетѣ; въ шомъ числѣ всё свои бумаги, ношы и самую маску, копорая живо напомнила мнѣ минушу, когда Юлія, въ одеждѣ царицы волшебниковъ, какъ благодѣтельный геній, явилась очамъ моимъ! Съ восторгомъ разложила я все въ моей комнатѣ. — Чрезъ нѣсколько дней увидѣла я у себя и вѣрнаго Поллукса. Ласки его и радость, имъ изьявляемая, чрезвычайно меня распрогали. Въ шѣ минушы мнѣ казалось, будто слышу шайный голосъ, зывающій ко мнѣ изъ глубины сердца: когда Богъ одарилъ и живошнихъ шакими нѣжными чувшвами, шо какъ можно сомнѣвашься, чнобы люди, существа разумныя, не питали въ себя любви и дружбы, врожденныхъ имъ и гошовашихъ для нихъ, если бы не препяшествовали спрасши, предвкусеніе шого блаженшва, какого ожидаемъ въ вѣчности? Увѣрять, чшо любовь есть даръ небесъ, копорый уничтожитъ могушь шолько пороки, я снова обрѣла ее въ сердцѣ моемъ вмѣстѣ съ добродѣтелью. — Уже я былъ свободень отъ всѣхъ заблуждений, отъ всего, шакъ сказать, чувшвеннаго. Мнѣ казалось, чшо Юлія, загладивъ прошедшія слабости свои, могла принадлежать мнѣ въ вѣчности; мысль сія украшала для меня уединеніе. Съ

шѣхъ поръ я сдѣлался совершенно убѣжденнымъ въ истиннѣ религіи и благодарилъ Бога за Его ко мнѣ милосердіе; желаніе возвратишься въ свѣтъ уменьшалось во мнѣ постепенно.

Тушь братъ мой прислалъ сюда шебя; не знаю, съ чего онъ взялъ, будто я ишу средствъ получить свободу: онъ удвоилъ спражу. Не правда ли, чшо опредѣленіе шебя къ надзору за мною, есть шакже дѣло милосердія Божія? Твой отецъ былъ родшвенникомъ и опекуномъ Юліи; швое имя, швое лице пробудило въ душѣ моей тысячу воспоминаній; мнѣ хотѣлось о многомъ говорить съ шобою, но опасаясь ввѣришься незнакомцу, присланному сюда моимъ братомъ, я спарался превозмочь эшо желаніе, и однако чувшво, сильнѣйшее самаго благоразумія, влекло меня къ шебѣ непоняшною силою; скоро я замѣшила, чшо оно было взаимно, и радостно предался ему. Небо опредѣлило, чшобы чрезъ шебя я былъ выведенъ изъ заблужденія и убѣдился въ невинности бездѣвной моей супруги!... Теперь скажи, не извѣстно ли шебѣ чшо нибудь объ эшой несчастной? жива ли она, гдѣ находишься, и не можешь ли шы ее увидѣшь? Отъ швоего отвѣтна зависить мое благополучіе: ахъ! не медли, говори, жива ли

Юлія?... Не скривай отъ меня ничего, юный другъ мой! Незвѣстность объ ея участи несказанно шерзаетъ мое сердце!...“  
Онъ приспально смозрѣлъ на меня...

Что могъ я сказать ему?... Однѣ догадки, предположенія, и ничего болѣе. Однако я сообщилъ ему все, что пришло мнѣ на мысль: о несчастной тешушкѣ моей, жившей въ Англіи, о крестьянкѣ съ игрушками, и о слѣпой дамѣ, видѣнной мною въ соседствѣ. Вечеромъ, весьма уже поздно, разговоръ нашъ прерванъ былъ Леонардомъ, придворнымъ Докторомъ, который не бывалъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ.

„Не вы ли, Юлій, послали за нимъ?“  
сказалъ Принцъ: „Кажется, я васъ просилъ...“

— „Нѣтъ, я не смѣлъ васъ послушаться.“

„Такъ вѣрно брагъ мой доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ, любезный Докторъ,“ сказалъ Принцъ, обращаясь къ Леонарду и дружески подавалъ ему руку. Докторъ оцѣпенѣлъ. Увидя Принца въ положеніи, кошорое не показывало ни малѣйшаго разспроисва ума, онъ чрезвычайно изумился.

„Что за чудо!...“ вскричалъ наконецъ Докторъ, садясь возлѣ Принца и взявъ его за руку: „опъчего произошла въ васъ, Принцъ, такая перемѣна? Пульсъ вашъ бьется, какъ

у самаго здороваго молодаго человѣка; нѣтъ впрочемъ внушренняго жара...“

Принцъ улыбался: „Избавьте же меня, любезный Докторъ, отъ этой юности; въ ней опасны заблужденія; дайте мнѣ такое лекарство, отъ кошораго бы кровь не слишкомъ усшремлялась къ сердцу, пошому что нынѣ мое сердце ищетъ только спокойствія.“  
Вскорѣ Докторъ вспалъ и началъ раскланиваться съ Принцемъ. Послѣдній удерживалъ его ночевать, или хотя посидѣть еще немного; но Леонардъ никакъ не соглашался. — „Я не могу,“ говорилъ онъ: „оспаватьсь долѣе; меня ждущъ при Дворѣ; здоровье Герцога весьма разспроислось со времени маскарада, бывшаго во дворцѣ Вашего Высочества. Съ нѣхъ поръ,“ прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: „какъ ему привидѣлся извѣстный вамъ сонъ. Мнѣ кажется, что вы были для Принца самымъ лучшимъ Докторомъ; я бы желалъ, чшобъ и мои попеченія о Герцогѣ имѣли таковой же успѣхъ. Прощайте, прощайте, не удерживайте меня; болыная пріятельница ожидаетъ меня къ себѣ; я не хочу оспавлять ее долѣе въ незвѣстности; она живетъ въ такомъ уединеніи...“

— „А, шакъ вы посѣщали меня мимоходомъ и намѣрены пушиться далѣе?...“  
сказалъ Принцъ. „Проспите, Ваше Высоче-

ство,“ отвѣчала Докпоръ: „въ самомъ дѣлѣ Герцогъ не посылалъ меня къ вамъ; мнѣ самому захотѣлось узнать, каково здоровье ваше, довольны ли вы новымъ смопршпелемъ; и я очень радъ, видя, что у васъ все какъ нельзя лучше... Не скрою отъ васъ, что ѣхавши сюда, я имѣлъ въ виду и другое... Мнѣ нужно бытъ не подалеку отсюда,“ прибавилъ онъ, значительно помахивая на Принца.

— „Не здѣсь ли въ сосѣдствѣ живеть ваша больная пріятельница?“ спросилъ съ удивленіемъ Принцъ.

„Точно такъ,“ отвѣчала Докпоръ: „несчастная слѣпа, но все еще очень хороша собою: по словамъ ея, звуки флейшы вашей составляютъ все ея наслажденіе...“

Принцъ измѣнился въ лицѣ и горестно смошрѣлъ на Докшора.

Леонардъ продолжалъ: „она говоритъ, что эша музыка, напоминая ей прошедшее счастье, какъ бы обращаетъ его въ пріятную существенность; но какъ уже нѣсколько времени флейша ваша молчитъ, по бѣднjacka сдѣлалась больна, и очень опасно. Живущая съ нею старушка, которая любитъ ее съ величайшею нѣжностію, рассказавъ мнѣ все это, убѣдила меня посѣтитъ несчастную. „Не можете ли вы,“ говорила

она припомъ: „скажашъ ей, отъ чего не слышно болѣе звуковъ флейшы Шарфштейнскаго арестанна: если это продолжится, ей не прожить долго... Признаюсь, Принцъ, я за пѣтъ только и завѣхалъ къ вамъ, чтобъ уведомишь ее объ истинной причинѣ вашего молчанія.“

— „Кто она такая?“ возразилъ Принцъ,

„Она Англичанка,“ отвѣчала Докпоръ. „Много уже лѣтъ прошло, какъ она купила замокъ, который находился отсюда на четверть мили, поселилась въ немъ и никуда не выѣзжаетъ. Ее зовутъ Мисприсъ Дамби; я думаю, что она вдова. Назадъ пому нѣсколько лѣтъ, меня позвали къ ней для леченія глазной боли; но было уже поздно, я не могъ помочь: она ослѣпла, и по видимому отъ частыхъ слезъ. Она тиха, любезна въ обращеніи и съ удивительнымъ терпѣніемъ сноситъ свое положеніе. Вошь все, что я могу сказать о ней, и хотя называю ее своею пріятельницею, но право, въ почтоспи ничего объ ней не знаю: она очень мало говоритъ со мною въ отношеніи къ самой себѣ; просила только никому не говорить о ней, и даже не бытъ у нее до пѣтъ поръ, пока сама не пришлетъ за мною.“

Принцъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. „Эта она! эта она!“ вскричалъ онъ, об-

ливаясь слезами и приложивъ руку мою къ груди своей, которая сильно подымалась: „сердце мое говоритъ мнѣ, что это Юлія!... Юлій, любезный Юлій, ради Бога, веди меня къ ней, мнѣ должно ее увидѣть!... Г. Леонардъ! возьми меня съ собою!...“

— „Невозможно, милосливый государь; жалю, что долженъ вамъ отказать, но право, я не смѣю... Да и эшошь молодой человекъ, кошорому вы вѣрены, подвергнулся бы гнѣву вашего брата... Но нельзя ли вамъ увидѣть ее изъ окошка?... Нѣтъ ли ее, по обыкновенію, на эшихъ горахъ?...“

Принцъ схватилъ флейшу, и подбѣжавъ къ окну, посвѣшно открылъ его. Небо было безоблачно и луна освѣщала горы. „Точно, вошь она,“ вскричалъ Докшоръ, подойдя къ окошку: „она, она, я узнаю ее по бѣлому платью, вонъ прошивъ насъ, смонрише, смонрише!... Ахъ! она ждешь музыки, кошорая ее оживляетъ...“ Принцъ упалъ на колѣни у окошка, нѣсколько разъ прикладывая флейшу къ устами своимъ, но — сильное движеніе занимало у него духъ и — флейша производила только неспройные звуки. Я не могъ сносить долѣ эшого прогашельнаго зрѣлища; „побудше здѣсь до моего возвращенія,“ сказала я тихо Леонар-

ду, пожавъ ему руку, и выбѣжалъ изъ комнаты. По знаку, мною поданному, мосшь былъ поднятъ; я направилъ пушь свой на горы, и вмигъ очутился предъ несчастною. Она сидѣла обратясь лицомъ къ замку и по видимому, съ воспоргомъ внимала звукамъ флейшы, кошорыхъ стошь давно уже не слышала. — Юный проводникъ ея находился въ нѣкопоромъ разспораніи. — „Юлія,“ вскричала я: „Графиня Блендгеймъ!...“

— „Боже! кто зоветъ меня?“ сказала она въ испугъ и хотѣла вскочить съ мѣста, но едва поднялась, какъ зашапалась и гошова была упасть. Я поддержалъ ее; попомъ, обхвачивъ ее руками, посвѣшилъ сошпи съ горы съ эшимъ бременемъ, кошорое, по чувспивамъ, волновавшимъ мою душу, казалось мнѣ весьма легкимъ. „Спунай за нами,“ закричалъ я проводнику ея, горько плакавшему: „спунай, ты не будешь въ помъ раскаывашься.“ Онъ повиновался, и дорогою упрашивалъ меня, не дѣлашь зла доброй госпожѣ и самому ему. Уже мы приблизились къ Шарфшшейну, Юлія была почти безъ чувствъ. Я опасался внести ее въ шакомъ положеніи къ Принцу и хотѣлъ было ишши прежде въ свою комнату; какъ вдругъ на подъемномъ моспу, вижу Принца, поддерживаемаго Леонардомъ: онъ былъ едвали не

шакъ же слабъ, какъ и Юлія. Съ помощію телескопа, доставленнаго ему съ другими его вещами, онъ видѣлъ, какъ взошелъ я на гору и какъ попомъ понесъ Юлію. Принцъ пошчасъ бросился къ намъ на встрѣчу, но внутреннее движеніе заставило его остано- виться. „Это она! это она!“ вскричалъ я, приблизясь къ Принцу.

На груди любезнаго, въ его объятіяхъ, Юлія пришла въ чувствва. Нѣжные звуки его голоса, когда онъ съ любовью произно- силъ ея имя, замѣнили для нея недоспашокъ зрѣнія. Феликсъ, любезный Феликсъ! какъ могу описать тебѣ это зрѣлище!... Лю- бовники, супруги, помившіеся сколько лѣтъ въ разлукѣ, наконецъ соединились!... „Карль, любезный Карль мой!“ вошь все, что по- шоряла Юлія.

Въ молчаніи смотрѣлъ на нее Принцъ. „Милая, несчастная супруга моя!“ сказалъ онъ наконецъ: „сколько ты спрадала!... Эпи глаза...“ онъ покрывалъ ихъ поцѣ- луями. „Ахъ! я была причиною слезъ твоихъ: можешь ли ты просишишь меня?...“

— „Нѣжный другъ,“ ошвѣщствовала она, улыбаясь: „милосердый Богъ не погасилъ въ сердцахъ нашихъ чувствъ нѣжности взаим- ной: ахъ, теперь прошедшее несчастіе мое кажется мнѣ только сновидѣніемъ!... Такъ,

Карль, я спяла, но вижу тебя, и все ша- кимъ же, какъ видѣла въ первый разъ моей жизни!...“

Теперь, Феликсъ, нѣсколько словъ о соб- ственномъ моемъ счастіи. Предчувствіе ме- ня не обмануло: священные узы соединяють меня съ ними!... Я сынъ ихъ, плодъ ихъ любви и шайнаго брака. Принцъ предша- вилъ меня супругъ своей, какъ сына опеку- на ея, Генерала Винфельда, присланнаго Гер- цогомъ для надзора за нимъ, и сдѣлавшагося орудіемъ ихъ соединенія. „Сынъ моего опе- куна!“ вскричала Юлія, съ шрудомъ перево- дя дыханіе: „ахъ, Карль! Это нашъ сынъ!... Юлій! Юлій! ты здѣсь!... Я совершенно счастлива!...“

— „Сердце меня не обмануло“ сказалъ мой родишель, обнимая насъ обоихъ. О, Фе- ликсъ! какъ изъяснишь тебѣ шо, что я шогда чувствовала!... Ахъ, человекъ еще и на земли можешь вкушашъ райское бла- женство!...

Манушка объяснила намъ, что еще оставалось для насъ неизвѣстнымъ. Оп- кривши опекуну своему шайный бракъ ея съ Принцемъ Карломъ, она не скрала опъ него и своего положенія, заклиная не оста- вить ее безъ помощи. Генераль ужаснулся,

шпорилъ ее ошъздомъ, и взялъ съ нее кляшву хранишь о шомъ шайну.

Въ Англии, въ одной ошдаленной деревнѣ, подь именемъ Мисприсъ Данби, разлученной съ мужемъ, находящимся въ морской службѣ, машушка произвела меня на свѣшъ. Мнѣ было около двухъ лѣшъ, когда Графъ Винфельдъ назначенъ былъ ошъ Двора Посланникомъ въ Неаполь: онъ написалъ къ машушкѣ о желаніи своемъ взять меня къ себѣ для воспитанія, пока еще не могъ я запомнишь мѣста своего рожденія. Я заливался слезами, когда нѣжная, добрая машушка моя рассказывала мнѣ, какъ горько ей было со мною разстаться; но собственная польза моя и ея кляшва преоборали ошъ нея сей жѣршвы. Она ввѣрила меня бывшей съ нею въ Англии пріяшельницѣ своей, Г-жѣ Нагеліи, которая привезла меня къ Графу, а пошомъ пошхала обратно къ любезной своей подругѣ съ шѣмъ, чшобы уже никогда не ошавляшь ее. Всѣ счишали меня сыномъ Графа Винфельда; съ нимъ возвратился я на его родину. Изъ Неаполя вызвали его для пріяшнія начальства надъ войсками, по случаю войны, и шупъ вскорѣ постигла его смерть на полѣ сраженія. Вдова его обращалась съ мною съ шюю же нѣжностію, какъ и при жизни его; она переписывалась

съ машушкою, и ее - шю, какъ я и угадывалъ, называла Графиня моею пешушкою.

Ошправляясь съ Принцессою въ Англию, она меня ошавила, какъ я уже шебъ писаль, у Священника; она видѣлась съ машушкою, успокоила ее на счетъ меня и засшавила ее возобновишь общаніе, сохраняшь все эшо вшайнѣ до самой смерти Герцога. Между шѣмъ, когда умерла Графиня, Юлія, не въ сосшояніи будучи сносишь долѣе разлуку со мною и съ несчастнымъ супругомъ своимъ и не имѣя при шомъ средшвъ получашъ о насъ извѣстія, рѣшила въ возвратишь въ свое ошечество. Горесшь перемѣнила черпты лица ея, и она надѣялась, чшо ее никто не узнаешъ; къ шому же она вознамѣрилась проводишь дни свои въ совершенномъ уединеніи. Маршенъ, камердинеръ Принца, былъ единшвеннымъ ея повѣреннымъ. По ея желанію, онъ купилъ для нея замокъ, въ кошоромъ жила она до сего времени, и гдѣ ушѣшали ее шолько звуки флейшы. — Сей инструментъ доставленъ былъ Принцу вѣрнымъ Маршенемъ, шакже какъ собака его и попугай, выкормленный самою Юліею. Еще прежде, нежели поселилась она въ развалившемся здаіи, ея желаніе увидѣшь меня услилось до шаккой сшепени, чшо она не могла перевозмочь его, и явилась къ намъ

въ деревню въ видѣ продавицы игрушекъ, чѣмъ тебѣ уже извѣстно. Спусти много времени, Герцогъ, почтивъ меня сыномъ умершаго Генерала, велѣлъ помѣстить въ военное училище и опредѣлить попомъ въ гвардію. И такъ, Феликсъ, чрезъ неизъяснимые пути Провидѣнія, я сдѣлался спражемъ моего отца и попомъ орудіемъ соединенія его съ супругою. Кшо, послѣ сего, осмѣлился сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ?...

Теперь, милый другъ, ты спросишь меня, чѣмъ изъ всего этого послѣдуешь, и что должно произойти отъ сего непредвидѣннаго приключенія? Думаю, что ничего; мы только просимъ небо, чтобы оно дозволило намъ долѣе наслаждаться настоящимъ нашимъ благополучіемъ. Мы все примирились съ судьбою: башюшка, нашедши супругу и сына, почиаетъ себя совершенно счастливымъ, и не желаетъ свободы, кошорою не иначе получишь можешь, какъ разлучившись снова съ Юліею, или подвергнувъ ее опасности и безпокойству путешествія; при слабомъ здоровьи, ей нуженъ покой, кошорымъ гораздо удобнѣе можешь наслаждаться она въ своемъ жилищѣ, нежели въ городѣ; къ тому жъ Принцъ ни за что не согласился, чтобы я обвиненъ былъ въ томъ, что забылъ долж-

ность свою и способствовала бѣгству арестанта, порученнаго моему надзору. А сама я, имѣя такихъ родителей, ничего болѣе не желаю, какъ только проводишь съ ними все дни жизни моей, упивая ихъ любовію моею и ласками. Докпоръ Леонардъ, будучи свидѣтелемъ всего происшедшаго, обѣщалъ Принцу умолчать о томъ предъ Герцогомъ, успокоить его, и стараніемъ своимъ продолжишь пребываніе мое въ Шарфштейнѣ. Одинъ только сморщилъ замка могъ бы измѣнить намъ, но я вознамѣрился не выпускать его изъ виду; онъ будетъ имѣть все, выключая свободы, кошорою и безъ того не могъ пользоваться, находясь здѣсь; да правду скажешь, онъ и заслуживаетъ наказаніе, за суровое обхожденіе съ башюшкою. И такъ все идетъ у насъ по прежнему: Юлія слыветъ пустынною въ развалинахъ, Принцъ Государственнымъ арестантомъ въ Шарфштейнѣ, а я, — я посредникъ между ими, гений, ихъ соединяющій!... Добродушный нѣмой, совершенно намъ преданный, заступаешь иногда мое мѣсто, и водишь мамушку на горы, или въ комнату ея супруга. О Феликсъ! что могу еще сказать тебѣ?... Развѣ то, что нынѣ удовольствія свѣтскія ничего уже для меня не значатъ. Не могу изъяснить тебѣ чувствъ

моихъ , но желалъ бы , чшобы ты могъ по-  
нимашь все шо , что я ощущаю!...

*Спустя нѣсколько времени.*

Небо не всегда бываетъ безоблачно ;  
жизнь человѣческая не можешь продолжашь-  
ся безъ неудовольствій . . . . Коварный смо-  
пришелъ ускользнулъ изъ подъ спражи : онъ  
обманулъ бдительность нашу и умѣлъ вос-  
пользоваться выходомъ , ему только извѣ-  
стнымъ : нушь , имъ избранный , намъ совер-  
шенно неизвѣстенъ : изъ побѣга его могушь  
произоиши для насъ ужасныя послѣдствія...  
Безъ сомнѣнн , онъ донесеть Герцогу обо  
всемъ , что случилось , и обвинишь меня въ  
глазахъ его ; я долженъ ожидать того , и —  
уже приготовился !... У меня одна надежда :  
рассказашь все самой Герцогинѣ ; правда ,  
она опасается Герцога , но — она же лю-  
била сполько сына своего Карла , и конеч-  
но обрадуется онъ всего сердца , узнавъ ,  
что онъ находишь въ здоровомъ разсудкѣ и  
украшенъ добродѣтелями еще болѣе , чѣмъ  
прежде . Но допусшашь ли меня съ нею ви-  
дѣться?... Если бы я могъ бышь увѣренъ ,  
что сполько самъ спрадашь буду , но — мнѣ  
неизвѣстно , какая участь ихъ ожидаешь!...  
Нѣшь , нѣшь , не хочу думать и беспокоишь-

ся о будущемъ : сполько Всемогушй можешь  
имъ управляшь..... Боже ! соедини насъ ско-  
рѣе шамъ , если люди еще разлучашь насъ  
здѣсь!... Просши , Феликсъ , и отправаю къ  
тебѣ эшь спроки съ челоувкомъ , совер-  
шенно мнѣ преданнымъ.

Ф е л и к с ь к ъ Ю л и ю .

*Изъ столицы.*

Спѣшу увѣдомишь тебя , любезный другъ ,  
черезъ своего же посланнаго , о происше-  
ствнн , которое безъ сомнѣннн будетъ тебѣ  
прнатио , и конечно вскорѣ сдѣлается извѣ-  
стнымъ и повсюду . Докшоръ Леонардъ былъ  
у меня и сообщилъ мнѣ о шомъ , прося , что-  
бы я тебя приготовиль . Юлнй ! Небеса  
мспашь за угнетенную невинность!.. Гер-  
цогъ сошелъ съ ума!...

Онъ былъ нездоровъ , какъ говорилъ Лео-  
нардъ , съ самаго шого времени , когда у не-  
го сдѣлалась лихорадка при возвращеннн изъ  
маскарада , и когда онъ послалъ тебя къ  
Принцу для лучшаго за нимъ надзора . Съ  
тѣхъ поръ лице его доказывало , что какой-  
то ужасъ владѣешь его душою ; онъ сдѣлался  
еще задумчивѣе и безпокойнѣе прежняго ,  
часто приходиль въ ярость и , по бдльшей

части, бывалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Назадъ пому съ недѣлю, онъ заснулъ въ креслахъ, запрешивъ окружающимъ его входить, пока онъ не позвонитъ; почему, даже и въ сумерки, никто изъ людей не смѣлъ податься къ нему свѣчь.

Во время его сна, какой-то человекъ высокаго роста, блѣдный и худощавый, въ сѣромъ плащѣ, вбѣжалъ во дворецъ по заднему крыльцу, мимо часовыхъ, кошорые, въ темнотѣ, приняли его за самого Герцога, и прокравшись чрезъ шайную дверь въ спальню его, прошелъ ошпуда въ кабинетъ. Тутъ Герцогъ пробуждается, видитъ незнакомца и принимаетъ за своего брата, кошорый вѣроятно, предсавлялся ему во снѣ. „Эпо онъ! эпо онъ!“ вскричалъ Герцогъ: „онъ пришелъ ошмстнить за себя: онъ убьетъ меня! Помогите! помогите!“ Смолришелъ замка (шы конечно догадываешья, что эпо былъ онъ) спѣшилъ успокоить его, называя себя по имени и объясняя все, что случилось въ Шарфштейнѣ; спрахъ Герцога умножается: „не ушелъ ли онъ? не здѣсь ли? Несчастный! зачьмъ шы оспавиль его?“ восклицаешь онъ. Оцѣневѣвший спарикъ приходитъ и самъ онъ сихъ словъ въ чрезвычайный ужась, теряешь разсудокъ и спрашный хохотъ ихъ обоихъ, сопровожда-

емый судорогами, оканчиваешь се ужасное зрѣлище.

Камердинеръ слышалъ все эпо изъ ближней комнаты. Испугавшись, онъ не осмѣлился итти въ кабинетъ одинъ, а позвалъ нѣсколькихъ людей, пославъ одного изъ нихъ къ Докшору; когда явился и сей, они все вмѣстѣ, со свѣчами, вошли къ Герцогу. Леонардъ былъ весьма встревоженъ состоянїемъ, въ кошоромъ нашель и его и смолришелъ замка; все средшва, имъ упошребленныя къ приведенію ихъ въ разсудокъ, оспались тщешны; бшешешво ихъ возобновлялось каждую минушу, и наконецъ, они оба, упошвившись, внали въ нѣкошорый родъ усыплешя. Леонардъ не оспавлялъ ихъ; онъ надѣялся, что сей сонъ будетъ имъ полезень, но надежда его не исполнилась; по пробужденіи, бшешешво ихъ возобновилось съ новою силою, и ясно доказывало неизлечимое сумасшешвїе.

Докшорà долго скривали о шомъ онъ Герцогини, но наконецъ принуждены были объявить ей, въ какомъ положеніи Герцогъ. „Великій Боже!“ вскричала она: „шеперь онъ шакоть же, какъ и Карлъ!“ Леонардъ поспѣшилъ сказашь ей, что Принцъ находшся въ совершенномъ разсудкѣ, и что онъ никогда и не шерялъ его. Съ шрудомъ могла

она шому повѣришь. Прежде, Герцогиня часто изъявляла желаніе его увидѣшь, но Герцогъ всегда увѣрялъ ее, что Принцъ, въ безуміи, не узнаеть ее, и что сама она не въ состояніи будеть перенести шакого зрѣлища, и пошому желаніе ея оставалось безъ исполненія. Слова Доктора послужили ей нѣкошорымъ ушѣшеніемъ. Положеніе старшаго ея сына ясно показывало ей наказаніе, посланное ему самимъ небомъ за угнешеніе брата. Теперь ожидайте къ себѣ Герцогиню; она неперпѣливо жаелаешь увидѣшь сего спрадальца и по возможности наградишь за все прешерпѣнное: ты должень приготошовать къ шому Принца.

Но, Юлій, не его шолько одного жаелаешь видѣшь Герцогиня; Леонардъ предложилъ ей прочиташъ журналъ, кошорый ты прислалъ ко мнѣ; она знаеть, что найдеть въ Шарфштейнѣ невѣстку, лишившуюся зрѣнія ошъ слезъ горести и любви, что найдеть шамъ и внука; она эшо знаеть, и — забывая все прошедшее, спѣшишь прижасть васъ къ маперинскому сердцу.

Теперь всѣмъ уже извѣстно, что сумасшесствіе Принца Карла было ложное. Верховный Совѣшь избралъ его для управления Государшвомъ въ продолженіе болѣзни Герцога, и вскорѣ опшправитъ Депушатовъ въ

зѣмокъ Шарфштейнъ: предупреди о шомъ Принца, и скажи ему, что всѣ его подданные сердечно ему преданы.

Герцогъ находилсь все въ одномъ положеніи, и никого не узнаеть; для него гошовавъ во дворцѣ особенныя комнашы, гдѣ помѣшались и смошришели.

О Юлій! можеть ли человекъ проникать въ судьбы Всевышняго и въ гореспныхъ случаяхъ жизни сей говоришь: „все уже для меня кончилось! Я не имѣю болѣе никакой надежды!...“ Безумный! зачьмъ приходишь ты въ опшчаяніе?... Десница Божія и самое зло можеть обратишь для себя во благо!... — Прощай, Юлій! мы скоро увидимся: надѣюсь, что сынъ моего Государи пребудеть навсегда другомъ Феликсу.

### З а к л ю ч е н і е.

Герцогиня съ восшоргомъ спѣшила въ Шарфштейнъ. Она прѣехала и нашла сына своего вмѣстѣ съ Юліею. Сія послѣдняя хотѣла бросишься къ ногамъ ея: „ты должна бышь у моего сердца, дочь моя,“ сказала Герцогиня, обнимая ее: „для чего не могу возвращишь тебѣ зрѣнія, какъ возвращаю мою нѣжность!...“ — „Милая матушка!“

возразила Юлія: „не лишите сего чувства моего сына, и — для меня ничего не нужно больше!...“ Между шлемъ Карль подвель Юлія къ Герцогинь: „ему,“ сказалъ онъ: „по соизволенію небесъ, мы обязаны нашимъ благополучіемъ.“ — „Я это знаю,“ отвѣчала Герцогиня: „и вмѣстѣ съ любовью пишу къ нему сердечную благодарность!...“

На другой день явились Государственныя Депутаты. Карль общалъ своей матери не отказываясь ошъ почестей, къ копорымъ призывало его Провидѣніе. Хотя и было ему очень шрудно, даже непріятно, возвращаться въ свѣтъ, но онъ чувствовалъ, что долженъ повиноваться судьбамъ Вышняго и пецись облагъ народа, ему ввѣряемаго. Вмѣстѣ съ своею матерью онъ возвратился въ столицу, гдѣ былъ принятъ со всеми знаками живѣйшей радости.

Никшо не могъ убѣдить Юлію переселиться шуда же. Ей казалось, что небо, лишивъ ее зрѣнія, шребовало ошъ нее, чтобы она проводила оспальныедни жизни своей въ уединеніи: она прожила еще 15 лѣтъ среди горъ и лѣсовъ: любовь и дружба улаждали ея существованіе. Супругъ ея, сынъ и свекровь часто посѣщали ее, удивлялись ея набожності, шершнью и съ каждымъ свиданіемъ любили ее болѣе. Иногда звуки

флейшы, раздающейся въ Шарфшпейнѣ, возвѣщали ей о пріѣздѣ любезнаго, и сердце ея билось сильнѣе обыкновеннаго. Карль сохранялъ къ ней всегда равную нѣжность: часто, изъ разговоровъ ея онъ почерпалъ силу и швердосшь, споль нужныя для его званія, и Юлія, лишенная зрѣнія, поддерживала его на пуши, ведущемъ къ небесамъ.

Юлій, добродѣтелями своими, пріобрѣлъ всеобщую любовь и вмѣстѣ сожалѣніе, что законы не дозволяли ему наследовать родительскаго шрона. Герцогъ умеръ въ сумасшествіи. Когда скончалась и Герцогиня, то Принцъ Карль не могъ болѣе прошивоспояшь желанію раздѣляшь уединеніе Юлія; владѣнія его должны были, послѣ его смерти, присоединиться къ Имперіи; онъ уступилъ ихъ еще при жизни своей, съ договоромъ, чтобы сынъ его, именуемый Графомъ Бленгеймъ, управлялъ дѣлами въ званіи Генераль-Губернатора. Юлій исправлялъ должность свою примѣрно и опличилъ себя какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, шакъ и на войнѣ; всѣ любили и уважали его, какъ бы владѣтельнаго Герцога, а при помѣ онъ былъ свободенъ въ выборѣ сердца. Женясь на сеспрѣ друга своего Феликса, въ союзѣ съ нею былъ онъ совершенно шчастливъ. Можно угадать, что вѣрный Маршенъ и

пѣмой служитель замка Шарфштейна получили достойную награду за преданность ихъ и усердіе.

*Е. М. . . . ва.*

## II.

# ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

## БИТВА АРКОЛЬСКАЯ.

Фельдмаршалъ Альвинци вступаетъ въ Италію съ прѣшею арміей. Хорошее состояніе Французскихъ войскъ; общее мнѣніе всѣхъ народовъ Италіи желаетъ имъ успѣха. — Сраженіе при Бреншъ (5 Ноября); Вобуа въ безпорядкѣ оставляетъ Тироль. — Ропотъ и различныя чувствованія, поселившіяся между Французскими солдатами. — Ночный походъ арміи на Ронко; армія переправляется тамъ чрезъ Аджъ по мосту, построенному на плашкодахъ (14 Нолб-ря); она вступаетъ съ побѣдою въ Верону, Венеціанскими воротами, на правомъ берегу рѣки (18 Ноября).

### § 1.

Въ слѣдъ за всѣми курьерами, привозившими въ Вѣну извѣстія объ успѣхахъ Эрц-Герцога Карла, являлись курьеры отъ Вурмзера, сообщавшіе извѣстія только объ уронахъ. Дворъ провелъ весь Сенпйбрь мѣсяцъ въ сихъ переходахъ отъ радости къ печали. Удовольствіе, кошорое чувствоваль онъ отъ побѣдъ, слабо вознаграждало его

за уныніе, поселяемое поперями. Германія была спасена, но Италія пошеряна; войско, охранявшее сію границу, исчезло. Многочисленный его шшабъ, пресарьальи Полковонецъ и нѣкоторые осшашки, пѣмъ только спаслись, что заперлись въ Маншуъ, кошорая, бывъ доведена до крайности, нуждаясь въ всемъ и спавъ добычею осеннихъ лихорадокъ, въ скоромъ времени должна была отворить свои ворота побѣдителю. Императорскій Надворный Совѣтъ почувствоваль необходимость чрезвычайныхъ усилій; собралъ двѣ арміи, одну въ Фріуль, а другую въ Тироль, вручилъ начальство надъ оными Фельдмаршалу Альвинци и предпсаль ему идти на защиту Маншуи и на освобожденіе Вурмзера.

### § 2.

Невыгодное положеніе армій Самбро-Маасской и Рейнской долженствовало вскрыть бывъ почувствовано въ Италіи. Если бы отъ сн арміи не удерживались на правомъ берегу Рейна, по необходимость претовала, чпобъ онъ послали значительные отряды для усиленія арміи Италійской. Директорія много обшчала, и мало исполняла; однако жъ она отправила двѣнадцать башаіоновъ, взявшихъ отъ Вандейской арміи, ко-

порые и прибыли въ Миланъ, въ печеніе Сенпября и Окпября мѣсяцевъ; нарочно, во время похода, ихъ раздѣлили на двѣнадцать колоннъ. Всѣ были въ шомъ мнѣни, что каждая изъ сихъ колоннъ состояла изъ цѣлаго и весьма комплекснаго полка, что было бы очень значительнымъ вспоможеніемъ. Правда, что солдату Французскому не было нужды въ сей увѣренности: онъ былъ полною довѣрїа къ своему Полководцу и къ собственному превосходству; ему хорошо плашили, его хорошо одѣвали и кормили; артиллерїа была хороша и многочисленна; конница имѣла отличныхъ лошадей. Народы Италїи съ участіемъ смотрѣли на успѣхи арміи Французской: ихъ выгоды, ихъ независимость была связана съ оными; они столь же были убѣждены въ превосходствѣ Французскихъ войскъ надъ Нѣмецкими, какъ и въ превосходствѣ ихъ вождя, побѣдителя Болё и Вурмзера, надъ Фельдмаршаломъ Альвинци. Съ Юля мѣсяца этого года, мнѣніе весьма уже перемѣнилось. Тогда, при вѣсти о прибытіи Вурмзера, вся Италїа ждала отъ него побѣды; теперь же никто не сомнѣвается, что побѣды будутъ на споръ арміи Французской. Общій духъ народовъ, обитающихъ за рѣкою По, какъ шо, Болонцевъ, Моденцевъ и Реджійцевъ, былъ

таковъ, что они сами собою могли опротивить войско Папы, если бѣ оно вступило въ ихъ земли, и шѣмъ выполнило свои угрозы.

## § 3.

Въ началѣ Окпября, Фельдмаршалъ Альвинци былъ еще съ своею арміею при Изонцо; но въ концѣ этого жъ мѣсяца, онъ перенесъ главную свою кварширу въ Копелїано, за Піаву; Массена, стоя въ Бассано, наблюдалъ за его движеніями. Давыдовичъ собралъ въ Тироля 18-ши тысячный корпусъ, включая въ шо число Тирольскую милицію. Дивизионный Генераль Вобуа прикрывалъ Тренпо, занимая Лависъ 12-ши тысячнымъ своимъ корпусомъ. Дивизїа Ожеро, кавалерійскїй резервъ и главная кваршира Французской арміи были въ Веронѣ. Намѣренїе Альвинци было соединиться въ Веронѣ съ Давыдовичемъ, а опшолъ ишши на Маншуу. Ноября 1-го, онъ навелъ два моста на Піавъ и съ шремя колоннами взялъ направленїе на Бреншу. Массена, угрожая ему ашпакою, принудилъ его распянуть всю свою армію, и когда узналъ, что она состояла болѣе нежели изъ 40,000 человекъ, шо снялъ свой лагерь въ Бассано, перешелъ черезъ Бреншу и приблизился къ Виценцѣ; Наполеонъ пришелъ шуда также съ дивизїей Ожеро и своимъ резервомъ, а 6-го числа на разсвѣтѣ,

пошелъ дасть сраженіе Альвинци, который слѣдовалъ за движеніемъ Массены. Альвинци перевелъ главную свою кватриру въ Фоншениву; авангардъ его, подъ командою Генерала Липшя, спалъ на правомъ берегу Бренпы въ Карминьяно, впереди лѣваго крыла, коимъ начальствовалъ Генераль Провера. Правое крыло его арміи, подъ командою Кваздановича, стояло въ позиціи между Бассано и Виченцою. Генераль Мипровски командовалъ обсервационнымъ корпусомъ въ пѣсиныхъ Бренпскихъ, а Генераль Гогенцоллернъ резервомъ. Массена пошелъ въ ашпаку на самомъ развѣшѣ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы, прогналъ авангардъ, Кваздановича, Липшя и дивизию Проверы на лѣвый берегъ Бренпы, убивъ и взявъ въ плѣнъ много людей. Наполеонъ, съ дивизіей Ожеро, пошелъ на Кваздановича, выгналъ его изъ Ленове и отписнулъ до Бассано. Было чепыре часа по полудни; важнѣйшее намѣреніе Наполеона было перейти черезъ мостъ и въ пошъ же самый день занять городъ; но когда подоспѣлъ Гогенцоллернъ, то Наполеонъ велѣлъ резервной своей бригадѣ итти на подкрѣпленіе ашпаки моста. Башальонъ изъ 900 Кроановъ, бывъ отпрѣзанъ, бросился въ деревню на большой дороге; какъ скоро передовая колонна резерва

показалась и хотѣла пройти чрезъ селеніе, то ее приняли сильнымъ огнемъ; надобно было подвести гаубицы. Деревня была взята, Кроашы испреблены; но эпо ошнало два часа, и когда резервъ прибылъ къ мосту, ночь уже наступила; должно было опложить до слѣдовавшаго дня занятіе моста.

Вобуа получилъ повелѣніе ашпаковать непріятельскія позиціи на правомъ берегу Лависа. Перваго Ноября онъ ашпаковалъ позиціи Сан-Микеле и Согонцано. Непрѣшель былъ силенъ и защищался съ великою неуспрашимостію. Успѣхъ Вобуа былъ неполонъ и покушеніе его въ слѣдующій день не было счастливе; наконецъ, бывъ самъ ашпаковать, онъ былъ выпѣсненъ изъ позиціи своей при Лависѣ и принужденъ ошавишь Тренпо. Собравъ свое войско, занялъ онъ позицію въ Калліано; но Лаудонъ, искуснымъ маневромъ на правомъ берегу Адика, съ своими Тирольцами отбилъ его отъ берега и занялъ Номп и Торболу. Его намѣреніе, кажешся, было итти на Монтебальдо и Риволи. У Вобуа не оставалось ни чеповѣка на правомъ берегу, и онъ ничѣмъ бы не могъ воспрошивишься сему маневру, который, если бъ былъ выполненъ непріятелемъ, то подвергнулъ бы великой опасности корпусъ Вобуа и всю армію. Извѣ-

спія о семь прибыли во Французскую главную кварширу въ два часа по полуночи. Ничего было медлши: должно было какъ можно скорѣе бѣжать къ Веронѣ, споль сильно угрожаемой, оставивъ прежнее предположеніе и всѣ мысли о диверсіи. Сіе прежнее предположеніе Главнокомандующаго было то, чшобы, опшолкнувъ Альвинци за Піаву, пробрашься въ шѣснины Бреннскія и опрѣзашь Давыдовича. Полковникъ Виньоль, человекъ весьма надежный, опсправленъ былъ въ Верону, чшобы собрать тамъ всѣ войска, кошорья найдешь, и ишши на Коронну и Риволи. Онъ нашель тамъ одинъ батальонъ 40 полка, шолько чшо пришедшій изъ Вандей, успрашилъ онымъ первыхъ непріятельскихъ спрѣлковъ, кошорые появились на Короннѣ. На другой день, Жуберъ прибыль въ сію важную позицію съ 4ю легкою бригадою; тогда ничего уже было болѣе бояшся. Въ эшо же время, Вобуа навель мосты на Адижъ, снова перешель на правый берегъ и заняль съ сильнымъ опспрадомъ позицію при Короннѣ и Риволи.

Французская армія, во весь день 7 Ноября, шла ошь города Виченцы, кошорый, бывъ свидшелемъ одержанной ею победы, не могъ себѣ изъяснишь сего опспушательнаго движенія. Альвинци, съ своей споро-

ны, началъ опспушашь въ шри часа ушра, чшобы перейти чрезъ Піаву; но вскорѣ онъ извъспился чрезъ свою легкую кавалерію объ опспушеніи Французскихъ войскъ, возвратился на Бреншу и на другой же день перешель сію рѣку, дабы слѣдовашь за движеніями своего непріятеля. Наполеонъ при-скакаль къ дивизіи Вобуа, вельль ей собрашься на лощинѣ Риволійской и сказалъ: „Солдашы, я не доволенъ вами; вы не дока-„зали мнѣ ни дисциплины своей, ни швер-„доспи, ни храбросши; ни на какой пози-„ціи нельзя было васъ собрать; вы преда-„лись пушному спрашу. Вы дали выгнашь „себя изъ такихъ позицій, гдѣ горешь хра-„брецовъ оспановила бы цѣлую армію. Сол-„дашы 39 и 85-го полковъ, вы не Французы!“ Генераль Начальникъ Главнаго Шшаба, вельль написашь на ихъ знаменахъ: *Они уже „не годятся быть въ Италійской арміи!“* Сія рѣчь, произнесенная спрогимъ голосомъ, испоргла слезы изъ глазъ сихъ спарыхъ воиновъ; законы дисциплины не власныи были сдержашь ихъ горесныхъ восклицаній; многіе гренадеры, имѣвшіе знаки опличія на оружіи, вскричали: „Генераль! насъ „обнесли передъ вами; поставьме насъ въ „авангардъ, и увидишпе, достойны ли 39 и „85 полки бышь въ Италійской арміи.“

Произведя такимъ образомъ желаемое дѣйствіе, онъ сказалъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе. Оба сіи полка, чрезъ нѣсколько дней попомоу, покрыли себя славою.

## § 4.

Не взирая на неудачи, кошгоры Альвинци прешерпѣль на Бреншъ, его дѣйствія были увѣнчаны блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Онъ овладѣлъ всею Тиролемъ и спрсною между Бреншою и Адиджемъ. Но ему оставалось еще самое трудное: перейши силою Адиджъ въ виду Французской арміи и соединишь съ Давидовичемъ, пройдя по шрупамъ храбрыхъ воиновъ, поставленныхъ на пуши къ Веронѣ. Большая дорога изъ Вероны въ Виценцу лежишь на три мили вдоль по Адиджу, до Вилла-Новы, откуды перпендикулярно сворачиваешъ влѣво и идешь прямо къ Виценцѣ. Въ Вилла-Новѣ, небольшая рѣчка Альпонъ перерѣзываетъ ее и протекая чрезъ Арколе, впадаетъ въ Адиджъ близъ Альбаредо; влѣво онъ Вилла-Новы находящя возвышенности, извѣстныя подъ названіемъ позиціи Кальдіеро; занявъ ихъ, можно прикрышь Верону и бышь въ готовности къ нападенію въ пыль на непріятеля, маневрирующаго внизъ по Адиджу. Когда зашища Моншебальдо была обезпечена и под-

ки Вобуа снова ободрились, по Наполеонъ рѣшился заняшь Кальдіеро, какъ мѣсто, дающее болѣе выгодъ въ дѣйствіяхъ оборонительныхъ и болѣе силы его положенію. Ноября 11, въ два часа по полудни, армія перешла мосты Веронскіе; бригада Вердье, бывъ впереди, опрокинула авангардъ непріятельскій, захватила въ плѣнъ нѣсколько сотъ человекъ и къ ночи заняла позицію у подошвы Кальдіеро. Огни биваковъ, донесеніе вѣрныхъ людей и показанія воспопльныхъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній Альвинци: онъ рѣшался выдержашъ битву и спать пвердою ногою въ сихъ превосходныхъ позиціяхъ, примкнувъ лѣвымъ крыломъ своей арміи къ болотамъ Аркольскимъ, а правымъ къ горѣ Оливешпо и деревнѣ Колоньоль. Сія позиція хороша въ двойномъ смыслѣ — и при нападеніи, и при оборонѣ. Онъ прикрылъ себя нѣсколькими шанцами и грозными башшарейми. Съ разсвѣтомъ дня, Французы разсмотрѣли непріятельскую боевую линію: лѣвое крыло ея было неопразимо, правое, казалось, слабо было прикрышо. Чшобы воспользовашъ сею ошибкою, Массенъ велѣно было ипши съ своею дивизіею заняшь одинъ холмъ, кошорый выходилъ изъ праваго крыла непріятельскаго и кошораго Авспрійцы заняшь

не догадались. Бригадный Генераль Лопе (Lapau) неуспрашимо взоселъ на сіе возвышеніе съ опрядомъ стрѣлковъ; но слишкомъ высупивъ впередъ, онъ не могъ бытъ во время подкрѣпленъ дивизією, кошорая, взоседъ на вершину, задержана была рвомъ. Лопе былъ сбитъ и взятъ въ плѣнъ. Непріятель, узнавъ свою ошибку, шопъ же часъ поправиль свою позицію; невозможно уже было ашпаковать его съ надеждою успѣха. Между шѣмъ переспрѣлка завязалась по всей линіи и продолжалась во весь шопъ день. Дождь лиль ручьями; земля шакъ ошъ него расшворилась, чшо Французская аршиллерія не могла сдѣлать никакого движенія, шогда, какъ аршиллерія Австрійцевъ, бывъ въ позиціи и выгодно посшавлена, производила свое дѣйсшвіе. Непріятель многократно покушался самъ ашпаковать, но былъ сильно ошражаемъ. Обѣ арміи провели ночь на бивакахъ, каждая въ своей позиціи. Дождь шель во всю ночь и шакъ сидель, чшо на другой день по ушпру, главнокомандующій Французскихъ войскъ призналь за лучшее возвращишь въ свой лагерь предъ Вероною. Уронъ въ семь дѣль, съ обѣихъ шшоронъ былъ равный; непріятель, по праву, приписывалъ себѣ побѣду; аваносны его приблизились къ Сан-Микеле, и положеніе

Французовъ сдѣлалось истинно кришпчешкимъ.

## § 5.

Вобуа прешерпѣль важныя пошери; у него ошавалось шолько 8,000 человекъ. Обѣ другія дивизіи, храбро дравшіяся на Бреншѣ, послѣ неудачной своей попышки на Кальдiero, имѣли не болѣе 13,000 человекъ подъ ружьемъ. Мысль о силѣ непріятельской, была въ головѣ у каждого. Солдаты Вобуа, въ оправданіе своего ошшупленія, говорили, чшо они дрались одинъ на шроихъ. Непріятель, конечно, былъ шакже съ пошерею; но онъ былъ сильнѣе числомъ и захваниль земли на большое разшояніе. Онъ высчшшывалъ въ свою выгоду малое число Французовъ, и пошому не сомнѣвался болѣе, чшо освободишь Маншуу и завоюешъ Ишалою. Въ радости своей, онъ съ намѣреніемъ явно собиравль и шпроиль множешво лѣшницъ, грозя, чшо возьмеш Верону присшупомъ. Гарнизонъ Маншуи пробудиль ошъ усышленія: онъ дѣлалъ частныя вылазки, безпрешанно шревожилъ осаждавшихъ, кошорыхъ едва было ошъ 8 до 9,000, для содержанія въ осадѣ 25-шш тысячнаго гарнизона, въ кошоромъ, правда, ошъ 10-шш до 12-шш тысячъ было больныхъ. Французы не были уже въ состояніи шидѣ весши войны насшупа-

шельной; съ одной стороны они были удерживаемы позиціею Кальдіеро, съ другой шшинами Тирольскими. Но если бы даже позиціи непріятеля позволяли дѣлать прошивъ него покушенія, шо превосходное число его было очень извѣстно; должно было ему предоспавивъ самому на что нибудь рѣшиться, и шерьзливо ждать, что онъ предпримешъ. Погода была самая дурная: всѣ движенія дѣлались по козлю въ грязи. Битвы при Кальдіеро и въ Тироль, весьма ослабили духъ Французскаго солдата: онъ все еще чувствоваль превосходство свое въ равномъ числѣ, но ни какъ не надѣялся, что можешъ бороться съ числомъ споль превосходнымъ. Многіе изъ сихъ храбрыхъ воиновъ были ранены по два и по три раза, современи вспуления ихъ въ Италію. Къ сему присовокупилось неудовольствіе. „Мы не можемъ одни дѣлать дѣло за всѣхъ,“ говорили они: „Армія Альвинци, стоящая здѣсь, ешь ша самая, передъ копорю арміи Рейнская и Самбро-Маасская опешунили; а онъ обѣ сидящъ шеперь безъ дѣла; почему же мы шолько за нихъ работаемъ? Если насъ разобьютъ, шо мы, какъ бѣглецы, бросимся на Альпы безъ всякой чесши; если же, напрошивъ, мы побѣдимъ, шо къ чему послужить эша новая побѣда? Про-

„шивъ насъ выспавяшъ и другую армію, шакою жъ какъ Альвинціева; шакъ какъ и самъ Альвинци слѣдоваль за Вурмзеромъ, какъ и Вурмзеръ слѣдоваль за Болѣ; а въ эшой неравной борбѣ, всѣ шаки мы же будемъ задавлены.“ Наполеонъ опвѣчалъ: „Намъ оспаешся сдѣлать еще одно усиліе — и вся Италія наша. Непритель конечно, многочисленнѣе насъ, но половина его войскъ, сосшавлена изъ новобранцевъ; разъ его побьемъ — Маншуа падешъ, мы всѣмъ овладѣемъ и шруды наши кончашся; ибо не шолько Италія, но и общій миръ — въ Маншуѣ. Вы хопите ишши на Альпы: эшого вамъ нельзя сдѣлать; съ пустыхъ и холодныхъ биваковъ памошнихъ голыхъ, ушесовъ, вы могли завоевашъ прелесшныя долины Ломбарди; но съ веселыхъ и цвѣшущихъ биваковъ Италіи, вамъ нельзя уже, возвращишся на снѣга. Къ намъ подошло, подкрѣпленіе, другія въ дорогѣ; шѣ, копорые не хопяшъ бишся, пусть не ищущъ, больше вздорныхъ предлоговъ: разбейте Альвинци, и я вамъ опвѣчаю за будущее.“ Сии слова, повшоренныя всѣми людьми ишшино-храбрыми, пробудили опвагу въ сердцахъ и мгновенно поселили совѣмъ иныя чувствованія. За минушу предъ симъ, армія, въ уныніи, хощѣла опшунать; шеперь же

въ упоеніи, просилась ипши впередь. „Ишпайскимъ ли солдашамъ шерпѣливо сносить оскорбленія и вызовы ашпихъ невольниковъ.“ Когда же узнали въ Брешии, Бергамѣ, Миланѣ, Кремонѣ, Лоди, Павии и Болоньи, что армія прешерпѣла потерю, то раненые и больные вышли изъ госпиталей еще не совсемъ выздоровѣвъ, чтобы занять мѣста свои въ спрю; раны многихъ изъ сихъ храбрыхъ воиновъ еще почили кровь. Трогательное сіе зрѣлище наполняло душу умиленіемъ.

### § 6.

Наконецъ, 14-го Ноября къ ночи, лагерь Веронскій спалъ подъ ружье. Три колонны выступили въ походъ въ величайшемъ молчаніи, прошли городъ, перешли Адигъ шрема мостами и построились на правомъ берегу. Часъ выступления, направленіе, принятое какъ бы для рещирады, безмолвіе, хранимое войскомъ, привыкшимъ всегда возвѣщать, когда идешь на бой, положеніе дѣлъ — словомъ, все показывало, что Французы ошсупающъ. Сей первый шагъ къ ошсупленію по необходимости влекъ за собою снйшіе осады Мантуи и предвѣщаль потерю Ишаліи. Тѣ изъ жипелей, которые полагали въ успѣхахъ Французовъ надежду будущей, лучшей участи, съ безпокойствомъ

и сжатимъ сердцемъ слѣдовали за движеніями сей арміи, уносившей съ собою все ихъ надежды. Однако жъ армія, вмѣсто того, чтобы взять дорогу на Пескьеру, вдругъ поворошила вѣво, пошла вдоль по Адигу и до разсвѣта прибыла въ Ронко; Андресси уже оканчивалъ наводимый шамо мостъ. Съ первыми лучами солнца, она съ удивленіемъ увидѣла, что однимъ поворопомъ вѣво, она была уже на другомъ берегу. Тогда офицеры и солдашы, кошорые во время преслѣдованія Вурмзера, проходили сими мѣстами, — начали ошгадывать намѣреніе своего Полководца: онъ хочеть обойши Кальдiero, кошорого не могъ взять съ фронша; не могли съ 13,000 человекъ сражашься въ ошкрытомъ полѣ прошивъ 40,000, онъ переносишь свое поле бишвы на дороги, окруженные пространными болошами, гдѣ число ничего не можешъ сдѣлать, но храбросшь передовыхъ колоннъ рѣшишь все. Надежда побѣды прояснила тогда души всѣхъ воиновъ, каждый обѣщался превзойши себя въ содѣйствіи споль превосходному и смѣлому плану. Кильмень оставался въ Веронѣ съ 1,500 челов. разныхъ полковъ, заперъ ворота и спрого запрешилъ всякія сообщенія внѣшнія; непріатель вовсе не зналъ о семъ движеніи. Мостъ въ Ронко наведенъ былъ

на правомъ берегу Альпона, почши на чешвершь Фр. мили ошь его успья: эшо было предмешомъ крышикъ для воиновъ, не споль искусныхъ. Двьшвишительно, если бы мостъ былъ построень на лъвомъ берегу, противъ Альбаредо, шо 1) армія увидѣла бы передъ собою проспранную равнину, чего начальникъ ея хошѣлъ избѣгнушь; 2) Альвинци, занимавшій высошы Кальдіеро, могъ бы, по славъ опряды войскъ на правый берегъ Альпона, прикрышь маршь колонны, которую бы опрядилъ къ Веронѣ; онъ бы занялъ силою сей городъ, слабо защищенный, и соединился бы съ Тирольскою арміей; дивизія Риволійская, попавшись между двухъ огней, принуждена бъ была опшунитъ къ Пескьерѣ, и цѣлая армія находилась бы въ великой опасносши, шога, какъ наведши мостъ на правомъ берегу Альпона, Французы приобрѣтали неоцѣненныя выгоды: 1) что завлекали непріятели на при дороги, лежація въ обширномъ болошѣ; 2) что могли бышь въ сношеніи съ Вероною, посредствомъ плошины, пролегающей вверхъ по Адигу чрезъ деревни Порчиль и Гамбіоне, гдѣ была главная кваршира Фельдмаршала Альвинци, такъ, что непріятель не могъ бы занять никакой позиціи, ниже прикрышь какою либо естественною преградою движеніе войскъ,

которыя бы послалъ аштаковать Верону. Сія ашпака спановилась чрезъ сіе вовсе невозможною, пошому что вся Французская армія напала бы съ шылу на ашпакующихъ, шога какъ городскія спшны удержали бы ихъ съ фронша. Три дороги сходящяся у моста въ Ронко: первая, лъвая, идеть на Верону вверхъ по Адигу, чрезъ деревни Біонде и Порчиль, гдѣ выходитъ на равнину; вторая, средняя, ведеть въ Вилла-Нову и проходитъ чрезъ деревню Арколе; здѣсь вшпрѣчается на Альпонѣ небольшой каменный мостъ; третья дорога пролегаеть внизъ по Адигу, и ведеть въ Альбаредо. Ошь Ронко до Порчиль разстоянія 3,600 саженой, ошь Порчиль до Кальдіеро 2000, а ошь Кальдіеро до Вероны 3 Франц. мили (\*). Ошь Ронко до Арколе, 2,200 саженой; ошь Аркольскаго моста до Вилла-Новы 3000; ошь Ронко до успья рѣки Альпона 100 саженой, а ошкуда до Альбаредо 600 саженой.

## § 7.

Три колонны пошли по симъ шремъ дорогамъ: лъвая вверхъ по Адигу до конца болоша, къ деревнѣ Порчиль, ошкуда ей видны были колокольни Веронскія; шога

(\*) Около 13 версть. *Прим. Перев.*

уже непріятелю невозможно было итти на сей городъ. Средняя колонна пошла къ Арколе, куда спрълки Французскіе пробрались до самаго моста, не бывъ замѣчены; два башаліона Кроашовъ съ двумя пушками, споджали шамъ на бивакахъ, охраняя шылъ арміи и наблюдая за опрядами, кошорые гарнизонъ въ Леняго могъ бы выслать въ поле, ибо крѣпость сія была опшуда шолько въ шрехъ Фр. милехъ на право. Мѣста между Арколе и Аджемъ не были оберегаемы; Альвинци удовольшвовался шолько шѣмъ, что велѣлъ шамъ развѣзашъ гусарскимъ пашрулямъ, кошорые по шри раза въ день провзжали по площинамъ, лежащимъ на болотѣ при берегахъ Адига. По дорогѣ изъ Ронко въ Арколе встрѣчается Альпонъ, на 1200 саженой опъ мѣста; опшуда она идетъ на 10,000 саженой вверхъ по правому берегу сего малаго ручья до каменнаго моста, кошорымъ перпендикулярно поворачивающъ на право, въ самую деревню Арколе. Кроашы споджали на бивакахъ, правымъ крыломъ примкнувъ къ деревнѣ, а лѣвымъ къ устью; передъ глазами у нихъ была плошина, опъ кошорой опдѣлены они были шолько ручьемъ; начавъ спръляшъ, они приняли съ фланга колонну, кошорой голова была уже почти въ Арколе; она послѣшно подалась на-

задъ до шого мѣста, гдѣ плошина не выдается уже фланга лѣвому берегу. Ожеро, раздраженный симъ попяшнымъ движеніемъ своего авангарда, бросился на мостъ съ двумя башаліонами гренадеровъ; но бывъ приняшъ сильною ружейною спръльбою съ фланга, опшснулъ къ своей дивизіи. Альвинци, бывъ извѣщенъ о сей апшакѣ, сначала ея не понялъ; однако жъ, на развѣшъ, съ ближнихъ колоколенъ могъ видѣшъ движеніе Французовъ. Разосланные для рекогносцированія его гусары, были приняшы ружейными выспрълами на всѣхъ площинахъ и преслѣдованы конницею; шогда для него ясно было, что Французы перешли черезъ Адигъ и находились у него въ шылу. Ему казалось безразсудшвомъ подумать, чтошбъ можно было шакимъ образомъ пушшишъ цѣлую армію въ непроходимыя болота; онъ думалъ, что это были легкія войска, зашедшія съ сей спорони, чтошбы его шревожитъ и прикрышъ настоящую апшаку, кошорая опкроется по дорогѣ Веронской. Однако же, когда разосланныя имъ рекогносцировки донесли ему, что около Вероны все было шихо, шо онъ счелъ за нужное выгнать изъ болотъ сіи легкія войска; онъ опрядилъ одну дивизію на линію Аркольскую, подъ командою Мишровскаго, а другую на лѣвую плошину,

подъ начальствомъ Проверы. Около девяти часовъ ушра, онъ жарко пошли въ ашпаку; Массена, кошорому ввѣрена была лѣвая площадь, допусшя непріятеля вступити на нее, побѣжалъ на него скорымъ шагомъ, врѣзался, побилъ у него много людей и взялъ много въ пѣльнѣ. То же было и на Аркольской площади: какъ скоро непріятель прошелъ за поворотъ оной, Ожеро бросился на него также скорымъ шагомъ, смилъ его, захватилъ военнопленныхъ и пушки; болото было покрыто трупами. Занятіе Арколе сдѣлалось непременно нужнымъ: ибо ополъ, выгнувъ въ штылу непріятеля, можно было занять мостъ въ Вилла-Новѣ, на Альпонтѣ, чрезъ кошорый оспавался ему единственнѣйшій путь къ отступленію, и шамъ можно бѣ было утвердиться прежде, нежели онъ былъ бы запертъ; но Арколе держалась противъ многихъ ашпакъ. Наполеонъ захотѣлъ лично извѣдать послѣднее усиліе: схватилъ знамя, взбѣжалъ на мостъ и поставилъ его шамъ; колонна, кошорою онъ командовалъ, взошла уже на половину моста, когда фланговый огонь и прибытіе свѣжей непріятельской дивизіи помѣшали сей ашпакъ; передовые гренадеры, оспавленные хвостомъ колонны, приостановились; но бывъ увлечены бѣгущими, не хотѣли

разстаться съ своимъ Генераломъ: схватили его за руки, за платье и попадали сквозь дымъ, по трупамъ и раненымъ; его ешолкнули въ болото, гдѣ онъ увязъ до поясицы и былъ среди непріятелей: гренадеры увидѣли своего Генерала въ опасности, вскрикнули: „солдаты! впередъ, на защиту Генерала!“ — и вмигъ сіи храбрые люди бросились бѣгомъ на непріятеля, ошписнули его за мостъ — и Наполеонъ былъ спасенъ. День сей былъ ознаменованъ жертвами воинской доблести. Ланнъ прискакалъ изъ Милана, раненый при Говерноло и еще спраждающій отъ раны; онъ спалъ между непріятелемъ и Наполеономъ, прикрылъ его своимъ штыкомъ, получилъ шри раны, и все не хотѣлъ его оспавити. Мвиронъ, Адъютантъ Главнокомандующаго, былъ убитъ, заслоня собою своего Генерала. Смерть геройская и умилительная! Белльяръ и Вишьоль были ранены, когда снова повели войска впередъ. Храбрый Генераль Робертъ былъ убитъ: эшо былъ воинъ, закаленный въ болахъ. Генераль Гьё (Guieux) переправился въ Альбаредо чрезъ Адикъ съ своею бригадою на противъ. Арколе была взята съ другой стороны; въ эшо время, Альвинци, извѣстясь о настоящемъ видѣ дѣлъ, понялъ всю опасность своего положенія; онъ поспѣшно

оставилъ Кальдіеро, снялъ свои баштарен и опослалъ за мостъ всѣ свои парки и резервы. Французы, съ вершины колокольной въ Ронко, печально смотрѣли, какъ сія добыча опъ нихъ уходила; и уже при видѣ суешливыхъ движеній непріятеля можно было судить о всей обширности и слѣдствіяхъ намѣренія Наполеонова. Всякъ видѣлъ, что могло произойти опъ споль глубокаго и смѣлаго соображенія. Непріятельская армія, шоропливымъ своимъ уходомъ, избѣгала конечнаго испребленія; уже къ четьремъ часамъ утра, Генераль Гьё могъ итти въ Арколе лѣвымъ берегомъ Альпона; деревня была взята безъ выспрѣла: но тогда въ ней почти уже не было нужды; эшо дѣло опоздало шестью часами; непріятель занялъ уже свою естественную позицію; Арколе была уже не что иное, какъ средній постъ между фронтисами обѣихъ армій, тогда какъ утромъ въ день битвы, деревня сія была въ штылу непріятеля. Со всѣмъ шѣмъ, важныя послѣдствія увѣчали день сей: Кальдіеро была очищена, Верона была виѣ опасности, двѣ дивизіи Альвинціевой арміи были разбишы съ значительною потерей; многочисленныя колонны военнопленныхъ и множество профеевъ побѣды прошли сквозъ лагерь и наполнили восшоргомъ солдатъ и

офицеровъ; каждый снова получилъ увѣренность и чувство побѣды.

## § 8.

Между шѣмъ Давыдовичъ съ Тирольскимъ корпусомъ напалъ на Корону и занялъ ее; онъ споялъ въ Риволи. Вобуа споялъ на высотахъ Бассолино; Кильмень, избавленный опъ всякихъ опасеній съ лѣваго берега очищеніемъ Кальдіеро, обращалъ свое вниманіе на спѣсны Веронскія и на правый берегъ; но если бы Давыдовичъ пошелъ на Вобуа и принудилъ его броситься къ Маншуѣ, то снялъ бы блокаду сего города и опрѣзала решираду главной кварширѣ и всей арміи, находившихся въ Ронко. Опъ Риволи до Маншуи 13 Франц. миль, опъ Ронко дѣсяшь, весьма худыми дорогами; должно было на развѣшѣ спать въ шакомъ положеніи, откуда бѣ можно было подкрѣпить Вобуа, прикрывать осаду Маншуи и сношенія арміи, и разбишы Давыдовича, кошорый въ шеченіе дня подвинулся впередъ. Для успѣха въ семъ намѣреніи, нужно было расчесъ часы. Главнокомандующій, находясь въ неизвѣсности о шомъ, что происходило днемъ, могъ предполагашъ и предполагашъ, что все шло худо со стороны Вобуа, что сей послѣдній былъ выпѣсненъ и споялъ между Ровербелою и Каспель-Но-

во. По сему Главнокомандующій вывелъ войска изъ Арколе, спойвшея столько крови, перешелъ съ арміею на правый берегъ Аджиа, а на лѣвомъ оставилъ только бригаду съ нѣсколькими пушками, и велѣлъ, чтобы солдаты ужинали въ семь положеніи. Въ случаѣ, когда бы непріятель пошелъ на Риволи, должно было снятъ мостъ на Аджиа, скрыться ошъ Альвинци и подоспѣть во время на помощь Вобуа. Наполеонъ оставилъ въ Арколе разведенные на бивакахъ огни и велѣлъ пикетамъ безпрестанно подкладывать въ нихъ дровъ, дабы Альвинци ничего не замѣнили. Въ четыре часа утра, армія спала подъ ружье; но въ ту же минуту прискакала офицеръ ошъ Вобуа и донесъ, что сей Генераль въ шесть часовъ вечера былъ еще въ своей позиціи на высотахъ Бассолино, и что Давыдовичъ не шргался съ мѣсна. Сей Генераль командовалъ прежде корпусомъ въ арміи Вурмзера; онъ помнилъ данный ему урокъ, и не хотѣлъ пустишься на удачу. Однако жъ Альвинци, извѣстясь около шрехъ часовъ утра обшступательномъ маршѣ Французовъ, велѣлъ занять Арколе и Порчилъ, а днемъ опправилъ двѣ колонны на двѣ площадки. Началась перестрѣлка въ двухъ сшахъ саженьяхъ ошъ моста въ Ронко; Французы пе-

решили мостъ въ ашпаку, напали на непріятеля, врзались въ него и гнали до конца болота, которое наполнились прупами Авшпрійцевъ; знамена, пушки и военнопленные были трофеями сего дня, въ который двѣ свѣжія Авшпрійскія дивизіи были разбишы. Подъ вечеръ, Главнокомандующій, по нѣмъ же самымъ причинамъ и соображеніямъ, какъ и наканунѣ, сдѣлалъ такое же движеніе: совокупилъ всѣ свои войска на правомъ берегу Аджиа, на лѣвомъ же оставилъ только авангардъ.

### §. 9.

Альвинци, введенный въ обманъ шпнономъ, увѣрившимъ его, будто бы Французы шли къ Маншуъ и оставили одинъ авангардъ въ Ронко, снялся съ лагеря еще до разсвѣпа. Въ пять часовъ утра, во Французской главной кварширѣ узнали, что Давыдовичъ не дѣлалъ никакого движенія, и что Вобуа былъ въ той же позиціи. Армія снова перешла за мостъ; головы колоннъ обшихъ армій встрѣтились на половинѣ площади; битва была упорна, нерѣшима нѣсколько минутъ; 75й полкъ былъ разорванъ; пули долетали даже на мостъ. Главнокомандующій велѣлъ 32 полку залечь въ небольшомъ ивовомъ лѣску, вдоль по площади, и у самага края моста; полкъ сей во время вспалъ на

ноги, пустил огонь, пошелъ въ штыки и опрокинулъ въ болошо скашую во всю ея длину колонну, состоящую изъ 3,000 Кроатовъ; они все шамъ погибли. Массена, на лѣвомъ крылѣ, шерьпѣлъ неудачи; но онъ пошелъ впереди своего войска, вошкнувъ свою шляпу на шпагу вмѣсто знамя, и производилъ ужасное кровопролитіе въ дивизиі, прошивъ него пославленной. Послѣ полудня, Главнокомандующій разсудилъ, что настало время кончить дѣло, ибо, если бѣ Вобуа былъ разбишъ въ эшопѣ же день Давыдовичемъ, то онъ принужденъ бы былъ въ слѣдующую же ночь итти на помощь къ нему и къ Маншю. Тогда Альвинци шощчасъ бы пошелъ на Верону и похитилъ бы славу и послѣдствія побѣды; все выгоды, пріобрѣтенныя въ три дня, были бы ушрачены; шогда какъ если бы Наполеонъ прогналъ Австрійцевъ за Вилла-Нову, то могъ бы итти на помощь къ Вобуа чрезъ Верону. Онъ велѣлъ сдѣлать вѣрный счетъ военнопленныхъ, исчислилъ потери непріателя и удостовѣрился, что сей послѣдній уменьшился въ эти три дня болѣе нежели 25,000 человекъ, и что опшныи наличныя его силы въ сраженіи будущъ малымъ чѣмъ болѣе преша противъ Французовъ. Онъ велѣлъ выйти изъ болоши и ашпаковать непріа-

теля на равнинѣ. Трехдневныя сіи происшествія такъ измѣнили мысли обѣихъ армій, что побѣда была почти вѣрною. Армія перешла мостъ, наведенный на ушь Альпона; Эллио, Адьюшаншъ Главнокомандующаго, имѣлъ порученіе построить другой, и былъ убишъ. Въ два часа по полудни, Французская армія была въ боевомъ порядкѣ, лѣвымъ крыломъ въ Арколе, а правымъ по направлению къ Поршо-Леньяго; передъ нею стоялъ непріатель, примыкая правымъ крыломъ къ Альпону, лѣвымъ къ болошамъ; онъ совершенно заснушалъ дорогу въ Виченцу. Генераль-Адьюшаншъ Лорсе (Lorset) вышелъ изъ Леньяго съ 6 или 700 человекъ пѣхоты, четьрьмя пушками и 200 ч. конницы, шчтобъ обойти болоша, въ кошорыя непріатель упирался лѣвымъ крыломъ своимъ. Около прехъ часовъ, въ шо время, когда опрядъ сей пошелъ впередъ, когда завязалась сильная перепалка по всей линіи и шпрѣлки вступили въ бой, эскадронный командиръ Геркюль (Hercule) получилъ приказъ итти, съ 25 *вожатыми* (\*) и 4 шрубачами, сквозь

(\*) У всякаго Главнокомандующаго или Начальника корпуса во Франціи, сверхъ Шшаба изъ Ошцеровъ, были создашы-Кавалерисшы, опъ 50 человекъ до двухъ эскадроновъ. Ихъ называли *вожатыми* (guides): они были одѣшы иногда какъ гусары, ино-

просилники, и напашь на край лѣваго крыла непріятельскаго, тогда, какъ гарнизонъ Леньяго начнешь спрѣлать въ него съ пылу. Сей офицеръ выполнилъ это движеніе весьма хорошо и много способствовало успѣху битвы: линія была разорвана, непріятель началъ ошесупань; Фельдмаршалъ Альвинци построилъ ошь 6 до 7,000 человекъ въ нѣсколько колоннъ *уступами* (п *échelons*) въ пылу своей арміи, дабы птьмъ обезпечить артиллерійскіе парки и свое ошесупленіе; въ дѣлѣ у него было не болѣе людей, какъ и во Французской арміи; во весь вечеръ его провожали съ битвою, при чемъ онь много потерялъ военноплѣнными. Французская армія провела ночь въ своей позиціи. Не взирая на придневныя побѣды, для Генераловъ и высшихъ чиновъ ошавалось загадкою: какой приказъ Главнокомандующій ошдасъ къ завтряннему дню? Все думали, что онь, удовольствовавшись ошдленіемъ непріятеля, не пушится на равнины Виченцинскія и возвратится въ Верону лѣвымъ берегомъ Адиджа, чшобъ ошшлоъ ишши на Давыдовича и заняшь Кальдіеро, какъ сіе было первою цѣлю его маневра. Но не-

гда какъ конные егеря (*chasseurs à cheval*); они обегали главную кватрширу. *Прим. Изд.*

пріятель столько потерялъ въ сѣи при днѣ и людей и бодрости, что его уже не къ чему было бояшсь на ровномъ мѣстѣ. Съ наступленіемъ дня узнали, что онь ошсупилъ къ Виченцѣ; армія погналась за нимъ, но, дошедъ до Вилла-Новы, одна конница продолжала его преслѣдовать, птьхоша же ошановилась для сожданія донесеній о помѣ, какъ держался арріергардъ арміи. Главнокомандующій вошелъ въ монастырь Санъ-Бонифачіо; церковь онаго заняша была подъ лазаретъ; ошь 4 до 500 раненыхъ были въ ней, шакъ сказашь, навалены, большая часть изъ нихъ уже померли, ошь чего зданіе было наполнено мершвелнымъ зловоніемъ. Главнокомандующій съ ужасомъ ошсупилъ назадъ, какъ вдругъ услышалъ, что его зовушь по имени. Два несчастные солдата прое супокъ лежали между мершвыми, безъ пици, безъ перевязки; они уже ошчалвались о себя, когда снова призваны были къ жизни воззрѣніемъ своего Генерала; шущъ имъ оказали всякую помощь. Узнавъ, что непріятель, въ величайшемъ безпорядкѣ, нигдѣ не ошавался, и что арріергардъ его былъ уже за Моншебелло, Бонапарте поворошилъ вѣво, на Верону, дабы напашь на Тирольскую армію. Обѣздные пашрули поймали офицера Главнаго Штаба, посланнаго къ

Альвинци отъ Давыдовича: онъ вѣдалъ съ горь, и думалъ, что находишься между своими войсками. Изъ найденныхъ при немъ депешъ узнали, что непріятельскія войска уже при дня не имѣли между собою сношеній, и что Давыдовичъ ничего не зналъ о происходившемъ. Альвинци потерялъ въ три дня при Арколе, 18,000 человекъ, въ томъ числѣ 6,000 военноплавленными, 4 знамя и 18 пушекъ.

### §. 10.

Армія Французская вошла побѣдоносною обратно въ Верону, Венеціанскими ворошами, чрезъ три дня послѣ шайнаго своего отхода выхода ворошами Миланскими. Трудно изобразить удивленіе жителей; даже самыя явные враги не могли подавить своего удивленія, и вмѣстѣ съ преданными Французской сторонѣ поздравляли побѣдителей. Но армія не остановилась въ городѣ: она перешла чрезъ Адигъ, пошла на Давыдовича, который 17 числа наступилъ на Бассолино и прогналъ Вобуа къ Кастель-Ново. Массена пошелъ на Кастель-Ново, соединился съ Вобуа и напалъ на Риволи. Озеро пошелъ лѣвымъ берегомъ Адига, на Дольче, взялъ 1500 человекъ, два запасные моста, 9 пушекъ и знашную часть обоза:

но все сіи важныя успѣхи были приобретены не безъ урона. Армія болѣе прежняго имѣла нужду въ отдыхѣ: безразсудно было бы вести ее въ Тироль и расшнупъ до Треншо. Должно было думать, что Маншу отворишь свои вороша побѣдителямъ прежде, чѣмъ Австрійскій Генераль успеетъ набрать новую армію: гарнизонъ сей крепости былъ доведенъ до половинной порціи; много изъ него бѣжало, госпитали были набиты больными; все возмущало близкую сдачу. Смертность была шамъ чрезвычайна велика, болѣзни каждый день похищали больше людей, нежели сколько нужно было для одержанія важной побѣды.

*Съ Фр.*

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМА НА КАВКАЗЪ,  
О ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАХЪ И ИСКУССТВАХЪ.

## Письмо третье.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я слишкомъ распространился о Московскомъ Телеграфѣ, и думаю, что ты, читая длинное мое посланіе, не разъ прошептала любимую свою Французскую поговорку: *Le jeu ne vaut pas la chandelle*. Согласенъ; однако жъ, въ обменъ на Французскую твою поговорку, позволю припомнить тебѣ афоризмъ Латинскій: *difficile est veritatem non dicere*. Впрочемъ, даю тебѣ слово, что не буду тебя снова вводить въ подобное искушеніе, и съ возможною краскою буду тебѣ говорить объ остальныхъ Журналахъ.

*Новости Литературы*, издававшіяся Г. Воейковымъ, были и въ 1826 году таковы же, какъ и въ предшествовавшемъ: большую часть прозы составляли въ нихъ вялые переводы съ иностранныхъ языковъ. Сказавъ только: *вѣнны*, я надѣюсь, что выразился слишкомъ умеренно. Нѣкто, подписывавшійся въ *Новостяхъ* Г. Воейкова,

личнымъ мѣстоименіемъ я, переключивалъ Поэмы Байрона съ превосходныхъ стиховъ на такую прозу, которая, сказано Русскою поговоркою, въ душу нейдетъ. Переводы нѣкоторыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ Поэтовъ были не лучше, и печатались, можно сказать, безъ оглядки. Такъ напр. въ одной изъ нихъ находишь: „звѣзды блистали „на голубомъ сводѣ, какъ блески на черномъ плащѣ вдовы Сивильской (вдовушки).“ Стихи въ этихъ Новостяхъ были несравненно лучше прозы: здѣсь встрѣчались стихотворенія Пушкина, Баратынскаго, Ѳ. Глинка и другихъ отличныхъ Поэтовъ. За то рѣдко что изъ нихъ можно было назвать *новостью*: большая часть была перепечатана изъ печатныхъ книгъ, а нѣкоторыя и *третьимъ тисненіемъ*. Въ числѣ такихъ новостей, Г. Издавецъ заново помѣстилъ (въ Юньской книжкѣ Н. Л.) собственное свое посланіе къ Жуковскому, писанное въ 1813 году, посланіе, для котораго слишкомъ бы довольно было и одного изданія.

Всего любопытнѣе въ Новостяхъ Литературы статья Г. Издавателя, подъ заглавіемъ: *Екатеринославъ*; она перешла изъ 1825 года въ 1826-й, и не кончилась еще въ семь послѣднемъ; почему должно надѣяться,

что Г. Издатель ошпечатаешъ ее вторично въ нынѣшнемъ своемъ Журналѣ, *Славянинъ*. Начало сей спашьи заключаешъ въ себѣ нечто похожее на пушешествіе, т. е. поверхностныя описанія и т. п.; это бы все ничего; всякій пушешественникъ смошреть на предметы съ своей точки зрѣнія, съ своей *высоты*. Но Сочинишело показалось, что спашья его слишкомъ коротка, и потому, за недоспашкомъ собственнаго запаса, онъ разсудилъ за благо дополнишь ее чужимъ. Привязка его къ нынѣшней временной охотѣ до изслѣдованій историческихъ, весьма замысловата: онъ говоришь, что теперь „наспояшельно пребуошь ошь пушешественника познаній въ древноспяхъ, розыска о развалинахъ, курганахъ, городищахъ; спашиспическихъ таблицахъ, ландкаршъ, видовъ; что онъ обязаиш опрышь нѣсколько древнихъ монешъ, исполковашь надгробныя надписи, объяснишь происхождение языка, сходство его съ Санскрипскимъ, или по крайней мѣрѣ, съ Финикійскимъ, изложнишь свое мнѣніе о переселеніи народовъ вообще, и о жипеляхъ страны, имъ описываемой, въ особенноти; предспавишь нѣсколько проэктовъ объ улучшеніи рукомесль, шорговаи и промышленности. . . . Посшараошь (продолаешъ

„Г. В.), сколько умѣю, угодишь вкусу моихъ современниковъ; вызову изъ могилъ священичныя пѣни Геродота и Неспора, Коптспашпина Багрянороднаго и Спрабона; вышину краснорѣчивыя спраницы изъ Истории Карамзина, ученныя наблюденія изъ пушешествій Палласа, Гюльденшпеша, Зуева; приведу въ свидѣтели испинны сошбышій, мною изложенныхъ, Боплана, Лерберга, Полушина. . .“ Кто жъ эти жестокие современники, которые пребуошь ошь Г. В. шакой компиляціи? Не лучше ли бы имъ самимъ перечишашъ все это, нежели заспавишь его рышья въ кингахъ? — Какъ бы то ни было, но онъ выполнилъ пребуваніе современниковъ и началъ свои историческіе *розыски* почти шакже, какъ *maître l'Intimé* (\*) свою судную рѣчь:

Avant la naissance du monde.

*Дамскій Журналъ*, издав. Княземъ Шаликовымъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ пѣхъ жестокихъ нападковъ, какіе на него дѣланы были въ одномъ Журналѣ. У насъ часто ополчаюшя прошивъ какого-либо сочиненія или періодическаго изданія, не сдѣлавъ сначала самому себѣ весьма еште

(\*) Въ Расшновой Комедіи: *Les Plaideurs*.

свеннаго вопроса: какаѣ цѣли Сочинителя или Издашеля? Примѣняя сей вопросъ къ Дамскому Журналу, можно ошвѣчать, не зачинаясь: что главная цѣль сего изданія — извѣстія о новыхъ модахъ (съ рисунками самыхъ модъ), а вторая по ней — доставить читательницамъ своимъ легкое и пріятное чтеніе. Можешь бышь, по мнѣнію спрогихъ кришниковъ, Издашель и не совсѣмъ достигъ сей послѣдней цѣли; но пусть опять должно судить и осуждать по сравненію. Просматривая однородныя съ симъ изданія Французскія: Le Journal des modes, le Petit Courrier des Dames Парижскія, и Le Journal des Dames, издаваемый въ Фракфуртѣ, вижу, что они наполняются такими спашьями, которыя ничѣмъ не лучше помѣщаемыхъ въ Московскомъ *Дамскомъ Журналь*. Что же касается до главной цѣли — модъ, то можно рѣшительно сказать, что въ Дамскомъ Журналь извѣстія о нихъ переводятся на Русскій языкъ гораздо лучше и вразумительнѣе, а картинки лучше бывають выгравированы и раскрашены, нежели въ Московскомъ Телеграфѣ. По крайней мѣрѣ, здѣсь не встрѣчаешь такихъ зашѣтливыхъ диковинокъ, какъ напр. *Грипусе* и ш. п.

Вотъ вся моя правда о Журналахъ за 1826 годъ. Теперь, знаю, ты попросишь ошъ меня полнаго извѣстія о книгахъ, вышедшихъ въ томъ же году; помню и неоднократныя твои словесныя и письменныя требованія, чтобы извѣстія мои были представляемы въ якошоромъ систематическомъ порядкѣ, дабы, какъ говоришь ты, съ перваго взгляда видѣшь успѣхи наши въ Словесности и въ разныхъ отрасляхъ знаній человеческихъ. Гошовъ по возможности исполнишь свое желаніе; но скажу тебѣ напередъ: не ожидай ни полнаго исчисленія, ни полнаго ошчета обо всѣхъ книгахъ, вышедшихъ съ 1-го Января 1826 по 1-е Января 1827 года. Я буду говорить тебѣ только о томъ, что почему либо ошалося въ моей памяти. Начну съ Литературы.

Ты вѣрно замѣнилъ, что въ обыкновенномъ порядкѣ и ходѣ вещей, всегда бывають или случайныя или преднамѣренныя черпты, явшвенно опличающія одну эпоху ошъ другой. Сии опличительныя черпты равно свойственны и міру физическому, и міру нравшвенному, и ими-то и можно и должно означать эпохи, для различенія ихъ въ ряду временъ. Примѣняя это правило къ нашей Литературѣ, я назову минувшій годъ — годомъ *собранія хорошихъ сочиненій*;

ибо, принимая въ уваженіе ежегодную скудость нашего книжнаго запаса, онъ былъ относительно богатъ таковыми изданіями. Ты самъ можешь это видѣть изъ слѣдующаго исчисленія. Въ печеніе 1826 года, вышли въ свѣтъ: *Стихотвореніе Александра Пушкина*, — *Басни Крылова*, въ 7-ми книгахъ, — *Апологи въ четверостишіяхъ, И. Д.*, — *Сочиненія въ прозѣ Жуковскаго*, изданіе второе, дополненное всѣмъ шѣмъ, что было Сочинишемъ помѣщено въ Альманахахъ съ 1823 по 1826 годъ, — *Сочиненія Александра Измайлова*, въ прозѣ и стихахъ *Басни и Сказки*, его же, — *Опыты Солиценной Поэзіи и Опыты Аллегорій, Ф. Глинки*. Въ Москвѣ вышла 6-я часть *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности*, составлявшася при шамошнемъ Университетѣ. Въ отдѣленіи прозы: тамъ есть спашья, весьма заслуживающія вниманіе. Прибавимъ ко всѣмъ симъ собраніямъ, хотя по заглавію — *Собраніе Новыхъ Русскихъ Стихотвореній и Собраніе нов. Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ* и служащихъ дополненіемъ къ *Образцовымъ*. Ты давно уже знаешь эти *Образцовыя*, знаешь и то, что смѣшанный Собирашель хотѣлъ представити чашашелямъ своимъ об-

*разцы* всего въ Русской Литературѣ: и хорошаго, и средшвеннаго, и дурнаго. Тамъ же правиломъ руководшвенался онъ и въ сихъ двухъ шомахъ своего Собранія, особливо въ частн стихошворной. Издашли Сьверной Пчелы замѣнили очень забавный его анахронизмъ въ выборѣ спашей прозаическихъ, а именно: что онъ принималъ 1770 и 1772 годы за 1821 и 1823; ибо ограничась въ заглавіи сими двумя послѣдними годами, помѣшилъ въ самой книгѣ спашьи, появившіяся въ двухъ первыхъ. Сь удовольствіемъ назову шель *Досуги Сельскаго Жителя*, крестьянина Ф. Сальпушкина, стихошворенія, въ кшторыхъ простой сьнь природы, пріяшними и плавными стихами передалъ намъ впечатлѣнія и чувствования сельской жизни, однообразной и скудной для равнодушнаго жителя столицъ, разнообразной и обильной для Поэша и наблюдателя правовъ.

Изъ отдѣльныхъ стихошворныхъ произведеній, въ прошломъ году появилось шакже нѣсколько прекрасныхъ. Пушкинъ напечаталъ 2 главу *Евгенія Онегина*, и, скажу шель опкровенно, эта вторая глава правншя мнѣ болѣе первой, хотя въ ней и менѣе движенія, менѣе картинъ разнообразныхъ. За то въ ней самая вѣрная, жи-

вая картина закоснѣлыхъ сельскихъ помещиковъ, съ ихъ предразсудками и шибеными понятіями, съ ихъ пересудами и жирными объдами. — Барашинскій издалъ небольшую Поэму: *Эда*, въ которой ешь весьма хорошія картины Финляндіи; вмѣстѣ съ нею, перепечатавъ онъ свои *Пирь*, о коихъ нѣчего напоминать тебѣ: я не забылъ, что ты многія мѣста изъ нихъ знаешь наизусть, и что нѣкоторыя стихи, какъ напр.

„Какъ не любишь родной Москвы?

„И гуль поѣхъ колокольной,

твердишь за пословицу. — Жандръ напечаталъ свое подражаніе Шиллеровой *Семель*; ты помнишь, думаю, ошрывки изъ нея, напечатанные лишь за десятъ предъ симъ, кажешся, въ Сынѣ Ошечества? Тамъ было много сильныхъ и прекрасныхъ стиховъ; въ цѣломъ ихъ, разумѣея, и того болѣе. *Козловъ* издалъ *Абидосскую Невѣсту*, которую можно также назвать подражаніемъ: красота Бейроновы часто замѣнены другими; но сіи послѣдніи часто имѣють дошоеинство изображенія. Желательно, чтобъ у насъ почаще *хоть подражали* Бейрону такимъ образомъ. — Для чего, послѣ всѣхъ сихъ отличныхъ произведеній, долженъ я, въ силу даннаго тебѣ слова, упомянуть о какой-то стихопворной *Нибъ* и объ *Ужас-*

*ныхъ гостяхъ*, въ которыхъ нѣтъ ни занимательнаго вымысла, ни сносныхъ стиховъ, ни чистопы языка?

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

---



---

#### IV.

### С Л О В Е С Н О С Т Ь :

---

Бесѣда у Вальтера Скотта.

(*Изъ Путешествія Нишо (\*).*

... I would rather take my wine  
With you than aught (save Scott) in your proud city.  
Lord Byron, Don Juan.

Ни съ кѣмъ (кромя Скотта) не выпилъ бы  
я стаканъ вина такъ охотно, какъ съ вами.

Не многіе Поэты, при жизни своей, наслаждались народною любовью въ такой степени, какъ Сиръ Вальшеръ Скоптъ! въ Шотландіи, во всякомъ домѣ найдешь, если не всѣ его шворенія, то по крайней мѣрѣ

---

(\*) Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ былъ прежде напечатанъ небольшой ошрывокъ изъ этого письма, заимствованный изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: теперъ предлагаемъ оное вполне.  
*Изд.*

нѣкоторыя ихъ части; имя его, всѣми знаемое, пріобщается ко всему, что въ Единбургѣ есть національнаго; не смотря на это, за недоспашкомъ соперниковъ, у него есть завсипники и хулишели. Виги упрекають его, одни въ томъ, что онъ одѣлъ ложнымъ поэтическимъ цвѣтомъ Спугарповъ; другіе въ томъ, что всѣ заключенія его клоняшся въ пользу вышшняго Правительства; жаркіе и мрачныя Пресбитеріи не спавяшъ ему въ преступленіе то, что онъ оклеветалъ основателей ихъ Церкви. Здѣсь, Скопшъ слывешъ анпи-либеральнымъ приверженцемъ Министровъ; памъ человѣкомъ невѣрующимъ; утверждають, что если бы *смотръ* (Review) не зависѣлъ онъ его книгопродавца Констабля, то Единбургскіе Аристархи были бы снрже въ своихъ кришикахъ, и не столько расшочисельны въ похвалахъ этому чловѣку, конорій снова поставилъ Шотландію на спенень народовъ, непрестанно занимая Европу изображеніемъ *Шотландіи независимой*. Въ самомъ дѣлѣ, и Поэмы и Романы его суть не что иное, какъ піишческія неозобренія акша *соединенія*, а эта лешъ пріашнѣ всѣхъ прочихъ ласкаетъ народную гордоснь; мудрено ли же, что благодарный народъ любилъ славу Скопша, какъ свою собствен-

ную? Когда онъ появляется въ какомъ нибудь публичномъ мѣспѣ, вокругъ него поднимается одобришельный говоръ, и не разъ единодушныя рукоплесканія привѣтствовали въ Театрѣ Пѣвца Шотландіи. Похвалы сего рода должны заглушшъ въ его ушахъ жужжаніе нѣсколькихъ полишическихъ и липературныхъ насѣкомыхъ. Хваляшъ или браняшъ его, но ничье имя не произносшся шакъ часто въ Шотландіи, и его прежде всѣхъ, желаюшъ видѣшъ иностранцы.

Если бы меня не увѣрили, что Сиръ Вальтеръ Скопшъ шакже замѣчательень по своей обходисельности, какъ и по дарованіямъ, то я не знаю, какъ бы превозмогъ врожденную свою засѣшчивоснь и осмѣлился пршши къ нему. Я думалъ, правда, что имѣю нѣкоторыя права на его вниманіе, и что между нами сущесшвуетъ уже родъ *умствениаго* сношенія; но эти-то самыя права и лишали меня по временамъ смѣлосши. Мнѣ приходила на умъ Италіанская пословица: *traduttore traditore*. Не дерзко ли было съ моей стороны заставшшъ говоршшъ въ прозѣ *Марміона* и *Госпожу Озера*? Могла ли мнѣ служшшъ *рекомендательнымъ письмомъ* эта проза, набросанная пскоро въ минушы крашкого досуга? — Другаго, впрочемъ, у меня и не было: я повѣрилъ

моимъ пріятелямъ, которые говорили, что и этого довольно. Наконецъ я рѣшился: ибо уѣхавъ, не выдавъ Вальшера Скопша... куда же бы годилось мое путешествіе? Ученый и любезный Профессоръ Томсонъ звалъ меня къ себѣ завтракать въ десять часовъ утра. Въ девять я пустился по великолѣпнымъ проспектамъ улицы Георгія, ограничивающейся съ одной стороны красивою колонною Лорда Мельвила, а съ другой церковью Св. Георгія, которая бы могла быть болѣе вѣрнымъ подражаніемъ церкви Ап. Павла въ Лондонѣ. Недалеко отъ сего храма, улица замка (Castle-street) пересѣкаетъ улицу Георгія; на лѣво величественно возвышается старая цитадель, которую въ Единбургѣ глазъ встрѣчаешь часто, а на право является море, коего зыбкая лазурь поражаетъ взоры во многихъ частяхъ города, не смотря на то, что дома всякій день спановятся между старымъ городомъ и берегомъ. Въ этой-то чрезвычайно живописной улицѣ (Castle-street) живешь Вальшеръ Скопшъ. Не безъ смущенія взшелъ я на лѣстницу и дернулъ за шнурокъ звонка, чинная на мѣди молодка имя и званіе Поэты: Сиръ Вальшеръ Скопшъ, *Баронетъ*. — Ошворяющъ... Сиръ Вальшеръ Скопшъ дома.

Я бы могъ, по примѣру Тристрама-Шанди, остановить васъ въ корридорѣ, чтобы дать вамъ время разсмотрѣть чистоту покоевъ, голубую съ желтымъ диврею напудренныхъ лаковъ — признакъ доспащочнаго состоянія; но я все это замѣнилъ уже постѣю, и въ кабинетѣ, въ который ввели меня, увидѣлъ только человека, сидящаго у конпорки въ упрямомъ рединготѣ. То былъ Вальшеръ Скопшъ; онъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ и съ непринужденною пріятностію взялъ и развернулъ записку, которую я ему подаю, записку, въ которой пріятель его, книгопродавецъ Ленгъ, писалъ въ шести строкахъ, что молодой Французскій Докторъ (скажешь мое имя) желаетъ съ нимъ познакомиться и предсавить ему экземпляръ нѣкоторыхъ Поэмъ его, имъ переведенныхъ. Вы догадываетесь, что какъ ни мало надобно времени на прочтеніе такой записки, но я все успѣлъ разсмотрѣть между пѣмъ черны и всѣ движенія фізіономіи Вальшера Скопша. Отъ того ли, что я вообразилъ, будто мое приношеніе ему пріятно, или отъ того, что въ первый разъ, когда я его встрѣтилъ, успалось отъ ходьбы, потъ и пылъ поизмѣнили черны его, только въ этотъ разъ показалось мнѣ, что голова его дѣйствительно

имѣеть по величественное спокойствіе, которому удивляемся мы въ бюствѣ его, работы Шантри, и когда онъ съ учпивою улыбкою попросилъ меня сѣсть, въ этой улыбкѣ дѣйствительно было нѣчто привлекающее. — „Я вижу, сударь, что я вамъ нѣсколько обязанъ: я за честь почишаю бытъ извѣстнымъ во Франціи.“

— „Васъ намъ знаютъ, любятъ и уважаютъ,“ ошвѣчалъ я: „но потому, что ваши сочиненія читаютъ и на природномъ вашемъ языкѣ. Слабый переводъ мой помогъ, можетъ бытъ, нѣкоторымъ читателямъ понять, другихъ заславилъ угадавъ васъ; но онъ васъ недостоинъ; однако жь, если бы вамъ угодно было принять его онъ меня, въ знакъ глубочайшаго уваженія, по я бы за счастье почелъ предсавить вамъ его.“

*Сиръ В. С.* „Много благодаренъ вамъ: это будеть также пріятно женѣ моей. Позвольте познакомить васъ съ нею; надѣюсь, что вы останешесь съ нами позавтракать.“

— „Извините, я ошозванъ къ Профессору Томсону.“

*Сиръ В. С.* „Такъ я надѣюсь, что вы къ намъ въ другой разъ пожалуете, и тогда

будеть наша очередь? Долго ли вы думаете пробытъ въ Шотландіи?“

— „Полтора или два мѣсяца. Одно изъ желаній моихъ уже исполнилось, я видѣлъ *your own romantic town* (\*) и ея Поэма, по мнѣ хотѣлось бы также осмотрѣть мѣста, которыми воспѣлъ онъ:

*From lone Glenartney's hazel shade  
E'en to the path of Bealmaha.*

*Сиръ В. С.* „Вы уже знаете имена нашего отечества?“

— „Европа выучила ихъ въ *Госпожѣ Озера*. Мнѣ хочется осмотрѣть всѣ мѣста, описанныя въ этой Поэмѣ; но я бы вамъ очень благодаренъ былъ, если бы вамъ угодно было научить меня.“

Тутъ Вальсеръ Скопшъ въ немногихъ словахъ описалъ всѣ лучшіе виды въ Графствѣ Першскомъ. Вошелъ человекъ, и онъ, прося меня подождать, вышелъ минушь на пять. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы оглядѣть убранство кабинета, и долго сморѣлъ на *черець*, лежавшій на камнѣ. Я не могъ сначала угадавъ, настоящій ли это черець, или модель, прекрасно сдѣланная: какъ Анапомистъ, я хотѣлъ раз-

---

(\*) Стихъ изъ Марміона: вашу романтическую весь....

смотрясь его ближе, но В. С. вошел и замѣшивъ еще нѣмое выраженіе моего любопышства, первый началъ говорить:

„Эта модель головы Роберта Брюса, одного изъ героев Шотландіи.“ И при сихъ словахъ, сказанныхъ иностранцу, въ глазахъ В. С. блеснула искра энтузіазма; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Онъ продолжалъ:

„Имя Брюса, имя Валласа производящъ у насъ дѣйствіе волшебное: они полу-боги нашихъ героическихъ временъ; независимая Шотландія гордится ихъ памятью. Они герои не только людей просвѣщенныхъ, но и народа. Баллады составляютъ бѣольшую часть Шотландской Литературы, а въ эпихъ Балладахъ воспѣвають Брюса и Валласа. Робертъ Борнсъ, Поэтъ-простодинь, также воспѣвалъ Валласа и Брюса въ концѣ прошедшаго вѣка. Вы не можете вообразить, какъ мы шоржесшвовали, когда нѣсколько лѣтъ назадъ нашли могилу и кости Брюса; этому открытію обязанъ я симъ *слѣпкомъ*. Это случилось въ 1818 году, когда въ Думферлинѣ рыли рвы для фундамента новой церкви. Опрыли могилу, копорой положеніе совершенно соотвѣсшвовало описанію старинныхъ нашихъ лѣтописцевъ, Барбура и Фордюна. Гробъ былъ

обитъ желѣзными обручами, копоры ржавчина совсѣмъ почти съѣла; въ свинцѣ во многихъ мѣсахъ были дыры. Нашли часни основа челоѣка въ шесть фуновъ два дюйма вышиною...“

— „Ростъ героев Гомеровыхъ!...“

Сиръ Вальперъ Скопшъ улыбулся, слыша это замѣчаніе и продолжалъ:

„Тѣло было обернуто камкою чрезвычайно тонкою и зашканною съ золопомъ, копорой еще оспаенся нѣсколько доскушковь. На головѣ были признаки чего-то, вѣроятно короны; въ свинцовомъ гробѣ былъ еще дубовый, а въ немъ уже лежало тѣло, но дерево было почти все изъѣдено червями; изъ него вынули нѣсколько гвоздей; кругомъ шамъ и сямъ нашли куски мрамора, вѣроятно оспаики памяшника. Я, какъ и многіе другіе, ходилъ на поклоненіе этому гробу. Всякій смотряль съ почтеніемъ на благородные оспаики Короля Роберта Брюса.“

— „Вы уже тогда издали *Лорда остро-вова* (\*).“

В. С. „Да, эта Поэма вышла въ 1813 году.“

(\*) Поэма, въ копорой Робертъ Брюсъ играешъ главную роль.

— „Эта Поэма почти болѣе всѣхъ меня занимала; описаніе Гебридскихъ оспрововъ — картина дикая, но высокая.“

В. С. — „Въ изображеніи историческихъ происшествій мнѣ много помогъ старинный Поэшь Бербуръ.“

— „Вы обновили героическія льпотиси вашей опчизны; вы возвратили гербу потомковъ вашихъ випязей весь блескъ, которымъ сіялъ онъ въ вѣка рыцарства. Жаловались на ваше молчаніе. Вашъ драматическій абрисъ *Галидоне Гилль* (\*), также твореніе, исполненное народности; мы бы хотѣли, чпобъ оно было длиннѣе. Надѣюсь, чпо вы не откажетесь еще опъ Поэмъ? “

В. С. — „Не знаю. Я ужъ и шо ихъ много издалъ.“

— „Мы любимъ также и *вашу прозу*.“ Я коснулся чувствительной струны; но я далъ себѣ слово не говорить о Романахъ, чпобы не сдѣлался нескромнымъ. Я потчасъ прибавилъ: — „Я было думалъ перевести вашу Жизнь Свифта; я увѣренъ, чпо она понравится во Франціи.“

В. С. — „Я думаю, чпо вамъ бы лучше перевести сначала *Жизнь Драйдена*;

(\*) Онъ тогда шолько чпо вышелъ.

эпошь предметъ можешь быть прилпнымъ для большаго числа чпшателей.“

— „Я знаю и ее, и чпшалъ съ удовольствіемъ и пользою. Въ эпошмъ сочиненіи заключается лишературная исторія четверши вѣка. Получилъ книгу, я раскрылъ оглавленіе и увидѣлъ имя Мольера; я потчасъ ошыскалъ мѣсто, въ которомъ вы опдаеше полную справедливость его генію.“

В. С. — „Мольеръ и Драйденъ оба подражали Плавшву *Амфитриону*. Драйдену было выгоднѣе: онъ подражалъ и Плавшу и Мольеру. Сказашъ мимоходомъ, Лапинскій Поэшь менѣе всѣхъ соблюдаетъ единство мѣста. Въ Лапинской піесѣ Геркулесъ родился: Мольеръ и Драйденъ шолько пригошвили его рожденіе за девять мѣсяцевъ.“

— „Наши Французскіе Аристархи почитаютъ Плавша варваромъ. Боало на него намѣкаешъ эпимъ стихомъ:

Le latin dans les mots brave l'honnêteté.

В. С. — „Драйденъ также ея не уважаетъ: въ одномъ мѣстѣ, говоря о Французской цekoшпливости, онъ приводитъ слова Моншпаня (\*) . . . но Драйденъ и его со-

(\*) Nous ne sommes que cérémonie; la cérémonie nous emporte et laissons la substance des choses.

временники были ужь слишком неразборчивы. Въ его время нашъ Театръ долженъ былъ бы успѣдиться благоприличія Театра Французскаго. Амфипріонъ Мольера образецъ испинно забавнаго. Драйденъ грубъ и низокъ, въ пѣхъ мѣснахъ, гдѣ Мольеръ ошпроумень. Мольеръ рѣшился только вымолвить слово двусмысленное, а Драйденъ выскажетъ все прямо.“

— „У Драйдена много Поэзій въ роляхъ Юппитера.“

В. С. — „Да, онъ обогатилъ своего Амфипріона побочною инпригою, копорую бы Мольеръ охотно призналъ своею, инпригою между Меркуриемъ и Федрою, женою Созія. Но онъ признаетъ Мольера своимъ учителемъ.“

— „Онъ былъ не шакъ справедливъ къ Расину, и вы почти соглашаетесь съ его

Nous avons appris aux dames à rougir, oyant seulement nommer ce quelles craignent aucunement à faire. Nous n'osons appeller à droit nos membres et ne craignons pas de les employes à toutes sortes de débauches, etc.“ Мы до крайности церемонны; думаемъ только о наружности и забываемъ сущность вещей. Мы научили дамъ краснѣть, когда только говорятъ о томъ, чего онѣ совсѣмъ не болясь дѣлашъ. Мы не смѣемъ называть членовъ нашихъ по имени, а не спрашиваемся упошребляшъ ихъ на всѣхъ родахъ развраша и пр.“

мнѣніемъ, когда онъ смѣется надъ излишнею совѣспливостію *Господина Ипполита* (\*), копорый не смѣешь обвинишь своей махи (\*\*).“

В. С. — „Я не сказалъ своего мнѣнія объ этомъ мѣстѣ; я только назвалъ положеніе Ипполита въ этомъ случаѣ скользкимъ, затруднительнымъ (knotty), но написалъ стихи Расина, чшобы чшашатели могли судишь сами.“

— „Но въ другомъ мѣстѣ, смѣшное хвастовство Драйденовыхъ героевъ вы приписываете тому, чшо онъ подражалъ Французскимъ Трагедіямъ.“

В. С. — „Римованныя Трагедіи или героическія піесы Драйдена, выходцы съ Театра Французскаго. Во Франціи Лудовика XIV, какой-шо пышный церемоніаль,

---

(\*) Выраженіе Драйдена.

(\*\*) А R I S T E.

..... Pourquoi? par quel caprice  
Laissez vous le champ libre à votre accusatrice?  
Eclaircissez Thésée.

Н I P P O L I T E.

Hé! que n'ai-je point dit?  
Ai-je dû mettre au jour l'opprobre de son lit? etc.

вопреки общимъ нравамъ народа, овладѣлъ Театромъ; Поэты заботились не о томъ, чтобы заставить героевъ своихъ говорить натурально, а о томъ, чтобы не нарушили закона церемоннаго благоприличія, налагаемаго присущимъ великаго Монарха. Чувствованіями заимствовались у Скюдери и Ла-Кальпренеда. Разговоръ сообразовался съ придворнымъ этикетомъ. Великій даръ Корнеля и Расина исправилъ множество нелѣпостей въ этой системѣ; но плачь былъ ложный, и къ несчастію, ихъ спихи приутили Французовъ къ слогу, который бы безъ нихъ впалъ въ презрѣніе...“

— „У насъ, во Франціи, есть, какъ и у Англичанъ, свои литературные предразсудки; однако жъ мы всякій день болѣе и болѣе уснуаемъ новымъ идеямъ. Въ отношеніи къ нововведеніямъ Искусство Драматическое ошталовало; но оно сдѣлаешь со временемъ успушки... Въ нашей Словесности произошелъ переворотъ важный; въ этому много способствововали; но и у насъ въ Литературѣ есть также великій человѣкъ, который шеперь въ Лондонѣ.“

В. С. „Виконтъ де Шамобрианъ?“

— „Онъ представитель и Франціи политической и Франціи литературной.“

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы В. С. прибавилъ что нибудь къ имени знаменитѣйшаго изъ нашихъ Писателей; но это имя послужило ему только переходомъ къ другому: къ имени женщины, которую въ Англіи болѣе знаютъ и болѣе хвалятъ, потому что мнѣнія ея и въ Политикѣ и въ Литературѣ, ближе къ мнѣніямъ Англичанъ. Онъ сказалъ мнѣ:

„Здѣсь Баронъ Спаль; онъ мнѣ сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ. Вы его знаете?“

— „Видывалъ иногда у Г. Гизо, одного изъ самыхъ глубокихъ нашихъ публицистовъ и человека весьма знающаго въ новѣйшихъ Литературахъ.“

В. С. „А знали ли вы Госпожу Спаль?“

— „Я былъ еще очень молодъ, когда ее видѣлъ въ обществѣ; но около нее было множество народа: я слышалъ и понималъ развѣ только двѣ ея фразы.“

В. С. „Говорятъ, что она была удивительна въ разговорахъ, удивительнѣе, нежели въ швореніяхъ, хотя она часто думаетъ и пишетъ, какъ мужчина.“

— „Я много слышался объ очаровательности ея импровизаций у Г-жи Гизо.“

В. С. „Она владычествовала въ литературномъ мѣрѣ. Сынъ ея каженіся мнѣ человѣкомъ примѣчательнымъ: онъ, какъ ино-

спранецъ, говоришь по-Англійски съ нѣко-  
порымъ совершенствомъ. Не было ли до-  
чери у Г-жи Спаль?''

— „Была — и женщина очень умная; она вышла замужъ за Герцога Бролио (Broglio), одного изъ начальниковъ нашей оппозиціи въ Палатѣ Перовъ.“

В. С. „Полишика сильно занимаетъ васъ во Франціи, и она присвоиваетъ себѣ всѣхъ вашихъ людей съ дарованіемъ.“

— „Она отвлекаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ Словесности, собственно такъ называемой, но за то направляетъ мысли ихъ къ цѣли болѣе важной и благородной. Вы вѣдь ѣздили въ Парижъ?''

В. С. „ѣздилъ въ 1815 году; но я мало видѣлъ Францію. Въ то время всякій иностранецъ долженъ былъ казаться ей непри-  
ятелемъ: семейства запирались у себя дома. Я въ Парижѣ жилъ больше съ Англичанами и Нѣмцами, нежели съ Французами.“

— „Думаете ли вы съѣздить къ намъ опять?''

В. С. „Не надѣюсь.“

— „Въ то время не было и спа чело-  
вѣкъ, которыхъ бы извѣстно было ваше имя; теперь его также знаютъ и любятъ, какъ имена лучшихъ нашихъ Авторовъ,

Васъ бы приняли съ удовольствіемъ и удивленіемъ.“

Сиръ В. С. скромно улыбнулся. Я прибавилъ:

„Намъ мало вашихъ *Писемъ Павла*. Впрочемъ безприсраспные Французы почитаютъ замѣчанія ваши довольно безприсраспными; но намъ бы хотѣлось, чѣобы вы насъ знали и думали о насъ лучше.“

Мнѣ часто случалось слышать, что *Письма Павла* соч. Вальпера Скопша, называютъ сборищемъ клеветъ на Францію. Нѣкоторые Журналы оцѣнили ихъ такимъ образомъ, и многіе люди удовольствовались эшимъ гошовымъ мнѣніемъ, не прочитавъ ихъ сами. Не говорю, чѣобы это сочиненіе было правдиво во всѣхъ своихъ подробностяхъ: видѣвъ многое поверхностно, Авшоръ часто судилъ ошибочно; поживъ у насъ не долго, онъ также не могъ отбросить нѣкоторыхъ предразсудковъ *Англичанина и торя*. Но онъ отдастъ справедливостъ многимъ Французскимъ добродѣтелямъ, между шѣмъ, какъ большое число его соотечественниковъ совсѣмъ не признаетъ ихъ въ насъ. Англійскіе путешественники въ эшомъ отношеніи насъ не избаловали, и, по сравненію съ другими, Павелъ еще довольно уважаетъ насъ. *Письма Павла*

часто смѣшивали съ *Побѣдкою въ Парижѣ въ 1815 году* соч. какого-то Джона Скопша, безстыднаго клеветника, который въ послѣдствіи былъ убитъ на дуэли, поссорившись съ Г. Локкаромъ, зятемъ В. Скопша.

Возвращаюсь къ *нашему разговору*.

Сиръ Вальшеръ повѣствовалъ мнѣ, что онъ не надѣется быть скоро во Франціи; — пишуъ онъ сдѣлалъ нѣсколько учтивыхъ вопросовъ, относившихся до меня. — Я ушелъ отъ него и отправился къ Профессору Томсону.

Приводя сей разговоръ и слѣдующіе, я долженъ откровенно признаться, что пользуюсь моими записками, писанными въ шотъ же самый день, и болѣе убавляю, нежели прибавляю. Но вообще сообразовался я съ извѣстными, печатными мнѣніями В. Скопша, чтобы не ошибиться и не приписать ему словъ, которыхъ бы онъ никогда не сказалъ. Когда слишкомъ сокращенныя записки мои неполны, я ихъ оставляю, чтобы быть правдивымъ. Быть можеть, что я, неизмѣняя смысла фразы, иногда ее округливалъ, для того, чтобы замѣнить выраженіе при разговорѣ, которое можно иногда передать читателямъ не иначе, какъ лишнимъ эпизодомъ или вшорою, изъяснительною фразою.

Р. С. Прибавлю здѣсь еще, что Френологическія Шотландскія Общества много занимались головою Роберта Брюса (\*). Г. Вилльямъ Скопшъ напечаталъ въ актахъ (Transactions) одного изъ сихъ Обществъ записку объ отношеніяхъ, существующихъ между характеромъ знаменитаго Короля Брюса и развитіемъ его мозговыхъ органовъ. Онъ нашелъ всѣ шишки, объясняющія и жизнь и каждое изъ дѣяній его.

Вопль Ода, сочиненная, въ порывѣ энтузіазма Рюбершомъ Борнсомъ, въ воспоминаніе сраженія при Боннокбургѣ. Ода сія сдѣлалась народною пѣснейю.

Брюсъ говоришь въ ней рѣчь своему войску.

Scots wha hae with Wallace bled etc.

— „Шотландцы, проливавшіе кровь свою съ Валласомъ — Шотландцы, которыхъ Брюсъ часно водилъ или на кровавый опдыхъ, или на славную побѣду; привѣтствующую васъ, Шотландцы!

„Наспалъ день, наспалъ часъ! смотрише — пѣсняше первые ряды непріятелей, близящся воины Эдуардовы. — Эдуардъ, цѣпи и рабство!

(\*) Докторъ Шпурцгеймъ и его система въ большой модѣ въ Шотландіи.

„Кшо измѣнишь чести? Кшо ляжешь  
въ гробъ робкаго? Кшо захочешь бышь не-  
вольникомъ? Измѣнники, робкіе, обрати-  
шись и бѣгише!

„Вы, обнажающіе мечъ свободы за Ца-  
ря и Шопландію, бейтесь свободные, или  
свободные гибните. — Впередь, за мной,  
Каледоняне!

„Злосчасіями и скорбію припѣснен-  
ныхъ, цѣпями дѣшей вашихъ — клянись  
пролишь кровь свою до капли. — Но дѣши  
ваши будешь . . . будешь независимы.

„Понизьше надменнаго похитителя;  
свобода будешь наградою каждаго удара. —  
Впередь! Побѣда или смерть!“

Вы догадаесть, что быспроша спихо-  
сложенія увеличиваетъ дѣйствіе сей пѣсни.

*Пер. — изъ.*

V.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

### Минута вдохновенія.

Весна, весна! суровыхъ дней  
Съ лица земли слетѣли непогоды. . . .  
Уже я зрю: цвѣтъ радужный лучей  
Вънчаешь чудный ликъ природы!  
Одѣлась лакомъ гладь луговъ,  
Бѣжитъ ручей волной серебристой,  
Благоухаетъ воздухъ чистый  
И въ шини цвѣшающихъ дубровъ  
Пѣвецъ зацолкалъ голосистый!

У Невскихъ поселясь бреговъ,  
Вкушу ль опять небесную любовь,  
И наслажусь ли я гармоніей созданья?  
Лельѣ, ласкай, мечта очарованья,  
Счасливца вновь!

И я горю, въ прекрасный мигъ забвенья,  
Тобой, души восторгъ божественный, святой!  
Твоей волшебной красошой  
Одуревленъ даръ пылкій пѣснопѣнья!  
Настроивъ звонкую свирѣль —  
Уединенія въ тиши благословенной —  
Пою, пою, — и сладостная трель  
Какъ нектаръ, какъ огонь любви священный  
Возносишь духъ Поэта умиленный!

*Николай Лутковскій.*

## Э Л Е Г И Я.

Души возвышеннаго чувства,  
 Любви въ то время я не зналъ,  
 Когда, впервые, безъ искуства  
 Владѣшь цѣвницей начиналъ.  
 Невинныхъ сердца впечатлѣній  
 И дѣтскихъ игръ и наслажденій  
 Мнѣ сладокъ первый былъ напитокъ;  
 Но непонятны были встрѣчи,  
 Ни ласки милыя, ни рѣчи  
 Богошворимыхъ вынѣ дѣвъ.

*Николай Лутковскій.*

## VI.

## СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1826 года.

( *Продолженіе.* )

*Британская Монархія*, какъ мы уже сказали, только по географическому положенію своему можешь быть причислена къ Европѣ, но по внѣшнимъ отношеніямъ, протранству владѣній и морской силѣ, при-

надлежишь, ко всѣмъ частямъ свѣша, и по-  
 тому мы изъ оной составляемъ переходъ  
 къ другимъ главнымъ частямъ нашего шара. —  
 Крипическое положеніе торговыхъ и де-  
 нежныхъ оборотовъ, слѣдствіе безмѣрныхъ  
 спекуляцій, о коихъ мы упомянули въ обо-  
 зрѣніи прошедшаго года, продолжалось еще  
 и въ началѣ нынѣшняго года, и имѣло весь-  
 ма вредное и опасное вліяніе на фабричныя  
 округа; въ самомъ бѣдственномъ состояніи  
 находились работники на шелковыхъ фа-  
 брикахъ. — Въ продолженіе сихъ крипиче-  
 скихъ обстоятельствъ открыты были 3  
 Февраля засѣданія Парламента. Въ рѣчи Ко-  
 роля упомянуто было о господствующемъ  
 недоспашкѣ въ деньгахъ, происшедшемъ не  
 отъ внутреннихъ и не отъ внѣшнихъ по-  
 литическихъ причинъ, и поданъ былъ со-  
 вѣтъ поставивъ вѣрнѣйшее основаніе для  
 коммерческихъ средствъ Государства. Ка-  
 сательно внѣшнихъ сношеній сказано „что  
 Король постоянно и неутомимо стараеш-  
 ся примирять *противоборствующія другъ  
 другу выгоды*, и какъ въ Старомъ, такъ и  
 въ Новомъ Свѣшѣ, преклоняющъ къ миру и  
 держашься онаго.“ Еще было говорено въ  
 сей рѣчи о признаніи Португаліею незави-  
 симости Бразиліи, о торговыхъ условіяхъ  
 съ Франціею и Ганзейскими городами, о дру-

жесивенномъ и торговомъ договоръ съ Колумбійскою Республикою, о надеждъ вскорѣ пріобрѣсти оружіемъ славный миръ въ Остѣ-Индіи, также изъявлено было желаніе объ улучшеніи состоянія Ирландіи, въ которой торговля и ремесла оказывають успѣхи, и объявлено, что Государственный доходъ совершенно опвышшсвоавль ожиданіямъ. Въ Верхней Палатѣ Лордъ Клигъ пошчасъ по-пробовалъ пересмотра законовъ о хлѣбѣ, но Графъ Ливерпуль, признавъ достачочность оныхъ вообще, сказалъ, что при нынѣшнихъ обстоятельстввахъ конечно ни одинъ Министръ въ настоящее засѣданіе не будетъ прѣбавашъ онаго. Онъ напомнилъ о предсказанныхъ имъ въ прошедшее засѣданіе слѣдствіяхъ излишнихъ спекуляцій, и предложилъ, какъ главное средство къ предупрежденію на будущее время подобныхъ бѣдствій, вмѣсто мелкихъ ассигнацій, пустить въ ходъ звонкую монету, и согласился съ Англійскимъ Банкомъ объ ограниченіи ѣвкопорыхъ изъ его привиллегій. То же самое говорили и Министры Каннингъ и Гускисонъ. Канцлеръ Казначейства сдѣлалъ предложеніе, чтобы Нижняя Палата занялась мѣрами въ отношеніи къ Банкамъ и банковымъ ассигнаціямъ, и чтобы обращеніе ассигнацій менѣе пяти-фундоваго достоинства

продолжалось не долѣе 5 Февраля 1829 года. По двухдневномъ продолжительномъ и сильномъ преніи противу оппозиціи, въ кошоромъ Гг. Пиль, Каннингъ и даже Броутгамъ говорили въ пользу рѣшенія Министровъ, сіи послѣдніе наконецъ одержали верхъ. Въ Верхней Палатѣ поднесъ Графъ Ливерпуль билль, кошорымъ грамота привиллегій Англійскаго Банка была измѣнена въ ѣвкопорыхъ спашьяхъ. Также удалось Министрамъ, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдить Банкъ въ выдачѣ въ заемъ 4 милліоновъ фуншовъ подъ залогъ шоваровъ. Пошомъ Г. Барингъ объявилъ, что онъ съ удовольствіемъ замѣчаешъ, что въ слѣдствіе доспохвального поступка Англійскаго Банка, довѣріе и сбытъ возстановились въ торговлѣ, а Г. Пирсъ прибавилъ, что никто изъ купечества, къ чему онаго, не прѣбуешъ опъ Банка болѣе шого, сколько ему необходимо нужно. Такимъ образомъ и сіе великое бѣдствіе подало Англійскому духу общеспвенной пользы, основанію величія Бришанніи, случай показашъ во всемъ своемъ блескѣ. Спошь же челоувѣколюбиво и благоразумно было единодушное рѣшеніе Парламента на предложеніе Министра Колоній, чтобы законно улучшить судьбу невольниковъ. 13 Марша, Канцлеръ Казначейства предложилъ Нижней Палатѣ

финансовый отчетъ, который былъ удовлетворительнѣе, нежели какъ того можно было надѣяться. Весь годово́й доходъ проспирался до 57,043,000 ф. ст., расходъ же только до 56,328,421 ф. ст.; при семъ Министръ замѣнилъ, что въ теченіе семи лѣтъ, онъ предлагалъ уменьшенія податей, которыя составляють около 8 милліоновъ ф. ст. — Рѣчь и отчетъ его были приняты съ громкимъ рукоплесканіемъ. Г. Пиль предложилъ исправить Уголовный Уставъ, преимущественно относительно къ наказанію воровства, ибо онъ утверждалъ, что нынѣ существующіе 98 частно противорѣчащихъ одно другому постановленій, которыя должны бытъ замѣнены однимъ общимъ и яснымъ закономъ. Г. Гускисонъ, въ превосходной и сильной рѣчи, распространился на счетъ вредныхъ дѣйствій системы запретительной, которая, безъ выгодъ для Правительства, пишася безразличностью, обманъ и клятвопреступленіе, и объявилъ, что онъ твердо намѣренъ не оставяять принятой нынѣ системы. Англійскіе Министры опложили важнѣйшіе вопросы, конхъ удовлетворительное рѣшеніе отчасти уже прежде шщечно было испытано, отчасти было невозможно, отчасти же было еще слишкомъ рано, какъ

напр. уравненіе правъ Ирландіи, биль о хлѣбѣ и ш. п., до слѣдующаго Парламентскаго собранія, въ которомъ они ожидали, что фабриканты и купечество, и вообще торговая и демократическая стихія получатъ болѣе вѣсу, чѣмъ въ послѣднемъ, гдѣ, не смотря на великодушный образъ мыслей Министровъ, земледѣльская и аристократическая имѣли сильный перевѣсъ. Поэтому Маркизь Ландсдоунъ, Лордъ Грей, и Сиръ Франсисъ Бордешъ отсовѣтовали Ирландскимъ Каполикамъ подавать въ сіе засѣданіе прошеніе объ уравненіи правъ. Основка фабрикъ и происшедшая отъ того праздность и мятежныя волненія 100,000 рабочихъ, въ большихъ мануфактурныхъ округахъ, которые могли бытъ укрощены только съ помощію военной силы и не безъ кровопролитія, побудили Г. Каннинга уже 1-го Мая учинить предложеніе, чтобы позволено было продавашъ для внутренняго употребленія иностраннхъ лѣтъ, находящійся нынѣ въ Королевскихъ магазинахъ; оное и было немедленно принято. Но большаго шруда сшюало ему доставить благосклонный пріемъ шпорому продолженію своему, чтобы Министрамъ, по окончаніи засѣданія, довѣрено было на собственную отвѣтственность, дозволять ввозъ нужнаго количества хлѣба.

Однако же Министры успели до того, что имь предославлено было на совѣснь, позво- лишь ввезти до 500.000 четвершей хлѣба, плаши, въ случаѣ нужды, пошлины по 12 шиллинговъ съ четверши, полагая срокомъ ввозу два мѣсяца. — 31 Мая, Парламентъ былъ закрытъ Королевскою Коммисіею, кошорая объявила, что нынѣшній Парла- ментъ распущенъ и долженъ быть созванъ новый, къ кошорому немедленно и начались выборы.

Король и знамениый Министръ его, Каннингъ, въ печеніе сего года спрадали опасными болѣзненными припадками. Здо- ровье Герцога Йоркскаго подавало поводъ къ сильнѣйшимъ опасеніямъ. Герцогъ Кларан- скій также не очень здоровъ. Наслѣдіе пре- шлола нѣкогда перейдешъ къ Принцессѣ Але- ксандръ Викторинѣ Кенской, род. 24 Мая 1819 года, кошорой нынѣ 7 лѣтъ ошъ роду. Выборы новаго Парламента вообще произ- ведены были къ удовольствію Министровъ; шщепно пресловушые Коббешъ и Гунтъ искали голосовъ. Такъ какъ шорговые обо- роты все еще не приходили въ лучшее со- стояніе, фабрики все еще находились въ бездѣйствіи и жашва была не обильна, шо 1 Сеншября положено было ошкрытъ новылъ засѣданія Парламента, и позво-

лишь ввозъ различнаго жѣла за 40 дней до ошкрытія Парламента. Съ шѣхъ поръ сно- ва увеличилась дѣятельность на фабрикахъ. 21 Ноября Король лично ошкрылъ новый Парламентъ и объявилъ въ рѣчи своей, что Парламентъ созванъ преимущественно для того, чтобы позволить необходимый ввозъ нѣкоторыхъ родовъ жѣла. 24 Ноября, Г. Гускисонъ пребовалъ двухъ рѣшеній: первое ошносилось къ снятію съ Минист- ровъ ошвѣщенности въ томъ, что они самовольно поступили на основаніи поста- новленія Совѣта ошъ 1 Сеншября; второе касалось позволенія ввозить иностранный хлѣбъ съ плашою означенной въ вышепомя- нушомъ постановленіи пошлины. Оба пред- ложенія были приняты, послѣднее съ назна- ченіемъ срока 15 Февраля. Послѣ Новаго года, Парламентъ просшраніе займешся за- конами о хлѣбѣ.

И въ семь году Великобританія прини- мала живое участіе въ великихъ политиче- скихъ сношеніяхъ въ Европѣ и внѣ оной. Особенно важно было вышепомянушое пу- шешествіе Герцога Веллингтона въ Петер- бургъ, за кошорымъ Герцогъ Девонширскій послѣдовалъ въ качествѣ Чрезвычайнаго По- сла на Коронацію въ Москву. Пушешествіе Министра Каннинга въ Парижъ, 15 Сеншя-

бря, о которомъ составляли сколько предположений, относилось частію къ Греческимъ, частію къ Португальскимъ дѣламъ, на которыя Англійское Министерство оказало рѣшительное вліяніе. Съ Соединенными Штатами Северной Америки Англія, какъ мы о томъ скажемъ ниже, имѣла переговоры о весьма важныхъ предметахъ, которые легко могли бы подать поводъ къ разрыву дружественныхъ связей. Она состояла также въ тѣсныхъ связяхъ съ Юго-Американскими Штатами; торговой договоръ съ Бразиліею не могъ бытъ утвержденъ, и шестию старалась Англія примирить Бразилію съ Соединенными Штатами Ла-Платы. Въ Гаити отправлены были Консулы, а Г. Доукинсъ Посланникомъ на Конгрессъ Панамскій. — Война съ Бирманами, какъ мы дальѣ упомянемъ, была счастливо окончена. Въ Адмиралствѣ господствовала великая дѣятельность: въ началѣ года посланы были 96 военныхъ кораблей, въ числѣ коихъ 15 трехпалубныхъ. Рѣшено было отправить Капитана Парри съ новою экспедиціею для непосредственнаго приближенія къ северному полюсу, и преимущественно для осмотра восточнаго берега Шпицбергена. Капитанъ Франклинъ отправлялся на открытія оствъ рѣки Макензи. Майоръ Ле-

ентъ дѣлалъ важныя открытія во внутренности Африки; новая экспедиція, подъ начальствомъ Капитана Кинга, отправилась въ Южное море, преимущественно для обозрѣнія южнаго мыса Америки. — Испанское предпріятіе усмотренія подводнаго пути подъ Темзою благополучно подвигалось впередъ, и должно бытъ окончено въ печеніе двухъ лѣтъ. Парламентъ утвердилъ построение чугунной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Опыты надъ Перкинсовымъ паровымъ орудіемъ были учинены въ присутствіи Герцога Веллингтона, и удались сверхъ ожиданія. — Безпрерывно умножаешся народонаселеніе необъятнаго Лондона, въ которомъ, въ 1826 году, считалось 21,026 умершихъ и 25.634 родившихся.  
(*Окончаніе впрдѣ.*)

## VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

*Словесность.*

*Альманахи на 1827 годъ.*  
17. *Сверные цѣтвы на 1827 годъ.* Изда-  
ны Барономъ Дельвигомъ. С. П. б., въ

шипогр. Департ. Народн. Просвѣщенія,  
1827., 348 стр. въ 16 долю листа.

(Альманахъ сей уже прешій годъ появился въ свѣсъ, и заслужилъ въ полной мѣрѣ одобреніе всѣхъ любителей легкаго и пріятнаго чтенія. Въ нынѣшнемъ году, можемъ смѣло сказать, что онъ есть *первый* по богатству, разнообразію и достоинству спашей, его составляющихъ, особливо въ оцѣвленіи стиховъ, равно какъ и по красотѣ изданія. Всѣхъ, помѣщенныхъ въ немъ спашей, 59; изъ нихъ 10 прозаическихъ и 49 стихошворныхъ. Одно могли бы мы замѣтить почтенному его собирателю: то, что онъ прозу оцѣвлялъ опъ стиховъ. Въ Альманахъ, какъ въ Англійскихъ садахъ, все должно быть нечаянностію, чтобы читатель встрѣчалъ, не ожидая, прозу или стихи, повѣсти или спашью нравственную, опривокъ изъ Поэмы или пѣсенку, и все сіе въ нѣкошоромъ пріятномъ безпорядкѣ, въ коемъ, при наружномъ опсушенствіи всякой системы, должна соблюдаться главная цѣль Альманаховъ — разнообразіе. Но видя два оцѣвленія въ Альманахъ, читатель напередъ уже знаетъ, что здѣсь искашь должно прозы, а тамъ стиховъ. Намъ кажется, что и для самаго изданія сіе смѣшеніе прозы и стиховъ удобнѣе. Кромѣ заглавной

виньешки, въ семь году къ *Свернымъ Цѣвтамъ* приложены слѣдующія картины: портретъ Г. *Вэрника*, выгравированный Г. Гаршманомъ въ уменьшенномъ видѣ съ того, кошорый имъ самимъ написанъ; *видѣ крѣпости Св. Ангела въ Римѣ* писанный съ натуры Г. *Щедринымъ*, а съ его картины срисованный Г. *Лагеромъ* и выгравированный Г. Ческимъ; и картина, представляющая *Рыбаковъ*, къ Идилліи Г. Гнѣдича, рисованная Г. *Воробьевымъ* и гравированная Г. *Галактіоновымъ*).

18. *Литературный Музеумъ на 1827 годъ Владимира Измайлова. Изданіе А. Ширлеса.* М. въ шипогр. С. Селивановскаго, 1827. 320 стр. въ 16 д. съ листкомъ пошъ.

(Многіе изъ читающихъ нашихъ соотечественниковъ изъявляли сожалѣніе о томъ, что въ Альманахахъ Русскихъ перестали печатать опченны о текущей Словесности нашей за предшествовавшіе годы. Г. Измайловъ пополнилъ сей недоспашокъ: въ началѣ своего Альманаха, помѣстилъ онъ *Обозрѣніе 1826 года*, въ кошоромъ исчисляеть все, вышедшее въ печать за прошлый годъ и заслуживающее вниманія. Сужденія его изложены въ духъ безприспрасной

и благомыслящей криптики. — Всѣхъ прозаическихъ спашей въ *Литературномъ Музеумѣ* помѣщено 9, въ числѣ коихъ два опривка, изъ *Карамзина*; прочія сочин. *В. Измайлова*, *Θ. Глинки*, *В. Пушкина*, *Кн. Вяземскаго*, *Иванчина-Писарева* и *Сомова*; стихошвореній 27, соч. *И. И. Д.*, *А. Пушкина*, *Жуковскаго*, *Гильдича*, *В. Измайлова*, *В. Пушкина*, *Боратынскаго*, *Кн. Вяземскаго*, *Θ. Глинки*, *М. Дмитриева*, *Д. Гльбова*, *Раича*, *Иванчина-Писарева*, *Г-жи Готовцевой* и *Филимонова*. Нѣкопорья сочиненія въ прозѣ и стихахъ даюшь сему Альманаху достоинство хорошей и пріятной книги и мѣсто между лучшими Альманахами сего года.)

Конецъ сто двѣнадцатой части.

## О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
<b>I. Изящная Словесность.</b>	
1. Густавъ Ваза, (Оконч.) . . . . .	3
2. Свѣтъ Гарема . . . . .	27
3. Аресшаншь . . . . .	105
	(Прод.) . . 213
	(Оконч.) . 309
<b>II. Военное Искусство.</b>	
Исторія Аршиллерин, (Прод) . . . . .	60
<b>III. Военная Исторія.</b>	
Битва Аркольская . . . . .	340
<b>IV. Отечественная Словесность.</b>	
Письма на Кавказѣ, (Прод.) . . . . .	372
<b>V. Словесность.</b>	
Бесѣда у Вальшера Скошша . . . . .	381
<b>VI. Стихотворенія.</b>	
1. Цвѣшш . . . . .	98
2. Старой кокешкъ . . . . .	99
3. Новый Нарциссъ . . . . .	100
4. Подражаніе 113 Псалму . . . . .	198
5. Ювь . . . . .	279
6. Минуша вдохновенія . . . . .	401
7. Элегія . . . . .	402

**VII. Критика.**

1. Замѣчаніе на книгу: Военное Краснорѣчіе 73  
 (Оконч.) . 155
2. Апши-Журналистика . . . . . 174
3. На статью Геерена о Рамайяль . . . 255

**VIII. Современная История и Политика.**

- Обозрѣніе происшествій 1826 года . . . 92
- (Прод.) . 201
- (Прод.) . . 291
- (Прод.) . . 402

**IX. Современная Русская Библиография 100**

210

307

411.